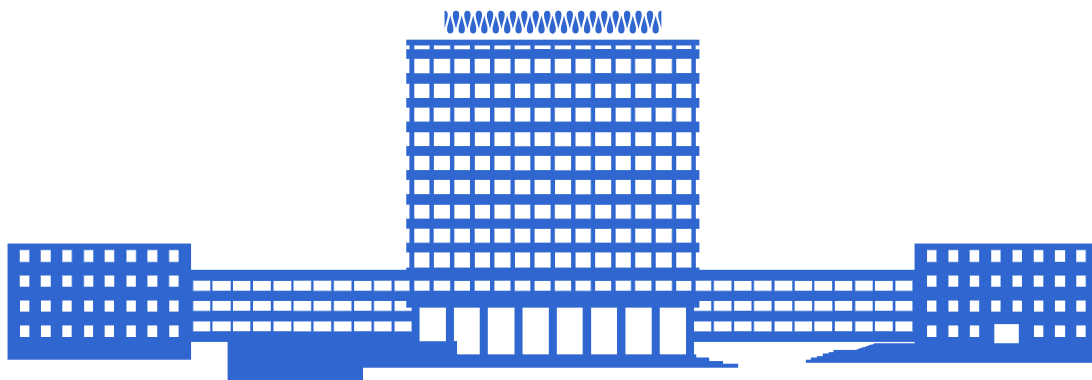

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 12 Выпуск 2 (34) 2016

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал /
отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2016. – Т. 12. – Вып. 2 (34). –
146 с.

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 10 от 25 ноября 2016 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Данное издание является продолжением научного журнала «*Studia Germanica et Romanica*», который выходил с 2004 г. по 2014 г.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Основатель и издатель Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 83001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 12 Выпуск 2 (34) 2016

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2016

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 12 Issue 2 (34) 2016

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 12, Вып. 2 (34), 2016

Германские языки

<i>Atabekova A. K.</i> Indian Borrowings as a Source of English Vernacular Enrichment.....	5
<i>Ткаченко С. Г.</i> Особенности объекта градуирования в английских фразеологических единицах.....	16
<i>Туболева А. А.</i> Структурно-семантические трансформации во фразеологизмах современного английского языка.....	24

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Беспамятная Л. В.</i> Семантические типы терминов кораблестроения в германских и славянских языках (на материале композитов).....	36
<i>Бессонова О. Л., Гришкова Д. М.</i> Структура и семантика фразеологических единиц с терминами родства в английском и немецком языках.....	47
<i>Калиущенко В. Д., Возова С. А.</i> Тактика коммуникативно-прагматической оптимизирующей стратегии в англо- и русскоязычных рекламных заголовках.....	62
<i>Косицкая А. Г.</i> Структурный аспект наименования человека в искусстве.....	74
<i>Петрищева Е. И.</i> Структура и семантика лексем со значением «МАТЬ» и «ОТЕЦ» в английской, немецкой и русской разговорной лексике.....	86
<i>Хохлова В. А.</i> Особенности объективации концептосферы “Человек” средствами английской и украинской топонимической фразеологии.....	95

Методика преподавания иностранного языка

<i>Глоба Т. Н.</i> Аудирование французской интонации студентами языковых специальностей на начальном этапе обучения.....	107
<i>Yeschenko L. V., Pisarevskaya M. M.</i> Impossible Mission is Possible.....	115
<i>Сулина Л. В.</i> К проблеме проектирования учебника по английскому языку для студентов естественных специальностей.....	123

Портрет учёного

Владимир Дмитриевич Калиущенко.....	134
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 12, Issue 2 (34), 2016

Studies in Germanic Languages

<i>Atabekova A. K.</i> Indian Borrowings as a Source of English Vernacular Enrichment.....	5
<i>Tkachenko S. G.</i> Peculiarities of the Object of Grading in the English Phraseological Units...	16
<i>Tubolieva A. A.</i> Structural and Semantic Transformations in Phraseological Units of Modern English.....	24

Typological and Contrastive Studies

<i>Bespamyatnaya L. V.</i> Semantic Types of Substantive Terms of Shipbuilding in Germanic and Slavic Languages.....	36
<i>Bessonova O. L., Grishkova D. M.</i> Structure and Semantics of English and German Phraseological Units with Kinship Terms.....	47
<i>Kaliuščenko V. D., Vozhova S. A.</i> Tactics of the Communicative-Pragmatic Optimizing Strategy in English and Russian Advertising Headlines.....	62
<i>Kositskaya A. G.</i> Names of People in Arts and their Structure.....	74
<i>Petrishcheva E. I.</i> The Structure and Semantics of Lexical Elements with Meaning «MOTHER» and «FATHER» in English, German and Russian Spoken Language.....	86
<i>Khokhlova V. A.</i> Peculiarities of Sphere of Concepts “Man’s World” Objectification by Means of the English and Ukrainian Toponymic Phraseology.....	95

Methods of Language Teaching

<i>Globa T. N.</i> Audition of French Intonation by Students of Language Majors in the Initial Stage of Learning.....	107
<i>Yeschenko L. V., Pisarevskaya M. M.</i> Impossible Mission is Possible.....	115
<i>Sulina L. V.</i> As for Problem English Textbook Designing for Natural Sciences Students.....	123

Scholar’s Portrait

Vladimir D. Kaliuščenko.....	134
------------------------------	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111-044.247:811.21(540)

© 2016 А. К. Atabekova

INDIAN BORROWINGS AS A SOURCE OF ENGLISH VERNACULAR ENRICHMENT

This article deals with the borrowings from Indian languages into English. The author looks into a process of borrowing in retrospect and analyses the reasons and factors which boosted it. Indian borrowings are systematized in accordance with their origin and the degree of assimilation in the modern English language. To substantiate the above the author uses examples from a wide range of sources such as: books, periodicals, TV programs, radio plays, movies.

Key words: *a borrowing, assimilation, British Raj, colonization.*

© 2016 А. К. Атабекова

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ИНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ИСТОЧНИК ОБОГАЩЕНИЯ РАЗГОВОРНОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье дается ретроспективный анализ развития процесса заимствований из языков народов Индии, рассматриваются причины и факторы интенсификации данного процесса на современном этапе развития английского языка с использованием материалов из широкого спектра источников, таких как: книги, периодические издания, телевизионные программы, кинофильмы, радиопьесы. Индийские заимствования систематизированы в статье по происхождению и степени их ассимиляции в современном английском языке.

Ключевые слова: *заимствование, ассимиляция, Британский Радж, колонизация.*

Borrowings form an integral part of any language. They are the main source of new vocabulary acquisitions, one of the basic factors of language development, a “fresh blood”, which enriches, “refreshes” it, preventing its degradation.

The **topicality** of this research is based on an inadequate coverage in scientific literature of the subject of Indian borrowings in English language and a growing interest to this subject. Keeping in view that borrowings come into any foreign language as a the result of long-term interaction and interference between countries in various spheres of life this article may be of use to those who study the history of English language when referring to the 4-centuries long relationship between Great Britain and India and the borrowing process as a result of such relations.

Apart from a purely theoretical use this article may as well have some practical application as a source of background knowledge for students who study English on professional basis for improving their ethno linguistic competence.

The **aim** of this article is to study the development of the English language borrowing process from the Indian languages in retrospect and nowadays as well as to determine the niche Indian borrowings occupy in the modern English language.

The following **tasks** have been defined to achieve the above aim:

- to study historical and socio-linguistic reasons for appearance of the Indian borrowings;
- to analyze the routes of the Indian borrowings into the English language;
- to systematize Indian borrowings by the degree of assimilation into the British English;
- to make an overview of the basic socio-cultural factors boosting Indian lexis borrowing process.

The **object** of this research is the Indian borrowing process into the English language and its **subject** is the analysis of the reasons, background and conditions which stimulated the development of the Indian lexis borrowing process.

In the majority of cases any language borrows lexical units denoting objects or notions which are new for it, i.e. have no native equivalents. In some cases it borrows foreign words used in some new meanings.

“Speakers learn words that are not in their native language, and very frequently, they tend to be fond of some of the words in other languages and borrow them for their own use” [Mohideen, 2009: 16].

The Indian borrowings are not the exceptions from this rule. The words *shampoo*, *khaki*, *sari*, *swastika*, *mantra*, *jute*, *bungalow*, *bandana* and many others had no English equivalents by the time they became a part of the English vocabulary.

The English language started absorbing Indian lexical units in the old times of the British Raj when the colonization of India began and the English language started spreading all over its territory. The same period signifies flourishing of trade between the British Empire and newly colonized territories.

From the very beginning of this period the British colonizers used the English language as an instrument of communication with the local people. Gradually from the language of the Indian elite who was meant to play a role of mediators in communication with the population of a newly acquired colony, the English language became a symbol of a better life for millions of Indians [Giridharadas, 2011].

Introduction of English in India brought about the process of its intensive interaction with the local languages which meant an inevitable “indianization” of the English language in India [Kachru, 1983]. This is the language (called Indian English or Hinglish) which is considered by foreign researchers “...as important a variant of the international language as British or

American English” [Rollason, 2006: 5]. This is the language which is spoken by a sizable section of more than a billion large population of India which ensures a gradual entrance of its various lexical units into the British English. As a result many words of Indian origin denoting pieces of clothing, household utensils, food products, dishes of the national cuisine, philosophical notions, etc. enriched the English vernacular. Various English language dictionaries give the following definitions of some of them:

– *bandanna* – a large coloured handkerchief, typically with white spots, worn tied around the head or neck [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 83];

– *bangle* – a rigid ornamental band worn round the arm or occasionally the ankle [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 83];

– *tandoor* – a clay oven [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 1328];

– *kebab* – meat delicacy (Urdu – roasted meat) [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 704];

– *jungle* – a dense, leafy forest (Sanskrit *jangala*, which means ‘wilderness’ [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 701];

– *karma* – from Sanskrit *karma*, (In Hinduism and Buddhism) the sum of a person’s actions in this and previous states of existence, viewed as deciding their fate in future existences [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 704];

– *dhoti* – a garment worn by male Hindus, consisting of a piece of material tied around the waist and extending to cover most of the legs [Webster’s New World Dictionary, 1980: 388];

– *sahib* – master, friend [Webster’s New World Dictionary, 1980: 1254];

– *candy* – a crystallized sugar or confection made from sugar [Webster’s New World Dictionary, 1980: 206];

– *cashmere* – a fine soft wool, originally that from the Kashmir goat woolen material made from or resembling such wool [Webster’s New World Dictionary, 1980: 220];

– *cushy* – (of a job or situation) undemanding, easy, or secure [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 309];

– *mantra* – (originally in Hinduism and Buddhism) a word or sound repeated to aid concentration in meditation [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 781];

are among the earliest “acquisitions” of the English language.

Researches on this matter confirmed that borrowings from the Indian languages are very numerous. These words have either won the recognition by the English language dictionaries or though widely used in colloquial English are still eagerly waiting to be acknowledged as a part of the English vocabulary.

They started talking about a new “powerful wave” of borrowings, a sort of “linguistic invasion” similar to those which were registered in English in the past in respect of Latin borrowings in the times of the Roman Empire and in the Renaissance period [Новолодская, 2013: 157-158], in respect of the French words in the times of the Norman invasion, and in respect of the Scandinavian languages in the period when England formed a part of the Dutch Kingdom [Jespersen, 1912: 33-151].

There is nothing surprising in such an “invasion” if we look into the very nature of the English language. For centuries it was and remains very “greedy” for borrowing and assimilation of the foreign lexis, the words and phrases of the countries, with which England had a long-standing relationship and interaction on various stages of its long history. The English language has always been a sort of a “boiling cauldron” being the right media for the foreign lexical units of various languages to assimilate and get mixed in numerous intricate combinations (75% of the English vocabulary are the foreign borrowings from more than 50 foreign languages).

As was mentioned before the majority of Indian borrowings are the words which have no equivalents in the English language because most of them denote objects and notions, which did not exist in the Great Britain, for example:

– *yoga* – from Sanskrit *yogas*, meaning ‘union, yoke’ [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 1505];

– *ayurveda* – the traditional Hindu system of medicine (incorporated in Atharva Veda, the last of the four Vedas), which is based on the idea of balance in bodily systems and uses diet, herbal treatment, and yogic breathing [Macmillan English Dictionary, 2006: 83];

– *swastika* – from Sanskrit *svastika*, (from *svasti* ‘well-being’, from *su* ‘good’ + *asti* ‘being’), a religious symbol representing noble qualities and good luck [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 1313];

– *khaki* – from Hindi *khaki*, “smth. of a grey colour” [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 707];

– *nirvana* – (in Buddhism) a transcendent state in which there is neither suffering, desire, nor sense of self, and the subject is released from the effects of karma and the cycle of death and rebirth, an ideal or idyllic state or place [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 859];

– *kedgerie* – a dish consisting chiefly of fish, rice, and hard-boiled eggs [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 704];

– *bungalow* – Bengal style one storey house surrounded by a verandah [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 157];

– *jute* – from Sanskrit *jutas*, which means “twisted hair” [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 703];

– *pariyah* – a social outcast, an untouchable [Macmillan English Dictionary, 2006: 1029];

– *pardah* – a curtain used as a screen for the purpose of sex segregation [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 1028].

“In the evenings Sahib used to sit on the divan in the veranda of his bungalow listening to the mantras of his Maharishi pundit”.

“He wears a loose white shirt, cotton pajamas and puts a white Nehru cap on his head”.

Various Indian lexical units came into the English language by a number of routes, that is either directly: *“The mouth-watering aroma of home-made gulab jamuns and barfees fills the compartment”* [Swarup, 2005: 106] or via the other languages called mediator-languages, for instance, the other European languages. The latter is explained by the fact that the British Empire was not the only country which intended to get hold of inexhaustible natural and manual resources of India. To achieve this goal they pursued an annexationist policy in respect of this country. France, Portugal and Spain were among the countries which have tried to colonize India in this or that period of its history.

The words *ginger* (a fragrant spice) or *indigo* (color between blue and violet in the spectrum) are not considered today as the words of the Indian origin. At the same time though having been borrowed from Latin and Portuguese correspondingly both of them have Indian roots.

“Hyderabad is world famous for its indigo cloth manufacture”.

“Then he got into his best palanquin and ordered to deliver him to his bride’s house”.

The word *“aubergine”* comes under the same definition. Having its roots in Sanskrit it was first borrowed into Persian then Spanish. From there it came into French. And finally it was borrowed into English.

Similarly a word *nabob* from an Urdu *nawwab* “deputy governor” has also entered English through French.

A special group is formed by the words which are considered to be direct borrowings from one of the Indian languages in the period of the British Raj but came into India from Sanskrit or Persian language: *“shah, dervich, toman, divan, caravan, bazaar, caravan serai, padichah, dinar, shawl”.*

“Colonel produces the carton of cigarettes she has hidden inside her almirah”.

“Shah ordered the poor dervish to be beheaded for these words”.

Borrowings from the Indian languages can also be differentiated by the degree of assimilation into the English language.

In many cases it is not easy to identify the Indian origin of this or that word so well they got assimilated into English. Such words are mostly the representatives of the so called “the first wave” of borrowings, i.e. words which were absorbed into English in the times of the British Raj. They are defined by the dictionaries of English language as follows:

– *brahmin* – a cultured man from a long-established upper-class family [Webster’s New World Dictionary, 1980: 170];

– *rajah* – a king or prince in India [Macmillan English Dictionary, 2006: 1165];

– *avatar* – *the human incarnation of God during times of distress on earth* [Macmillan English Dictionary, 2006: 80];

– *guru* – *a Hindu spiritual leader, a teacher, instructor, mentor* [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 574];

– *chilli* – *a small hot-tasting pod of a variety of capsicum, used in sauces, relishes, and spice powders. There are various forms with pods of differing size, colour, and strength of flavour* [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 203];

– *curry* – *a dish of meat, vegetables, etc., cooked in an Indian-style sauce of strong spices, for example: a beef curry* [Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000: 308].

“A travelling *Hakim* ‘врач, доктор, медик’, went past me leaving behind a pungent smell of *turmeric* ‘куркума’ and *ginger* ‘имбирь’”.

“The father gobbled *puri* after *puri*. The mother polished off the golden-yellow potatoes, taking a juicy *chilli* pickle after each bite” [Swarup, 2005: 106].

The linguistic identity of some other “first wave” borrowings does not give rise to any doubt even today. Among them are *a Maharaja* (*a great king*) and *his Maharani* (*a consort of a maharajah*), listening to the *Mantras* of *Brahman* in their palace, *English Sahib* (*master*) with his *Mem-sahib* (*master’s wife*), tasting *Kebabs*, *Puris* and *Samosas*, *Maharishi* (*a wise man, a sage*) of *Yoga* teaching his pupils *Asanas* and *Pranayams* in his *Ashram* (*a religious hermitage*).

In the times of the British colonial rule thousands of English service and military men formed the main driving force of the borrowing process. On return home they used to bring and spread their new knowledge on cultural and domestic traditions, cutlery, food products, Indian cuisine and many other life aspects of their new exotic colony.

Intensive trade ties have also greatly promoted the borrowing process. Thanks to them the following terms came into the English language and are defined by the dictionaries as:

– *sari* (*from Hindi sari*) – *a garment consisting of a length of cotton or silk elaborately draped around the body, traditionally worn by women from South Asia* [Longman Dictionary of Contemporary English, 2003: 1456];

– *calico* – a type of cotton cloth, typically plain white or unbleached [Macmillan English Dictionary, 2006: 192];

– *pyjamas/ pajamas* – a loose-fitting jacket and trousers for sleeping in or a pair of loose trousers tied by a drawstring around the waist, worn by both sexes in some Asian countries [Longman Dictionary of Contemporary English, 2003: 1187];

– *chintz* – a printed and glazed cotton fabric, usually of bright colors [Macmillan English Dictionary, 2006: 236];

– *ghee* – butter made from the milk of a buffalo or cow, used in South Asian cooking: a delicious meal cooked in ghee [Macmillan English Dictionary, 2006: 597];

– *gunny* – a coarse, fabric made of jute, used especially for making bags or sacks [Webster's New World Dictionary, 1980: 623];

– *batik* – a method of producing coloured designs on textiles by dyeing them having first applied wax to the parts to be left undyed [Longman Dictionary of English, 2003: 111] were well known in warehouses and retail outlets all over the Great Britain in those old times.

“The warden was a kind, elderly man who wore starched kurta pyjamas made of khadi cotton cloth”.

A fascinating compilation of Indian borrowings of that era is a Hobson-Jobson glossary – a “historical dictionary of Anglo-Indian words and terms from Indian languages” the first edition of which was published in 1886 and is sometimes defined as “a passionate memoir of colonial India”. It contains about 2000 words and phrases of Indian origin, so called Hobson-Jobsonisms used by the British citizens living in India in the times of the British Raj [Campion, 2012].

It is worth mentioning that sir Henry Yule, one of the authors of this glossary, indicated in the introduction to its first edition that some Indian words came into English even before the times of the British Raj, they have been “insinuating themselves into English ever since the end of the reign of Elizabeth and the beginning of that of King James” [Yule, 1979: 182].

When India regained its independence in 1947 the situation changed. Practically all the British citizens left the country. But little later a flood of Indian refugees poured from this war-torn country into the British Isles.

Despite a fierce anti-British sentiments among the Indian population of pre-independence period of Indian history the deep-rooted ties between these two countries have never broken. This explains a wish of thousands of Indians to find their second home in Great Britain. And today this stream of immigrants is as full-flowing as it was before. “And it is the Indian presence in Britain which marks the other end of this linguistic continuity. British people are familiar with British dialects of Indian English as a result of several generations of immigration” [David

Crystal, 2005: 3]. Indian Diaspora of Great Britain numbers more than 1,5 million people which amounts for 3% of the total country population. And it increases at the highest rate among all the foreign diasporas of the Great Britain. These people publish newspapers and magazines, stage theatricals, they write books and newspaper publication, intentionally or unintentionally bringing new habits, “introducing new notions and new Indian lexical units in all spheres of social life of the country” [Kachru, 1983: 316].

And Indian state does not keep aloof from the processes of popularizing India in Great Britain. “Indian TV news channels and cable net programmes are on the air all over the territory of Great Britain” [Crabtree, 2015].

Soap television programmes such as *The Kumars at No 42*, *Goodness Gracious Me* and *Silver Street* watched by a mainstream audiences in Great Britain are among the brightest examples of such influence on the English language. They show the differences between a traditional Indian culture and a modern British life, make fun of Indian stereotypes on various sides of life in Great Britain. “When the Kumars at No. 42 became successful, I heard local English kids using its catch-phrases and copying its speech rhythms” [Crystal, 2005: 3]. A number of Indian words became a permanent feature of the present-days English vocabulary thanks to these programmes. They are defined by Oxford dictionary as follows: *Namaste* (from Hindi *namaste* which means “I bow to you”), *desi* (local, indigenous), *changa* (a smoking blend containing *Ayahuasca* and other herbs), *jungli* (uncultured, of rude behaviour), *gora* (white person), *Angrez* (English person), *yaar* (a friendly form of address: friend, mate), *badmash* (naughty), *belpuri* (An Indian dish of puffed rice, onions, spices, and hot chutney), *keema* (an Indian street food item: minced meat with onions and tomatoes sprinkled with lemon juice), *chudidars* (tight trousers worn by people from South Asia, typically with a *kameez* or *kurta*, the unisex garment), *dupatta* (a long scarf that a woman wears around her shoulders or head), *papad* (a meal of fresh fish, vegetables, dal, papads, and rice), *chuddies* (underwear):

“But the *desi* foods like *chappati* and *puri* are my favorites” [“Goodness Gracious Me”, 2000].

“It is not a surprise to me that he finally got into prison. He has always been *jungli*” [“Goodness Gracious Me”, 1998].

“Kiss my *chuddies*, man” [“Goodness Gracious Me”, 1999].

The other sources of Indian borrowings are numerous Indian or joint Indo-British or Indo-American movies such as *The Slumdog Millionaire*, *The best exotic Merigold hotel*, *Hinglish Vinglish*, *Delhi Belly*, *Hyderabad Blues*, *Monsoon Wedding*, *Morning Raga*, etc.

Baba (a holy man), *roti* (bread, esp. a flat round bread cooked on a griddle), *paan* (leaf of betel, Indians chew it), *shabash* (Well done!), *yatra* (a pilgrimage or procession), *aloo* (potato)

and a number of other Indian words are the “investments” of Indian film industry into the borrowing process.

“When I came I found them sitting in the porch and smoking beedis”.

“Here, take this chapatti. We saved it for you”.

Indian writers and poets have also made their remarkable contribution to the borrowing process. Such bestsellers as “The God of small things” by Arundhati Roy, “The Satanic Verses” и “Midnight’s children” by Salman Rushdi, “Q & A” by Vikas Swarup and many other masterpieces are very well known in the Great Britain.

“Though most Christian women had started wearing saris, Kochu Maria still wore her spotless half-sleeved white chatta with a V-neck and her white mundu...” [Roy, 1997: 170].

“Her dress consists of a white salwar kameez, a blue dupatta and leather sandals” [Swarup, 2005: 16].

The factors which intensify the borrowing process can not be limited to social and cultural spheres only. Very close economic ties between the two countries also play their positive role. Outsourcing for the British companies which provides thousands of working places is on the rise in India.

Thousands of highly educated Indians work in Great Britain on temporary basis. The brightest example is the cooperation in IT sector for which India is world famous.

“While most of the Indians who come to the West to work in the information-technology sector speak English, the sheer numbers of Hinglishmen in IT makes it almost inevitable that some Hinglish words will get globalized” [Baldauf, 2004].

Summing it up, we can make the following conclusions:

1. The Indian borrowings are widely used in the oral speech in Great Britain. The last few decades are marked by intensification of the Indian borrowing process caused by a number of social, economic and cultural factors. The main sources of the Indian borrowings are: soap TV shows, literary sources, newspapers. The main driving force of borrowing process: immigrants and temporary manpower from India in Great Britain, industrial and trade ties.

2. The routes of Indian borrowings into English language: directly or via some other mediator-languages (French, Persian, Spanish, Portugese, etc.).

3. The number of Indian borrowings into English which were officially acknowledged by various English language dictionaries varies from 900 to 1500 words. But the actual spread of Indian borrowings in oral and written language is a matter which needs a further linguistic research in the future.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новолодская Н. С. Заимствования в английском языке // Достижения вузовской науки. 2013. № 3. С. 157-162.
2. Baldauf S. A Hindi-English jumble, spoken by 350 million // *The Christian Science Monitor*. November, 2004. Available at: <http://www.csmonitor.com/2004/1123/p01s03-wosc.html>. (accessed: 02.01.2014).
3. Campion M. J. Hobson-Jobson: The words English owes to India // *BBC New Magazine*. July, 2012. Available at: www.bbc.com/news/magazine-18796493. (accessed: 20.10.2015).
4. Crabtree J. India's Times now news channel to launch in UK India // *Financial Times*. November, 2015. Available at: www.gulfnews.com/business/sectors/media/india-s-times-now-news-channel-to-launch-in-uk-1.1620333. (accessed: 05.12.2015).
5. Crystal D. Mother-tongue India. Talk for *Lingua Franca* // *ABC Australia*. January, 2005. Available at: www.google.com.ua/?gfe_rd=cr&ei=-Gh2V6b-KNPBNLKIIDg&gws_rd=ssl#q=mother-tongue+india+dauid+crystal. (accessed: 26.10.2015).
6. Giridharadas A. *India Calling: An Intimate Portrait of a Nation's Remaking*. New Delhi: Times Books, 2011. 288 p.
7. Jespersen O. *Growth and Structure of the English Language*. Leipzig: Published by B.G.Teubner, 1912. 274 p.
8. Kachru B. B. *The Indianization of English. The English language in India*. Oxford: Oxford University Press, 1983. 280 p.
9. Mohideen S. B. A Study of English Loan Words in Selected Bahasa Melayu Newspaper Articles // *Language in India*. 4 April 2009. Vol. 9. 205 p. Available at: www.languageinindia.com. (accessed: 12.04.2015).
10. Rollason Ch. Indian Writing in English: Some Language Issues and Translation Problems // "Writers' Meet", New Delhi. March, 2006. Available at: <http://yatrarollason.info/files/INDIANENGLISHJSLversion.pdf>. (accessed: 12.02.2016).
11. Roy A. *The God of small things*. London: Penguin Books Limited, 1997. 340 p.
12. Swarup V. Q & A. London: Doubleday (Random House), 2005. 320 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. "Goodness Gracious Me". Available at: <http://www.watchfree.to/watch-2785-Goodness-Gracious-Me-tv-show-online-free-putlocker.html>. (accessed: 12.06.2012).
2. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Pearson Education Limited, 2003. 1950 p.
3. *Macmillan English Dictionary*. Macmillan Publishers Ltd. Oxford, 2006. 1692 p.
4. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 1540 p.
5. *Webster's New World Dictionary*. William Collins Publishers, Inc., 1980. 1692 p.
6. Yule H., Burnell A. C. *A Glossary of Colloquial Anglo-Indian words and Phrases and of Kindred Terms; Etymological, Historical, Geographical and Discursive* // Hobson Jobson. Munshiram Manharlal Publishers Ltd., 1979. Pp. 180-211.

REFERENCES

1. Novolodskaya, N. S. (2013). Zaimstvovaniya v angliyskom yazyke [Borrowings into the English language]. In *Dostizheniya vuzovskoy nauki*. No. 3. Pp. 157-162. (In Russ.)
2. Baldauf, S. (2004). A Hindi-English jumble, spoken by 350 million. In *The Christian Science Monitor*. November 2004. Available at: <http://www.csmonitor.com/2004/1123/p01s03-wosc.html>. (accessed: 02.01.2014).
3. Campion, M. J. (2012). Hobson-Jobson: The words English owes to India. In *BBC New Magazine*. July, 2012. Available at: www.bbc.com/news/magazine-18796493. (accessed: 20.10.2015).

4. Crabtree, J. (2015). India's Times now news channel to launch in UK India. In *Financial Times*. November 2015. Available at: www.gulfnews.com/business/sectors/media/india-s-times-now-news-channel-to-launch-in-uk-1.1620333. (accessed: 05.12.2015).
5. Crystal, D. (2005). Mother-tongue India. Talk for Lingua Franca. In *ABC Australia*. January, 2005. Available at: www.google.com.ua/?gfe_rd=cr&ei=-Gh2V6b-KNPBNLKIIDg&gws_rd=ssl#q=mother-tongue+india+david+crystal. (accessed: 26.10.2015).
6. Giridharadas, A. (2011). *India Calling: An Intimate Portrait of a Nation's Remaking*. New Delhi: Times Books.
7. Jespersen, O. (1912). *Growth and Structure of the English Language*. Leipzig: Published by B. G. Teubner.
8. Kachru, B. B. (1983). *The Indianization of English. The English Language in India*. Oxford: Oxford University Press.
9. Mohideen, S. B. (2009). A Study of English Loan Words in Selected Bahasa Melayu Newspaper Articles. In *Language in India*. 4 April 2009. Vol. 9. Available at: www.languageinindia.com. (accessed: 12.04.2015).
10. Rollason, Ch. (2006). Indian Writing in English: Some Language Issues and Translation Problems. In "Writers' Meet", *New Delhi*. March 2006. Available at: <http://yatrarollason.info/files/INDIANENGLISHJSLversion.pdf>. (accessed: 12.02.2016).
11. Roy, A. (1997). *The God of small things*. London: Penguin Books Limited.
12. Swarup, V. (2005). *Q & A*. London: Doubleday (Random House).

LEXCOGRAPHICAL SOURCES

1. "Goodness Gracious Me". Available at: <http://www.watchfree.to/watch-2785-Goodness-Gracious-Me-tv-show-online-free-putlocker.html>. (accessed: 12.06.2012).
2. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Pearson Education Limited, 2003.
3. *Macmillan English Dictionary*. Macmillan Publishers Ltd. Oxford, 2006.
4. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
5. *Webster's New World Dictionary*. William Collins Publishers, Inc., 1980.
6. Yule, H., Burnell, A. C. (1979). A Glossary of Colloquial Anglo-Indian words and Phrases and of Kindred Terms; Etymological, Historical, Geographical and Discursive. In *Hobson Jobson*. Munshiram Manharlal Publishers Ltd..

Атабекова Алла Кимовна – преподаватель кафедры английского языка для экономических специальностей (e-mail: alkimchik@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Atabekova Alla K. – Lecturer at the Department of the English Language for Economic Specialities (e-mail: alkimchik@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 04 июля 2016 г.

УДК 81'373.7:811.111

© 2016 С. Г. Ткаченко

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА ГРАДУИРОВАНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

В статье рассматриваются особенности структуры и семантики объекта градуирования в английских фразеологических единицах с эксплицитным градуальным признаком. Объектом градуирования является тот предмет, качество или действие, к которому был применен мерительный признак. Наиболее распространенными являются единицы, в которых объект градуирования выражен именем существительным. Объект градуирования часто указывает на понятия, связанные с процессом достижения успеха, характеризующие человека или его деятельность.

Ключевые слова: эксплицитное градуирование, градация, объект градуирования, фразеологическая единица.

© 2016 S. G. Tkachenko

PECULIARITIES OF THE OBJECT OF GRADING IN THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

The research deals with the structural and semantic peculiarities of the object of grading in the phraseological units comprising an explicit grading marker. The object of grading is a thing, characteristic or action, which has been measured. The noun is the most frequently used means of expressing the object while the adjective and the verb are much more infrequent. The method of component analysis has made it possible to state that the object of grading often refers to such notions as success and human characteristics.

Key words: gradation, grading, object of grading, phraseological units.

Категория градации является одной из универсальных антропоцентрических категорий языка. Термин градация трактуется как «последовательность, постепенность в расположении шкалы градации, расчленение градуирования на этапы, ступени» [Колесникова, 2012: 80]. Комплексное изучение градуирования, как и любого другого сложного языкового явления, подразумевает его исследование во взаимосвязи со смежными лингвистическими категориями, такими как интенсивность (И. И. Туранский, К. М. Суворина, И. И. Убин), оценка (Н. Д. Арутюнова, О. Л. Бессонова), количественность (Е. Кржижкова, О. В. Лазарева), мера и степень (А. Н. Баранов, А. Н. Полянский), экспрессивность (Е. М. Галкина-Федорук, А. П. Сквородников) и др. В современной лингвистике наблюдается тенденция к увеличению количества работ, посвященных изучению особенностей градуальной семантики на материале разноуровневых языковых единиц. Анализ языковых единиц в аспекте градуальности посвящены работы таких лингвистов, как Д. Болинджер, Н. Н. Горшкова, И. А. Исаева, С. М. Колесникова, Л. Н. Марчук, Ч. Осгуд, Т. В. Подуфалова, Э. Сепир, Е. И. Шейгал.

Значительный интерес для исследователей представляет фразеология, являющаяся областью языка, в которой особенно ярко выражена лингвокультурная специфика вербализации языковых категорий. Именно лингвокультурологический аспект изучения фразеологических единиц (ФЕ) с градуальной семантикой определяет актуальность исследования. Являясь культурно-маркированными единицами, ФЕ вербализуют понятия и явления, которые совпадают или, наоборот, отклоняются от сложившейся в данном социуме нормы [Шейгал, 1990: 85], которая является отражением не научной, а субъективной картины мира и тесно связана с категорией оценки [Бессонова, 2013: 87-117]. Особая роль фразеологических единиц в изучении градации обусловлена тем, что ФЕ передают отношение субъекта к фактам окружающей действительности, усиливают логическое и эмоциональное содержание, выражают интерпретацию и оценку окружающего мира [Трофімова, 2013: 148-149]. Характер взаимоотношений между субъектом и явлениями окружающей действительности передается в структуре фразеологической единицы с помощью градуальной семантики путем сравнения свойств объектов и явлений, указания на степень или интенсивность их проявления в определенной ситуации. Фразеологизмы с градуальной семантикой представляют собой устойчивые, воспроизводимые единицы, наделенные целостным значением, в структуре и семантике которых обязательно наличие градосемы [Горшкова, 2004: 56]. Градосема в структуре фразеологического значения может актуализировать один или несколько элементов семантической структуры фразеологизма и служить как для интенсификации, т.е. усиления признака (например: *a bird in the hand is worth two in the bush* 'it is advisable to accept something that you have than to try to get something better that you are not sure of'), так и для его ослабления (*lose your edge* 'to become less good at what you do').

Сформулированное Э. Сепиром положение об эксплицитном и имплицитном градуировании указывает на то, что градация может актуализироваться с помощью имплицитных и эксплицитных средств [Сепир, 1985: 47]. Если в первом случае само присутствие признака с необычайно большой или маленькой степенью его проявления предполагает неявное сравнение с объективно существующей нормой, то во втором случае градация достигается за счет явного (эксPLICITного) указания на изменение количества признака, то есть с помощью маркеров, в обобщенном виде представленных понятиями «больше» и «меньше» [Bolinger, 1972; Сепир, 1985]. ФЕ с эксплицитным градуальным признаком, то есть те ФЕ, в толковании значений которых присутствует прилагательное или наречие в сравнительной или превосходной степени, являются наиболее ярким проявлением категории градации во фразеологии.

Семантика градуальности имеет сложную структуру, которая включает такие компоненты как: субъект градуирования, объект градуирования, характер градуирования и основание градуирования [Колесникова, 1998: 49]. Импликация субъекта и основания градуирования является характерной чертой фразеологической репрезентации категории градуальности. Объект и характер градуирования выражены эксплицитно в лексикографическом толковании ФЕ. Все представленные компоненты объединены единой семантической доминантой – степенью проявления признака, предмета, действия по отношению к норме (нейтральной точке).

Объект градуирования – это количественное проявление качественных характеристик [Колесникова, 2012: 47], то есть применение мерительного признака к окружающим объектам – предметам, признакам, действиям. Количество признака вербализуется с помощью наречий-градуаторов [Назарова, 2008: 206], которые указывают на восходящий или нисходящий характер градации. Градуированию подвергается то свойство объекта (будь то предмет, признак или действие), которое является наиболее важным в данном контексте, например: *push the boat out* ‘потратиться’ (to spend more money than you usually do, for something special). Объектом градуирования в данном случае являются деньги, градуированию подвергается количественный аспект, который является определяющим для описываемой ситуации.

Целью данного исследования является описание структурно-семантических особенностей градуируемого объекта в толковании значения английских ФЕ с эксплицитным градуальным признаком. **Объектом** исследования послужили 269 ФЕ английского языка, в лексикографических толкованиях которых были зафиксированы прилагательные или наречия в сравнительной и превосходной степенях. ФЕ были отобраны методом сплошной выборки из специализированных англоязычных словарей [Cambridge Idioms Dictionary, 2006; Longman Idioms Dictionary, 1998]. **Предметом** изучения являются семантические особенности эксплицитно градуируемого объекта, представленного в лексикографических описаниях ФЕ.

В современных работах, посвященных исследованию природы градуальной семантики, отмечается, что градуальность, обусловленная размерными и/или количественными модификациями, приводит к выделению степени интенсивности качественной характеристики предмета [Колесникова, 2012; Подуфалова, 2005]. В таких случаях объект градуирования выражается именем существительным:

(1) *err on the side of caution* (to choose the safest way of doing something) ‘перестраховаться’.

Градуальность, обусловленная качественными модификациями, позволяет выделить степени интенсивности проявления признака статичного [Колесникова, 2012; Зайков, 2013], носителем которого является имя прилагательное:

(2) *the crème de la crème* (the *very best*) ‘лучший из лучших’.

Градуальность, определяемая временно-пространственными модификациями, дает возможность выделить степени интенсивности проявления динамического признака [Колесникова, 2012; Палоси, 2009], который находит свое языковое выражение в глагольных формах:

(3) *better late than never* (be glad that something is finally being done, although it *should have been done earlier*) ‘на волосок’.

В корпусе анализируемых языковых единиц наиболее многочисленными являются ФЕ, в которых градуированию подвергается характеристика предмета, выраженного именем существительным (137 ед., 51%). Объект градуирования в этой группе чаще всего выражен эксплицитно, то есть вербализован в лексикографическом толковании ФЕ. Однако, были зафиксированы также случаи импликации объекта градуирования, что подразумевает использование в толковании ФЕ не фиксированного объекта, выраженного неопределенными местоимениями *something*, *somebody*, например:

(4) *build bridges* (to try to establish *better relationships*) ‘наводить мосты’;

(5) *cream of the crop* (used about *somebody* or *something* that is the *best* of it’s kind) ‘лучший представитель, вишенка на торте’.

В зависимости от референтных свойств объекта в этой группе можно выделить две подгруппы объектов градуирования: абстрактные явления (обозначающие отвлеченные понятия, свойства, качества и состояния), которые составляют 78 единиц (29%) и конкретные понятия (называющие вещи, лица, факты и все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности), насчитывающие 59 единиц (22%). Градуированию могут подвергаться свойства таких понятий как межличностные отношения, время, обстоятельства, количество, информация.

(6) *blood is thicker than water* (family *relationships* are stronger and more important than any others) ‘кровь не водица’;

(7) *somebody’s finest hour* (the *most important*, *most successful* and *best time* in somebody’s life) ‘золотое время’;

(8) *the line of least resistance* (a course of actions that will cause *fewest problems* for you and result in the *least opposition* from the other people) ‘путь наименьшего сопротивления; выход из трудной ситуации, позволяющий избежать проблем’;

(9) *baby boom* (a period of years during which a *greater number* of babies are born than normal) ‘резкое увеличение рождаемости, бэби бум’;

(10) *get down to the (real) nitty gritty* (to discuss the *most basic, important, and practical facts* of something) ‘перейти к сути, конкретике’.

Градуирование объекта, обозначающего абстрактное явление, происходит как на основании количественного признака (см. (8), (9)), так и по признаку субъективной значимости (см. (6), (7), (10)). Кроме того, градуированию могут подвергаться несколько свойств одновременно (см. (8), (10)).

Среди ФЕ, в которых объектом градуирования являются конкретные понятия, можно выделить примеры градуирования свойств, характеризующих людей, места, количество денег, например:

(11) *top dog* (the winner or *most successful person*) ‘хозяин положения’;

(12) *the armpit of the world* (the *ugliest place* in an area) ‘клоака, самая глушь, дыра’;

(13) *put the bite on somebody* (to create a situation where somebody has to spend *more money*) ‘попросить денег взаймы, тянуть деньги из кого-то’.

Группа ФЕ, содержащих в себе характеристику человека, обладает наибольшим диапазоном градуирования, т.е. разнообразием градуируемых свойств и характеристик. Наиболее частотными в анализируемой группе ФЕ были такие качества человека как его статус (в обществе, организации), возраст, количество, отношение к человеку или группе людей в обществе:

(14) *the big guns* (the *most important and powerful people* in an organization) ‘большие шишки’;

(15) *second childhood* (when an *older adult* behaves like a child) ‘старческий маразм’;

(16) *swim against the current* (to have a different opinion from *most people*) ‘плыть против течения’;

(17) *the scum of the world* (the *worst people* you can imagine) ‘отребье’.

Группа ФЕ, в которых объект градуирования выражен глаголом, включает 80 единиц (30%). Объект градуирования в этом случае может обозначать действие, процесс или состояние:

(18) *crack the whip* (to control people and force them to *work harder*) ‘натянуть вожжи’;

(19) *get a wiggle on* (to *do* something *more quickly*) ‘поторапливаться, пошевеливаться’;

(20) *be spoken for* (to *be no longer* available) ‘быть сговоренным, отложенным (при продаже)’.

Градуирование действия происходит путем указания на его качественные (степень завершенности процесса, интенсивность действия) или количественные характеристики, расчленение процесса на фазы.

Следует отметить, что во многих случаях объект градуирования указывает на переход из одного состояния в другое, начало новой фазы действия:

(21) *take a turn for the better / worse (to get much better or worse suddenly)* ‘изменяться к лучшему / худшему’;

(22) *be on the wane (becoming smaller, weaker or less common)* ‘уменьшаться’.

Группа ФЕ, в которых объектом градуирования выступает признак, включает 52 единицы или 19%. Анализ материала показал, что градуируемые признаки чаще всего характеризуют человека или его деятельность. В группе рассматриваемых ФЕ можно выделить несколько семантических подгрупп в зависимости от сферы жизни человека, к которой относится тот или иной признак:

1) психологическая сфера (27%), например:

(23) *pour oil on troubled waters (to try to make people less angry)* ‘лить масло на воду, пытаться успокоить’;

2) социально-нормативная сфера (24,9%), например:

(24) *lower the boom on (to become more strict in dealing with a problem and punishing the people involved)* ‘принять жесткие меры’.

Во всех приведенных выше случаях градация достигается за счет указания на интенсивность градуируемого качества.

Итак, градуальная семантика в английских ФЕ реализуется с помощью эксплицитно выраженного объекта и характера градуирования. Субъект и основание градуирования в ФЕ чаще всего выражены имплицитно. Объектом градуирования во фразеологии могут выступать предмет, признак или действие. Наиболее частотными в анализируемых ФЕ являются единицы, в которых объект градуирования выражен именем существительным, а наименее частотными – имя прилагательное. В случае, если объектом градуирования выступает предмет или признак, выраженный именем существительным или именем прилагательным, градуированию подвергаются их качественные или количественные характеристики. При рассмотрении глагола как объекта градуирования чаще всего градуируется степень интенсивности действия, степень завершенности процесса. Понятия, которые чаще всего подвергаются градуированию, относятся к таким сферам как успех, эмоциональное и физическое состояние человека. В английских ФЕ с градуальной

семантикой объектом градуирования чаще всего является понятие «человек», которое обладает наибольшим разнообразием градуируемых признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.
2. Горшкова Н. Н. Градуальная семантика фразеологических единиц с временным значением // Проблемы современной филологии. Тамбов, 2004. С. 55-57.
3. Зайков Д. В. Семантические свойства фразеологических единиц, составляющих макрополе меры и степени статичного признака (на материале русского и английского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. № 1. С. 112-117.
4. Колесникова С. М. Категория градуальности и способы ее выражения в современном русском языке. М.: МПУ, 1998. 280 с.
5. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. М.: МПГУ, 2012. 294 с.
6. Назарова И. В. Роль наречий-градуаторов в английском языке // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2008. №1 (11). Т. 1. С. 205-209.
7. Палоси И. Способы выражения интенсивности действия в русском языке // Studia Russica. Будапешт, 2009. № 23. С. 289-297.
8. Подуфалова Т. В. Деривационная обусловленность градации языковых единиц (на примере слов, обозначающих количество) // Мова і культура. К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005. Вип. 8. С. 259-264.
9. Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1985. Вып. 16. С. 43-78.
10. Трофімова О. В. Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах. Донецьк: ДонНУ, 2013. 269 с. (Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. Т. 1).
11. Шейгал Е. И. Градация в лексической семантике. Куйбышев: Изд-во КГПИ им. В. В. Куйбышева, 1990. 96 с.
12. Bolinger Dw. Degree Words. The Hague-Paris: Mouton, 1972. 324 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge University Press, 2006. 505 p.
2. Longman Idioms Dictionary. Pearson Education Limited, 1998. 398 p.

REFERENCES

1. Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kontseptov pri provedenii sravnitelno-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitskogo, S. I. Potapenko (eds.) *Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya*. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).
2. Gorshkova, N. N. (2004). Gradualnaya semantika frazeologicheskikh edinits s vremennym znacheniem [Gradual semantics of phraseological units denoting time]. In *Problemy sovremennoy filologii*. Tambov. Pp. 55-57 (In Russ.).
3. Zaykov, D. V. (2013). Semanticheskie svoystva frazeologicheskikh edinits, sostavlyayushchikh makropole mery i stepeni statichnogo priznaka (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Semantic peculiarities of phraseological units entering the concept of

degree of the static quality (in Russian and English languages)]. In *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 1. Pp. 112-117 (In Russ.).

4. Kolesnikova, S. M. (1998). *Kategoriya gradualnosti i sposoby ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [The category of grading and means of its expressing in the modern Russian language]. M. (In Russ.).

5. Kolesnikova, S. M. (2012). *Gradualnost: sistemnye svyazi i otnosheniya v russkom yazyke* [Grading: system connections and relations in the Russian language]. M. (In Russ.).

6. Nazarova, I. V. (2008). Rol narechiy-graduatorov v angliyskom yazyke [Role of grading adverbs in the English language]. In *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki*. No 1 (11) Vol. 1. Pp. 205-209 (In Russ.).

7. Pálosi, I. (2009). Sposoby vyrazheniya intensivnosti deystviya v russkom yazyke [Means of expressing intensity of action in the Russian language]. In *Studia Russica*. Budapesht, No 23. Pp. 289-297 (In Russ.).

8. Podufalova, T. V. (2005). Derivatsionnaya obuslovlennost gradatsii yazykovykh edinit (na primere slov, oboznachayushchikh kolichestvo) [Derivative dependence of language gradation (in wordsdenoting quantity)]. In *Mova i kultura*. No 8. Pp. 259-264 (In Russ.).

9. Sapir, E. (1985). Graduirovaniye. Semanticheskoye issledovaniye [Grading. A study in semantics]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. No 16. Pp. 43-78 (In Russ.).

10. Sheygal, E. I. (1990). *Gradatsiya v leksicheskoy semantike* [Gradation in lexical semantics]. Kuybyshev. (In Russ.).

11. Trofimova, O.V. (2013). *Frazeologiya negatyvnykh emotsiy v angliyskiy ta ukraynskiy movakh* [Phraseology of negative emotions in the English and Ukrainian languages]. Donetsk. (Lingvokognityvni ta lingvokulturologichni doslidzhennya. Vol. 1). (In Ukr.).

12. Bolinger, Dw. (1972). *Degree Words*. The Hague-Paris: Mouton.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Cambridge Idioms Dictionary*. Cambridge University Press, 2006.

2. *Longman Idioms Dictionary*. Pearson Education Limited, 1998.

Ткаченко Софья Геннадьевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: curuxa.sabia@gmail.com)
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Tkachenko Sofiya G. – Postgraduate Student at
the Department of English Philology
(e-mail: curuxa.sabia@gmail.com)
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 13 сентября 2016 г.

УДК 81'373.7

© 2016 А. А. Туболева

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной научной статье делается попытка исследовать вариативность фразеологических единиц, а также виды их структурно-семантических трансформаций в художественных текстах XX – начала XXI ст. Выделены когнитивные характеристики трансформаций в контексте художественного произведения. Прослеживается текстообразующая роль трансформируемых фразеологических оборотов на основе концептуальных факторов анализируемого явления в художественном дискурсе.

Ключевые слова: фразеологические единицы, вариативность, фразеологические трансформации, речевая вариативность, вклинивание, развертывание, семантический анализ, семантическая целостность.

© 2016 А. А. Tubolieva

STRUCTURAL AND SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN PHRASEOLOGICAL UNITS OF MODERN ENGLISH

The article deals with the variability of the phraseological units found in the XX-XXI century fiction and also different types of structural and semantic transformations. The cognitive characteristics of the transformations in the fiction context are considered. The text forming role of the phraseological units transformed on the basis of the conceptual factors in fiction has been traced.

Key words: phraseological units, variations, phraseological transformations, variations of speech, wedging, development, semantic analysis, semantic integrity.

Статья посвящена проблемам английской фразеологии, а именно вопросам устойчивости и сменяемости состава фразеологизмов и трансформациям, которые ведут к изменениям в семантике фразеологических единиц (далее ФЕ). Эти изменения мы именуем структурно-семантической вариативностью [Кунин, 1970: 144]. Под структурно-семантической вариативностью фразеологизмов мы понимаем контекстуально детерминированные модификации внешней или внутренней формы, которые используются автором для наиболее адекватной передачи его мысли и реализации определенной коммуникативной цели. Теоретическая база современной фразеологии была разработана в известных трудах ученых нескольких лингвистических школ, среди которых следует назвать Н. М. Амосову, В. Л. Архангельского, В. В. Виноградова, О. В. Кунина, В. М. Мокиенко, А. П. Чернышёву, А. Cowie, А. Makkaï, R. Moon и других. Важнейшее место в разработке теоретических вопросов английской фразеологии принадлежат работам А. В. Кунина, который обобщил достижение современных ему исследователей-фразеологов. А. В. Кунин разработал классификацию ФЕ, которая основана на структурно-семантическом и функциональном

принципах. Ученый доказывает, что значение ФЕ предопределено ее структурой, функцией в контексте и взаимодействием между компонентами ФЕ [Кунин, 1970: 122]. В классификации А. В. Кунина ФЕ разделены на четыре класса согласно их функциям в процессе общения и структурно-семантическим особенностями.

Первый класс составляют номинативные фразеологические единицы; второй – номинативные и номинативно-коммуникативные ФЕ; к третьему классу принадлежат ФЕ, которые не имеют ни номинативного, ни коммуникативного характера; четвертый класс включает коммуникативные фразеологизмы. Согласно А. В. Кунину [Кунин, 1970: 73], к первому классу относятся словосочетания: субстантивные (*a rough diamond, a closed book*), адъективные (*as large as life, right as rain*), адвербиальные (*like water from a duck's back, by word of mouth*). Вторым классом являются ФЕ, которые называются номинативными, если глагол в них не может подлежать трансформации относительно категории состояния (*close one's eyes to smth., be worn to a shadow*) и номинативно-коммуникативными, если при использовании их в пассивном состоянии фраза трансформируется в предложение (*lead smb. by the nose → He felt he was lead by the nose; give smb. the cold shoulder → The girl was given the cold shoulder in the house*). Третьим классом являются междометные ФЕ (*by the Lord, bless my life*), а четвертым – пословицы и поговорки (*as you make your bed, so you must lie on it, if you run after two hares, you will catch neither*). Данная классификация приобрела статус классической в современной фразеологии.

Базовым фактором для развития фразеологической семантики можно назвать концепцию “автономности фразеологии” [Кунин, 1970: 27-28]. Согласно этой концепции фразеология рассматривается как “традиционное единство системных отношений между компонентами фразеологических единиц и фразеологических единиц между собой на основе их структурно-семантических особенностей”. Эта концепция стала основополагающей для более поздних исследований во фразеологии германских и негерманских языков [Малюга, 2014: 91].

В данной статье делается попытка описания отделенных видов трансформаций ФЕ, выявленных в текстах романов и рассказов британских и американских писателей XX-XXI веков.

Остановимся на детальном анализе двух видов трансформаций ФЕ, обусловленных изменениями их компонентного состава: **расширении компонентного состава ФЕ и сокращении компонентного состава ФЕ.**

В данном исследовании рассматриваем два подвида расширения компонентного состава ФЕ: **вклинивание** и более выразительное увеличение числа компонентов ФЕ, для

которого предлагается название **развертывание**, наиболее точно отвечающие содержанию структурных и семантических процессов, которые происходят во ФЕ при этом виде трансформаций. Что касается сокращения компонентного состава ФЕ, здесь можно выделить два подвида трансформаций – **отсечение ФЕ** и **стяжение**.

Вклинивание. Это прием конкретизации значения ФЕ, который заключается в появлении новой лексемы с уточняющим значением, относящимся к субстантивному или адъективному компоненту ФЕ [Жуков, 1986: 55].

В значительном количестве примеров вклинивание реализуется в виде появления определения при субстантивном (пример 1) или адъективном (пример 2) компоненте, выраженного прилагательным, например:

(1) *A kempt stack of greenbacks, crimp and new can catch the most curious eye* [Francis, 1999: 289].

Здесь расширение состава ФЕ *catch the / one's eye* 'бросаться в глаза, привлекать внимание' детерминировано появлением препозитивного прилагательного *curious* в превосходной степени сравнения, которая конкретизирует значение относящегося к существительному компонента *eye*, что обнаруживает внутри ФЕ признаки слова с собственным значением.

(2) *Doctor Bradly was a very queer fish. With his belligerency, reputation and status between him and the pen-pushers, he instantly noticed an atmosphere not acceptable to his queer ground...* [Woolf, 2002: 242].

Атрибутивный компонент ФЕ *a queer fish* 'чудак, человек с чудачествами' испытывает значительное семантическое уточнение посредством вклинивания наречия *very*, семантика которого, исходя из семантического значения базовой ФЕ, вызывает его сдвиг в сторону реализации превосходной степени сравнения.

Интересно наблюдать трансформацию подобного вида, когда во ФЕ наблюдается вклинивание слов-антонимов, которые выражают соответственно высокий и низкий уровень реализации признака:

(3) *When the rest of folks spent their time campaigning, Fiona oppressed the President to hold a tougher line when having to do with heads of state and insisted on a stronger adherence to NATO, but she made little headway.*

After all, he didn't make much headway as the polls stuck at around 45-35 in their favor. [Archer, 1982: 464].

В обоих предложениях смысл слова, который реализует вклинивание (*little, much*)

взаимодействует с семой ‘позитивное’ в значении компонента *headway* ФЕ *to make headway* – ‘to make progress, especially when it is slow or difficult’. Результатом этого взаимодействия является негативное и, соответственно, позитивное изменение значения данного компонента и ФЕ в целом. Привлечение широкого контекста романа показывает, что анализируемые в примере (3) ФЕ являются важным информационным сигналом, который входит в ряд текстообразующих средств художественного произведения [Смирницкий, 1956: 12].

Развертывание. Более сложные по структуре случаи расширения компонентного состава ФЕ еще не получили единого терминологического названия. В исследованиях предыдущих лет такой подвид трансформаций ФЕ специально не анализировался, но отдельные примеры описывались как случаи увеличения экспрессивных потенциалов ФЕ [Савицкий, 1993: 28-34]. Так, в некоторых работах употреблен термин “добавление” [Козырева, 1984: 125] или “линейное добавление”. Другие авторы предлагают называть усложненное расширение ФЕ “синтаксическим расширением”, “авторским расширением ФЕ с разного рода добавлениями” [Баранов, Добровольский, 2008: 154], что можно понимать как обогащение смысла, развернутую экспликацию ФЕ. В данной работе вслед за В. М. Мокиенко употребляется термин “развертывание”, который понимается как появление дополнительных смыслов в семантике высказывания, где актуализируется ФЕ с данным видом трансформации.

В отличие от примеров с вклиниванием, в случаях с развертыванием наблюдаем расширение структуры базовой ФЕ в целом, а не благодаря модификации одного или двух компонентов. Элемент, который включается, часто имеет структуру фразы, а не лексемы, кроме того, он семантически соотносится со значением ФЕ в целом, а не со значением одного из компонентов. Например, базовая ФЕ *give with one hand and take with the other* – ‘помогать в одном и вредить в другом’ актуализируется таким образом:

(4) “*What are you talking about?*” asked Luck”. Foster gave them a *foreign policy* with one hand, Washington *takes* it away with the other” [Le Carre, 1980: 167].

В этом фрагменте часть базовой предикативной ФЕ употребляется с прилагательным *foreign* и приобретает функцию дополнения *a foreign policy*, которое имеет структуру субстантивного словосочетания, которое не является нормой для употребления данной ФЕ.

Примеры подобного развертывания являются проявлением противоречия между раздельно-оформленностью ФЕ и ее семантической целостностью [Austin, 1962: 37], в результате чего наблюдаем ослабление спаянности компонентов и увеличение их семантической автономии, что, в свою очередь, приводит к семантическим изменениям.

Автономно воспринятый компонент ФЕ приобретает значения только с позиции восприятия целого, то есть с позиции целостного восприятия базовой ФЕ как смыслового компонента и значения, поэтому семантическое значения модифицированной таким расширением ФЕ не теряется, а наоборот, становится конкретнее и ярче [Макаров, 2003: 250].

Другую группу представляют ФЕ, в которых трансформации детерминированы сокращением состава ФЕ. В процессе анализа материала нами выделены два подвида сокращения компонентного состава ФЕ, которые отличаются структурно, а также характером наблюдаемых семантических изменений: отсечение части ФЕ и стяжение.

При отсечении части ФЕ происходит уменьшение её лексического состав. Второй подвид сокращения – это стяжение базовой ФЕ в структуру, которая функционирует в предложении как сложное слово, но его состав по сравнению с базовой ФЕ остается неизменным. Рассмотрим случаи сокращения компонентного состава ФЕ подробнее.

Отсечение части ФЕ. Анализ данного вида фразеологических трансформаций показывает, что он является особенно характерным для пословиц, причем отсекается может значительная линейная часть пословицы, так, что остаются лишь компоненты, которые наиболее концентрировано реализуют концепт, выраженный базовой ФЕ. То есть вне пределов отсечения остается часть ФЕ, которая именно и воплощает фразеологический образ:

(5) *She now exclaimed: “All work and no play”*

“That’s true”, said Dawson. “I visited doctor Hobbs. She gave me an analeptic and said I’m essentially sound in wind and limb” [Lessing, 1978: 21].

В данном фрагменте наблюдаем отсечение конечной предикативной части пословицы *all work and no play makes Jack a dull boy*. Такое использование можно объяснить, сделав семантический анализ сокращаемой пословицы и выделив ‘архисемы’ по методике С. А. Мошиашвили; другой термин – ‘вторичный знак в пределах сложного фразеологического знака’. Данные архисемы изменяют предметно-логическое содержание ФЕ. В анализируемой базовой ФЕ четко выделяется две ‘архисемы’: *all work and no play* ‘долгая или изнурительная работа без развлечений’; *makes Jack a dull boy* ‘не приводит к успеху’. В данном случае автор избрал номинативную архисему, с очевидной фразеологической образностью, что обеспечило экспрессивность контекста. Во второй архисеме происходит отсечение благодаря тому, что данная пословица широко известна в целом, а также из-за того, что она не имеет особенного информационного значения для дальнейшего контекста.

В качестве примера отсечения значительной части базовой ФЕ рассмотрим известную поговорку *an Englishman's home is his castle* 'дом англичанина – его крепость'.

(6) *No, I can't tolerate it any longer! I'm all for the Englishman's castle, the sanctitude of the household and that sort of thing!* [Broster, 2003: 164].

Здесь актуализируется самая главная смысловая часть поговорки – неприкосновенность дома англичанина, причем информация этой трансформируемой ФЕ воспринимается в контексте как полная: в рассказе идет речь о доме, куда имело привычку приводить приведение и хозяину это очень надоело. Рассматривая отсечение части поговорки или поговорки как лингвистический процесс, исследователи подчеркивают регулярность этого явления и его производительность в плане образования новых ФЕ [Dell, Chang, Griffon, 1999: 100].

Можно констатировать, что подобная смысловая фокусировка содержания поговорки приводит к тому, что употребляемая часть начинает функционировать как самостоятельная ФЕ (поговорки, поговорки и тому подобное), о чем свидетельствует вариативность словарной фиксации и экспрессивные возможности этого вида сокращения ФЕ:

(7) *"We'll be dealing with the Land Forces on this one, Jack. That's how it's done, conspicuously. And besides don't forget Scotland Yard, too. Their anti-terrorist stuff"*.

"Too many cooks if you ask me, sir" Johnson beckoned. "Well, this scum has to be specialized" [Rankin, 1998: 29].

В приведенном фрагменте наблюдаем отсечение предикативной части *spoil the broth* поговорки *too many cooks spoil the broth* 'у семи нянек дитя без глазу', что порождает новую сокращенную форму поговорки. Широкое употребление известной базовой поговорки детерминирует правильное понимание контекста, в котором имплицитно имеется в виду отсеченная часть *spoil the broth*.

Выше было рассмотрено сокращение ФЕ для одного класса фразеологизмов, который включает поговорки и поговорки. Частотность ФЕ этого класса с отсечением достаточно высока, однако чаще трансформации этого вида наблюдаются в номинативно-коммуникативных ФЕ и субстантивных ФЕ. Рассмотрим примеры:

(8) *Dutch uncle had always been one of Rick's most anticipated roles. Besides Odette didn't mind at all; it was their daily routine* [Bellow, 1982: 130].

Здесь наблюдаем отсечение глагольного компонента в глагольной базовой ФЕ *to talk to smb. like a Dutch uncle* 'наставлять и упрекать кого-то по-отечески', в результате чего образуется новое фразеологическое выражение *a Dutch uncle* – 'человек, который охотно дает советы'.

(9) “*It’s what we get having an actor for a serviceman. Head in the clouds”*. But *Josph’s head wasn’t in the clouds at all* [McAllister, 1991: 110].

Приведенный фрагмент содержит текстовую актуализацию базовой ФЕ *have one’s head in the clouds* ‘иметь нереалистичные взгляды, быть романтиком’, которая испытывает отсечение глагольной части. Трансформация в виде отсечения оказывается производительной для этой ФЕ, потому что приводит к возникновению новой ФЕ *head in the clouds* – ‘мечтатель, непрактичный человек’.

Рассмотрим пример отсечения части номинативной ФЕ:

(10) *Her usual being had not desired, had even crossed off the disapproval. It had dominated her lustily like a shell with every cranny filled* [Murdoch, 1976: 200].

В данном случае отсечение испытывает часть ядра субстантивной ФЕ (*in every nook and cranny* ‘езде, во всех углах и закоулках’, однако разрушения фразеологического образа не происходит. Следует отметить, что выразительные возможности сокращения компонентного состава ФЕ изучались на материале не только германских языков. Способность ФЕ к редукции такого типа обусловлена свойственной ФЕ избыточностью семантической информации и заключается в удалении некоторых слов-компонентов фразеологизма, в результате чего фразеологическая единица становится более компактной и более лаконичной, что увеличивает ее объединяющую способность и полностью отвечает семантической эволюции в сторону развития абстракции [Бахтин, 1975: 178].

Стяжение ФЕ. Стяжение словосочетания в многоосновной комплекс, который приобретает признаки сложного слова, – достаточно известный феномен в английском языке. Под стяжением мы понимаем семантико-синтаксический процесс образования слов-словосочетаний от словосочетаний разной степени идеоматичности, при котором морфемный состав исходного словосочетания полностью сохраняется, но получаемый комплекс не может быть разорван или синтаксически распространен [Алефиренко, 2005: 400]. При этом семантическое значение данного комплекса не всегда полностью совпадает (или не совпадает) с семантикой исходного словосочетания.

Случаи стяжения ФЕ рассматриваются как отдельный случай окказионального образования слов путем интеграции словосочетания с целью концентрации номинации.

Рассмотрим выделенные в процессе анализа примеры:

(11) “*She’s a bit of a stick-in-mud, my wife*” [O’Flanagan, 2000: 280].

ФЕ *stick in the mud* имеет значение ‘отставать от жизни’, то есть имеет характеристику предиката. Однако в данном примере, подвергшись стяжению в сложное

слово, она употребляется как главное слово именной фразы. Другими словами, предикативный признак становится предметным, сема ‘отставать от жизни’ трансформируется в сему ‘отсталый, несовременный’: изменение грамматических понятий вызывает концентрацию тематического значения трансформируемой ФЕ, что приводит к изменениям в семантике фразеологизма.

(12) *During a defense argument on the slab of the apartment, soon after this humiliating drill, Jenifer deviated from her records to vaticinate an off-the-cuff remark* [Archer, 1982: 339].

В этом фрагменте ФЕ *off the cuff* ‘без предыдущей подготовки или обдумывания’ (которая в норме имеет адвербиальную принадлежность), испытывает стяжение в сложное слово. Трансформированная ФЕ употребляется в атрибутивной функции, что также приводит к семантическому сдвигу: сема ‘без предыдущей подготовки’ трансформируется в сему ‘спонтанный’, которая принадлежит к тому же самому семантическому полю. Следует также отметить, что пример (12) в полной мере упрощает категоричность утверждения о принадлежности анализируемых образований к окказионализмам. В данном случае можно констатировать образование новой ФЕ *an off-the-cuff remark*.

Количественные данные касательно частотности трансформаций ФЕ представлены в таблице 1. За 100% в таблице взяты 605 ФЕ из произведений британских и американских авторов конца XX- начала XXI ст., отобранных методом сплошной выборки. Данные ФЕ составляют четыре различных класса, в большинстве из которых наблюдается как расширение так и сокращение компонентного состава ФЕ.

Таблица 1. Сравнительная частотность видов трансформаций в ФЕ на основании изменений компонентного состава (расширение и сокращение)

Виды трансформаций ФЕ Классы ФЕ	Расширение компонентного состава ФЕ		Сокращение компонентного состава ФЕ		Всего в классе
	Вклинивание в ФЕ	Развёртывание ФЕ	Отсечение части ФЕ	Стяжение ФЕ	
1	2	3	4	5	6
Класс 1 номинативные (субстантивные, адъективные, адвербиальные)	219 (36,2%)	7 (1,2%)	52 (8,6%)	20 (3,3%)	298 (49,3%)
Класс 2 номинативные и номинативно-коммуникативные	154 (25,4%)	28 (4,6%)	66 (10,9%)	11 (1,8%)	259 (42,7%)

Продолжение табл. 1

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Класс 3 ФЕ ни номинативного ни номинативно- коммуникативного характера	14 (2,3%)	–	–	4 (0,7%)	18 (3%)
Класс 4 коммуникативные (поговорки и поговорки)	7 (1,2%)	–	23 (3,8%)	–	30 (5%)
<i>Всего</i>	<i>394</i> <i>(65,1%)</i>	<i>35</i> <i>(5,8%)</i>	<i>141</i> <i>(23,3%)</i>	<i>35</i> <i>(5,8%)</i>	<i>605</i> <i>(100%)</i>

На основании анализа примеров из художественной литературы, а так же приведенных в таблице 1 данных можно сделать следующие **выводы**:

1. Разные классы ФЕ демонстрируют неодинаковую способность к вариативности. Наибольшее количество ФЕ-трансформов относится к Классу 1 (номинативные ФЕ) – 298 (49,3%). Наименьшее количество ФЕ-трансформов выявлено в Классе 3 (ФЕ ни номинативного, ни номинативно-коммуникативного характера) – 18 (3%).

2. Выделено два основных вида вариативности ФЕ, речевой основой которых является: а) расширение компонентного состава ФЕ в виде вклинивания и развёртывания; б) сокращение компонентного состава ФЕ с двумя разновидностями – отсечением части ФЕ и стяжением ФЕ в сложное слово.

3. Вклинивание является самым распространённым видом синтаксической трансформации (394 ФЕ – 65,1%). Вклинивание прилагательного (которое наблюдается чаще всего) или других определений при номинативном компоненте оказывается детерминированным коммуникативной задачей и поэтому создаёт определённый речевой эффект. Лексема или лексемы, которые вклиниваются в оборот, намеренно вводятся автором, поэтому семы определения не всегда согласуются с семами предметности номинативного компонента. Анализ приведенных выше примеров подтверждает данное утверждение. Поэтому в результате вклинивания имеет место не только усложнение грамматической структуры ФЕ, но и усложнение её семантической структуры. Результатом такой трансформации является усложнение функций, которые таким образом может приобретать модифицированная ФЕ при актуализации в художественном произведении.

4. Продуктивность вариативности ФЕ подтверждается частотностью её употребления в тексте. Наибольшей частотностью характеризуется группа ФЕ,

трансформации в которых являются результатом расширения компонентного состава ФЕ – 70,9% (см. таблицу 1). Внутри этой группы обнаруживается и наиболее частотный подвид трансформаций на основании вклинивания – 65,1%.

5. Анализ всех без исключения случаев вариативности ФЕ показывает неизменность общей концептуальной базы актуализации трансформированных ФЕ, в которой главную роль играет образная основа базовой ФЕ. Это указывает на необходимость дальнейшего изучения когнитивных особенностей актуализации ФЕ-трансформов.

6. Семантика трансформированных ФЕ свидетельствует о том, что все трансформации детерминированы конкретными особенностями коммуникативной задачи, которые способствуют повышению выразительности текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. Москва: Наука, 2005. 416 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. Москва: Знак, 2008. 656 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 502 с.
4. Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. Москва: Прогресс, 1968. 607 с.
5. Жуков А. В. Русская фразеология. Москва: Высшая школа, 1986. 310 с.
6. Козырева Л. Ф. О речевой вариативности устойчивой фразы // Функционирование фразеологических единиц в речи. Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1984. С. 124-127.
7. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). Москва: Высшая школа, 1970. 344 с.
8. Малюга А. Ф. Семантична класифікація фразеологічних одиниць з компонентом найменуванням явища природи // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання*. 2014. Т. 11. № 1 (31). С. 89-95.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис, 2003. 280 с.
10. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Москва: Знак, 1993. 171 с.
11. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Просвещение, 1956. 210 с.
12. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962. 166 p.
13. Dell G. S., Chang F., Griffin A. Connectionist Models of Language Production: Lexical Access and Grammatical Encoding // In *Cognitive Science*. 1999. 680 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Archer J. *The Prodigal Daughter*. L.: Holder & Stoughton Ltd, 1982. 464 p.
2. Bellow S. *The Dean's December*. N. Y.: Pocket books, 1982. 346 p.
3. Broster D. *The Pestering* // *Ghost Stories*. Dawn Publishing House, 2003. 272 p.
4. Francis D. *Field of Thirteen*. N. Y.: Jove Books, 1999. 289 p.
5. Le Carre. *The Spy Who Came in from the Cold*. Toronto: BantamBooks, 1980. 219 p.

6. Lessing D. *England Versus England // Modern English Short Stories*. Moscow: Progress Publishers, 1978. 249 p.
7. McAllister A. *Imagine*. Richmond: Silhouette Books, 1991. 253 p.
8. Murdoch I. *The Flight from the Enchanter*. L.: Triad / PantherBooks, 1976. 284 p.
9. O'Flanagan Sh. *Far from Over*. L.: Headline Book Publishing, 2000. 599 p.
10. Rankin I. *A Good Hanging and Other Stories*. L.: Orion Books Ltd, 2000. 253 p.
11. Woolf V. *Mrs. Dalloway*. М.: “Менеджер”, 2002. 242 p.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2005). *Sovremennye problemy nauki o yazyke* [Modern science problems in language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Baranov, A. N., Dobrovolskiy, D. O. (2008). *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of phraseology theory]. Moskva: Znak. (In Russ.).
3. Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and esthetics]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
4. Blumfield, L. (1968). *Yazyk* [Language] / per. s angl. E. S. Kubryakovoy i V. P. Murat. Moskva: Progress. (In Russ.).
5. Zhukov, A. V (1986). *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
6. Kozyreva, L. F. (1984). O rechevoy variativnosti ustoychivoy frazy [About language variations of stable phrase]. In *Funktsionirovanie frazeologicheskikh edinits v rechi*. Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. ped. un-ta. Pp.124-127. (In Russ.).
7. Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya (teoreticheskiy kurs)* [English Phraseology (theoretical course)]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
8. Malyuga, A. F. (2014). Semantichna klasifikatsiya frazeologichnikh odynyt z komponentom naymenuvannyam yavlyshcha pryrody [Semantic classification of the phraseological units containing names denoting natural phenomena] In *Studia Germanica et Romanica: Inozemni movy. Zarubizhna literatura. Metodyka vykladannya*. Vol. 11. No 1 (31). Pp. 89-95. (In Ukr.).
9. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [The basics of discourse theory]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
10. Savitskiy, V. M. (1993). *Angliyskaya frazeologiya: problemy modelirovaniya* [English phraseology: modeling problems]. Moskva: Znak. (In Russ.).
11. Smirnitkiy, A. I. (1956). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of English language]. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
12. Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
13. Dell, G. S., Chang, F., Griffin, A. (1999). Connectionist Models of Language Production: Lexical Access and Grammatical Encoding. In *Cognitive Science*.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Archer, J. (1982). *The Prodigal Daughter*. L.: Holder & Stoughton Ltd.
2. Bellow, S. (1982). *The Dean's December*. N. Y.: Pocket books.
3. Broster, D. (2003). *The Peasuring*. In *Ghost Stories*. Dawn Publishing House.
4. Francis, D. (1999). *Field of Thirteen*. N. Y.: Jove Books.
5. Le Carre. (1980). *The Spy Who Came in from the Cold*. Toronto: Bantam Books.
6. Lessing, D. (1978). *England Versus England*. In *Modern English Short Stories*. Moscow: Progress Publishers.
7. McAllister, A. (1991). *Imagine*. Richmond: Silhouette Books.
8. Murdoch, I. (1976). *The Flight from the Enchanter*. L.: Triad / PantherBooks.

9. O'Flanagan, Sh. (2000). *Far from Over*. L.: Headline Book Publishing.
10. Rankin, I. (2000). *A Good Hanging and Other Stories*. L.: Orion Books Ltd.
11. Woolf, V. (2002). *Mrs. Dalloway*. M.: Manager.

Туболева Анна Александровна –
преподаватель кафедры английского языка для
естественных и гуманитарных специальностей
(e-mail: ann29111@rambler.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Tubolieva Anna A. – Lecturer at the Department
of English for Natural Sciences and Humanities
(e-mail: ann29111@rambler.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 29 июня 2016 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.161.1'42

© 2016 Л. В. Беспамятная

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТЕРМИНОВ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМПОЗИТОВ)

Статья посвящена исследованию семантики субстантивных терминов кораблестроения в немецком, английском, украинском и русском языках, образованных путем словосложения. Проводится обзор существующих в лингвистике подходов к дефиниции и классификации композитов. С опорой на классификацию Л. Ортнер было выявлено 17 семантических типов. Наиболее продуктивными смысловыми типами являются акциональный, партитивный и эквативный типы.

Ключевые слова: сложное слово, семантика, семантический тип, субстантивный термин, словообразование.

© 2016 L. V. Bespamyatnaya

SEMANTIC TYPES OF SUBSTANTIVE TERMS OF SHIPBUILDING IN GERMANIC AND SLAVIC LANGUAGES

The paper deals with the study of the semantics of the substantive shipbuilding terms in German, English, Ukrainian and Russian built up by means of compounding. The paper presents a brief overview of the descriptions of compounds. The semantic classification based on the theory of grammar case has been worked out. 17 semantic types have been identified. The productivity of these types is different. The semantic types with middle and low productivity have been described.

Key words: a compound word, semantics, a semantic type, a substantive term, word building.

1. Введение. Сложные слова занимают особое место в системе словообразования каждого языка. Отличительная особенность сложных слов (композитов) в языке заключается, прежде всего, в их структурно-семантических и функциональных особенностях. По мнению Г. А. Винокура, «сложные слова нужны не только для удовлетворения потребности в новых словах, но и потому, что очень часто существует необходимость воплотить две идеи в одном слове» [Винокур, 1959: 14].

Несмотря на пристальное внимание отечественных (А. Е. Азарова, В. Н. Арутюнян, Н. С. Городенская, Н. Ф. Клименко, М. В. Панов, З. М. Петрова, Л. В. Рацибурская, М. Д. Степанова и др.) и зарубежных лингвистов (А. Болл, В. Вильманнс, Я. Гримм, Г. Марчанд, Л. Ортнер, Г. Пауль, В. Фляйшер и др.) к подобным образованиям, многие

аспекты в теории словосложения остаются до сих пор нерешенными, в частности: дефиниция сложных слов, их состав, классификационные признаки композитов, пути и способы их образования.

Терминосистема кораблестроения, как и другие профессиональные подсистемы языка, развивается и функционирует на уровне лексики общелитературного языка и подчиняется общеязыковым законам развития. Благодаря динамичному развитию соответствующей прикладной технической науки, терминология кораблестроения постоянно расширяется за счет новых слов и значений, которые образуются различными способами словообразования, в том числе и путем словосложения. Специфика той или иной языковой системы заключается в наличии в ней общеупотребительной и специальной (отраслевой) лексики [Борисенко, 2002: 29]. В этой связи все большую роль в лексической системе языка начинает играть словосложение, так как композиция позволяет выразить специальное понятие наиболее емко и точно. При этом композитные термины кораблестроения соответствуют общеязыковым признакам термина, таким, например, как: слитность, единство формальной структуры и моносемантизм. Добавим, что в целом сложные слова – наиболее экономичный способ номинации. В то же время они являются свидетельством действия в языке закона экономии лингвальной энергии, что способствует более оптимальному и эффективному общению коммуникантов.

Семантический анализ различных терминосистем становится одним из приоритетных направлений в современной лингвистике, хотя развитие этой области в языкознании началось еще в 70-ые годы XX столетия (см., например, работы Ю. Д. Апресяна, Э. Бенвениста, Н. Ф. Клименко, И. С. Улуханова, Ч. Филлмора, Л. Ортнери т.д.).

Итак, **объектом** настоящего исследования являются термины кораблестроения, а **предметом** – семантическая организация субстантивных терминов кораблестроения (СТК) в немецком, английском, русском и украинском языках.

Материалом для статьи служат СТК-композиты в немецкой (1936 ед.), английской (161 ед.), русской (77 ед.) и украинской (76 ед.) терминосистемах кораблестроения, отобранные методом сплошной выборки из специальных словарей, интернет-источников и журналов.

Целью работы является анализ семантических отношений между компонентами композитных СТК и установление семантических типов СТК-композитов, что предусматривает решение следующих задач: 1) выявить корпус СТК-композитов в исследуемых языках; 2) осуществить обзор существующих в лингвистике подходов к описанию композитов в сопоставляемых языках; 3) установить специфику семантической

организации двухкомпонентных СТК-композитов в немецком, английском, русском и украинском языках.

2. Основные подходы к исследованию композитов. При наличии различных описаний подсистемы сложных слов (Е. А. Василевская, Е. А. Земская, М. Д. Степанова и др.), композиты остаются еще недостаточно изученным объектом лингвистического анализа, как в теоретическом отношении, так и в практическом. Данные языковые единицы представляют интерес в плане своей морфологической, словообразовательной и семантической организации. Прежде всего, следует остановиться на некоторых отличительных критериях, благодаря которым композиты относятся к отдельному способу словообразования.

Большинство ученых выделяют четыре основных критерия для определения сложного слова: 1) морфемная структура слова: наличие двух или более корневых морфем; 2) семантическое единство компонентов сложного слова; 3) синтаксическая целостность; 4) грамматическая целостность сложного названия.

Относительно первого критерия, Э. Бенвенист считал, что сложная структура формируется отношениями, которые устанавливаются между реалиями, а не между знаками. «При анализе сложных слов необходимо различать два фактора, которые подчиняются разным условиям: логическое отношение и формальную структуру. Последняя зависит от первого. Структура формируется отношением. Только логическое отношение дает критерии для функциональной классификации типов сложных слов. Таким образом, отношения, которые устанавливаются между двумя компонентами, должны рассматриваться как первый, наиболее общий критерий, которому все остальные будут подчинены» [Бенвенист, 1974: 242].

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что основным критерием для выделения сложных слов является семантический критерий. Любое слово в языке характеризуется не только единством своей структуры, но прежде всего тождеством содержания. Невозможно не согласиться с мнением О. П. Ермаковой, что слова способны выражать нечто большее, чем то, что содержит совокупность значений его составных частей [Ермакова, 1984: 4]. Лексическое значение сложного слова выходит за рамки совокупности значений его непосредственных компонентов, оно «...определяется сложными взаимоотношениями между ними, их гносеологическими функциями, природой объекта отображается» [Кияк, 1988: 55].

Особенность сложных слов обусловлена также их тесными связями с синтаксисом.

Они мотивируются преимущественно двучленными или трехчленными словосочетаниями. По мнению Э. Бенвениста, все сложные слова базируются на синтаксических трансформах: «Именное словообразование – это микросинтаксис. Каждый тип сложных имен надо изучать как трансформацию любого типа синтаксически свободного высказывания» [Бенвенист, 1974: 46-47].

Грамматическая целостность сложного наименования находит отражение в его цельнооформленности. Критерий лексико-грамматического единства связан, по мнению Е. А. Селивановой, с такими признаками композита как непроницаемость слова, наличие одной синтаксической функции, одного ударения, написание [Селиванова, 1996: 44].

Нет единства мнений лингвистов и в вопросе о месте словосложения в системе словообразования языка. Согласно одной точки зрения, композиция относится к морфологическому способу словообразования (Е. А. Земская, Н. Ю. Шведова, Н. С. Родзевич), по мнению других авторов, – к лексико-синтаксическому (К. Л. Левковская, Е. А. Селиванова, Э. Бенвенист). В. В. Виноградов полагает, что «... словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования – синтаксико-морфологическим» [Виноградов, 1954: 5]. Е. А. Василевская разделяет точку зрения тех лингвистов, которые, исходя из связи словосложения с процессом развития словосочетания, относят его к морфолого-синтаксическому типу словообразования.

Таким образом, композит можно охарактеризовать как лексическое образование, создаваемое по внутренним законам развития языка путем слияния в единую лексическую единицу двух или более основ, которые имеют синтаксическую связь, не теряют своего лексического значения и обладают, таким образом, лексико-семантическим единством. В зависимости от большего или меньшего объединения в его структуре компонентов композиты занимают промежуточное место между простым дериватом и словосочетанием.

3. Семантические типы СТК-композиций в английском, немецком, русском и украинском языках. Семантическая классификация СТК, построенных по моделям композита, опирается на теорию падежной грамматики и предполагает установление семантических ролей, в которых выступают непосредственно составляющие компоненты в структуре СТК, т.е. базовый (В) и зависимый (А) компоненты. Эта теория, а также методика семантического анализа композиций, были детально разработаны в ряде работ по лексической и словообразовательной семантике (Ю. Д. Апресян, Ч. Филлмор, У. Л. Чейф, W. Fleischer, I. Barz, L. Ortner, H. Wellmann и др.). С учетом выше сказанного, в сфере СТК со структурой композита, в целом, в сопоставляемых языках было выявлено 17 семантических типов.

Наибольшее количество семантических типов (17) обнаружено в немецкой терминосистеме кораблестроения, что в целом подтверждает общепринятую точку зрения о высоком уровне развития и продуктивности словосложения в немецкой системе словообразования [Fleischer, Barz 1995; Ortner, Müller-Bollhagen, 1991; Степанова, 2003]. В английской терминосистеме кораблестроения выявлено 12 семантических типов, в украинском и русском – по 9 в каждом языке.

3.1. Наиболее продуктивным семантическим типом в терминосистемах кораблестроения английского, русского и украинского языков является *акциональный тип* СТК (англ. – 41 ед.; рус. – 49 ед.; укр. – 37 ед.). В немецком языке акциональные СТК-композиции значительно превосходят названные языки (522 ед.), занимают второе место по продуктивности среди остальных смысловых типов СТК, уступая лишь партитивному типу. Акциональные СТК-композиции характеризуются наличием в их парафразах предикации «делать / совершать действие». Производителем действия (агентом) в их парафразах выступают обычно транспортные средства либо их технические элементы, ср.: англ. *flyboat* ‘быстроходное судно’ → *a boat* (В – агент) *which flies* (А – действие); рус. *звукоизоляция* → *изоляция* (В), *при помощи которой поглощается звук* (А); укр. *стоп-анкер* → *анкер* (В – агент), *який стопорить* (А – действие) щось (Ø) (например, корабель), нем. *Tragflügel m* ‘подводное крыло’ → *Flügel* (В-агент), *der das Schiff trägt* (А – действие).

3.2. Самым продуктивным семантическим типом в немецкой терминосистеме кораблестроения является *партитивный тип* (618 ед.), который, напротив, в славянских языках обнаруживает низкую продуктивность (рус. – 4 ед., укр. – 6 ед.), а в английском языке партитивные СТК насчитывают 24 единицы. Партитивные СТК описывают ситуацию родо-видовых отношений: «целое / носитель признака (В) – часть целого / признак (А)», ср.: нем. *Bordseite f* ‘борт судна’ → *Seite* (В) *des Bordes* (А); англ. *counterplate* ‘лист обшивки кормового подзора’ → *plate* (В) *of a counter* (А), рус. *грузовместимость* → *вместимость* (А), которую имеет корабль для *груза* (В); укр. *кран-штабелер* → *кран* (В), *який має штабелер* (А).

3.3. В *орнативных* СТК непосредственные компоненты выступают в противоположных партитивным родо-видовых отношениях: (А) целое / носитель признака – (В) часть целого / признак, ср.: нем. *Segelschiff n* ‘парусное судно, парусник’ → *Schiff* (В), *das die Segel* (А) *hat*; англ. *cushioncraft* ‘судно на воздушной подушке’ → *seecraft* (В), *which has cushion* (А); рус. *скоб-тран* (= лестница на вертикальной поверхности, выполненная из

металлических П-образных скоб) → *trap* (B), который имеет *скобы* (A), укр. *гакаборт* → *борт* (B), який має *гак* (A). Наибольшее количество орнативных СТК-композигов выявлено в немецком языке (126 ед.), в английском этот семантический тип реализуется 24 единицами. Наименьшее количество СТК-композигов орнативного типа представлено в славянских языках (рус. – 4 ед., укр. – 6 ед.).

3.4. Вторым по продуктивности в славянских и в английской терминосистемах кораблестроения является *эквативный тип* СТК. В немецком языке удельный вес эквативных СТК-композигов в общем объеме композитных образований сравнительно невысокий (1,9%), хотя в количественном отношении эквативные СТК в немецком языке преобладают над подобными единицами других сравниваемых терминосистем (нем. – 37 ед., англ. – 24 ед., рус. – 14 ед., укр. – 16 ед.). Конституенты эквативных СТК находятся в логических отношениях включения компонентов А и В в класс схожих предметов / понятий А / В, иначе говоря, семантические отношения непосредственных компонентов можно определить как «А / В идентифицирует или квалифицирует В / А» [Ortner, 1991: 158], ср: англ. *Ferrycraft* ‘паром; перевозочное средство’ → *a craft* (B) which is *a ferry* (A); рус. *контейнер-цистерна* → *контейнер* (А – квалифицирующий компонент), который является *цистерной* (В – квалифицируемый компонент); укр. *креслення-шаблон* → *креслення* (А – квалифицирующий компонент), яке є *шаблоном* (В – квалифицируемый компонент), нем. *Fabriktrawler m* ‘траулер-завод’ → *Trawler* (B), *der eine Fabrik* (A) *ist*.

В терминосистемах кораблестроения всех сопоставляемых языков были обнаружены также СТК-композигов локативного, модального, инструментального и кондиционального типов.

3.5. *Локативные* СТК-композигов характеризуются наличием в парафразах предикации «находиться / быть на / в». Больше всего локативных СТК обнаружено в немецкой терминологии кораблестроения (264 ед.), в остальных терминосистемах, особенно в славянских языках, их количество значительно меньше (англ. – 23 ед., рус. – 3 ед., укр. – 4 ед.), ср.: нем. *Heckabteilung f* ‘кормовой отсек’ → *Abteilung* (B), *die auf dem Heck* (A) *liegt*; англ. *bowthruster* ‘носовое подрулевающее устройство’ → *thruster* (B) which is on the *bow* (A); рус. *румпель-тали* → *тали* (B), которые закладываются на *румпель* (A) для управления рулем, укр. *мідель-шпангоут* → *шпангоут* (B), який розташовується на *міделі* (A).

3.6. *Модальным* СТК соответствует предикация общего вида ‘В является / осуществляется способом / образом А’ [Ortner, Müller-Bollhagen, 1991: 533]. Модальный тип реализуется преимущественно в немецком языке (97 ед.), в то время как в других

сравниваемых языках он представлен лишь единичными примерами, (англ. – 1 ед., рус. – 3 ед., укр. – 2 ед.) ср.: нем. *Senkrechtudern* ‘вертикальный руль’ → *Ruder* (B), *das senkrecht (A) steht*; англ. *bulkcarrier* ‘балкер (навалочное судно)’ → *carrier* (B), *which cargo in bulk (A) transports*; рус. *эхолот* → (= *навигационный прибор* (B) для определения глубины водоёмов с помощью акустич. эхо сигналов (A)); укр. *ехопеленгатор* → (= *навігаційний прилад* (B) для визначення глибини водойм за допомогою акустичного відлуння сигналів (A)).

3.7. В инструментальных СТК-композиатах базовый компонент В выступает преимущественно в функции аффицируемого объекта и называется, как правило, механизмы, устройства, их узлы, специальные инструменты, а зависимый компонент А – в семантической роли средства / инструмента, с помощью которого приводится в действие / функционирует В [Ortner, Müller-Bollhagen, 1991: 540]. Данный тип в целом малопродуктивен во всех анализируемых языках (нем. – 29 ед., англ. – 4 ед., рус. – 4 ед., укр. – 6 ед.), ср.: нем. *Dieselmotor m* ‘дизельный двигатель’ → *Motor* (B), *der mit Diesel (A) betrieben wird / funktioniert*; англ. *motorshi* ‘дизельное судно; теплоход’ → *aship* (B), *which is operated by the motor (A)*; рус. *дизель-генератор* → *генератор* (B), который работает на *дизеле* (A); укр. *валогенератор* → *генератор* (B), який приводиться в рух за допомогою *валопровода* (A). В славянских языках выявлены немногочисленные СТК инструментального типа (рус. – 2 ед., укр. – 3 ед.), в которых стержневой компонент называет действие, производимое при помощи средства или инструмента (‘А – средство, с помощью которого осуществляется действие В’), ср.: рус. *судно-снабженец* → *судно* (A), *которое снабжает X* (B); укр. *судно-носій* → *судно*, (A) *яке носить X* (B).

3.8. В субстанциональном типе СТК-композиатов базовый компонент В называет продукт, который изготовлен из материала, обозначенного зависимым компонентом А. Субстанциональный тип является сравнительно многочисленным только в немецком языке (62 ед.), в остальных терминосистемах он представлен единичными примерами (англ. – 1 ед., рус. – 2 ед., укр. – 1 ед.), ср.: нем. *Stahlbeplattung f* ‘стальной настил’ → *Beplattung* (B), *die aus Stahl (A) hergestellt ist*; англ. *boardwalk* ‘дощатый настил’ → *a walkway* (B) *which is made of boards* (A), рус. *стеклопластик* → *пластик* (B) *из стекла* (A), укр. *металоконструкція* → *конструкція* (B) *з металу* (A).

3.9. СТК *кондиционального* типа выявлены в немецком и славянских языках (нем. – 29 ед., рус. – 4 ед., укр. – 2 ед.). Этому семантическому типу соответствует предикация: ‘В существует / осуществляет деятельность / происходит / используется при условии /

в случае А' [Ortner, Müller-Bollhagen, 1991: 509], ср.: нем. *die Dienstgeschwindigkeit* 'эксплуатационная скорость' → *Geschwindigkeit* (В), *wenn das Schiff im Dienst / Betrieb* (А) *ist*, рус. *ветростойкость* → *стойкость* (В) *судна при сильном ветре* (А); укр. *штормтрап* → (*мотузковий*) *трап* (В), *яким користуються під час сильного шторму / хвилювання моря* (А).

3.10. Между составляющими компонентами *агентивных* СТК существуют авториальные отношения (от лат. *auctor* 'создатель', 'творец'), т.е. конструкциям этого типа соответствует типовая парафраза, в которой зависимый компонент (А) является производителем действия, которое совершается в месте, названном главным компонентом (В) (нем. – 4 ед., англ. – 5 ед.), ср.: нем. *Lotsenbrücke f* '(передний) ходовой мостик' → *Brücke* (В), *auf der sich Lose (А) befindet und das Schiff führt / dirigiert*; англ. *manhole* 'лаз; люк, смотровое отверстие, люк-лаз' → *hole* (В), *through which a man (А) may pass*.

3.11. В германских языках обнаружены СТК-композиции *компаративного* типа, хотя их продуктивность заметно отличается друг от друга (нем. – 40; англ. – 1). Для компаративных СТК характерна предикация следующего вида: «В подобно / является таким как А»: ср.: *Schlittenheck m* 'корма санной формы' → *Heck* (В), *der wie Schlitt (А) aussieht / ist*, англ. *king-post* 'грузовая колонна [полумачта] пиллерс, расположенный в диаметральной плоскости' → *post* (А), *which has king* (В).

3.12. Малочисленными оказались темпоральные СТК, отмеченные только в германских языках (нем. – 2 ед., англ. – 1 ед.), с семантическим отношением 'А – время использования предмета В': англ. *daytank* 'расходная цистерна' → *tank* (В), *which is used during the day* (А), нем. *Sommerdeckn* 'летняя (открытая) палуба' → *Deck* (В), *das im Sommer (А) verwendet wird*.

3.13. Только в немецкой терминосистеме кораблестроения обнаружены следующие семантические типы:

1) *посессивные* СТК с семантическим отношением: 'А – является владельцем В (предмет / объект обладания)': *Staatswerft f* 'государственная верфь' → *Werft* (В), *die dem Staat (А) gehört*;

2) *фигуративные* СТК, в которых зависимый компонент А выражает форму существования величины В [Ortner, Müller-Bollhagen, 1991: 224]: *Tunnelheck n* 'туннельная корма' → *Heck* (В) *in Form von Tunnel* (А).

3) *референциальные* СТК характеризуются следующим смысловым отношением своих компонентов: 'А – область / сфера, к которой имеет отношение базовая величина В'

[Ortner, Müller-Bollhagen, 1991: 386]: *Schiffskundef* ‘наука о корабле’ → *Kunde* (B) *über die Schiffe* (A).

4) *конститутивные* СТК со смысловым отношением ‘А является составной частью / элементом собирательной величины В’ [Ortner, Müller-Bollhagen, 1991: 248]: *die Schiffgruppe* ‘класс судов’ → *Gruppe* (B) *von Schiffen* (A) / *Gruppe, die sich aus Schiffen zusammensetzt*.

4. Выводы. Сопоставительный анализ СТК, образованных по моделям композита, позволяет сделать следующие выводы:

1. У СТК-композигов в английском, немецком, русском и украинском языках выявлено в целом 17 семантических типов.

2. Данные семантические типы распределены в терминосистемах кораблестроения сравниваемых языков неравномерно. Все 17 типов представлены только в немецком языке, насчитывающем значительно большее количество СТК-композигов, чем другие языки, что обусловлено развитостью словосложения в системе словообразования немецкого языка. В английском языке выявлено 12 семантических типов, в украинском и русском – по 9.

3. Степень продуктивности выявленных семантических типов данных СТК в сопоставляемых языках неодинаковая. Английский и славянские языки демонстрируют бóльшую близость в степени продуктивности реализованных семантических типов. В английском и славянских языках самым продуктивным семантическим типом является акциональный тип, а в немецком – партитивный тип.

4. В большинстве сравниваемых языков СТК локативного, модального и инструментального типов обнаруживают слабую продуктивность.

5. Существуют смысловые типы СТК-композигов, отмеченные в отдельных языках (в германских языках – СТК с адъективным зависимым компонентом и СТК компаративного и агентивного типов; в немецком – СТК посессивного, фигуративного и референциального типов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 302-306.

2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

3. Борисенко О. Л. О терминологии права (на материале английского языка) // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. Донецьк: ДонНУ, 2002. Вип. 6. С. 29-34.
4. Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 3-30.
5. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
6. Ермакова О. П. Лексическое значение производных слов в русском языке. М., 1984. 151 с.
7. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц (количественная и качественная характеристика). Львов, 1988. 164 с.
8. Селіванова О. О. Складне слово: мовні моделі світу (основи зіставної композитології російської та української мов). Черкаси, 1996. 297 с.
9. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 369-495.
10. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Либрикон, 2009. 430 с.
11. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1995. 375 S.
12. Ortner H., Ortner L., Müller-Bollhagen E. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen). Berlin: de Gruyter, 1991. 863 S. (Sprache der Gegenwart 79; Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache 4).
13. Wellmann H. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. 2. Hauptteil: Das Substantiv. Düsseldorf: Schwann, 1975. 654 S. (Sprache der Gegenwart 32).

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1974). Sintaksis i semantika v sintaksicheskom opisani [Syntax and semantics in the syntax description]. In *Edinitsy raznykh urovney grammaticheskogo stroya yazyka i ikh vzaimodeystvie*. M.: Nauka, 1969. Pp. 302-306. (In Russ.).
2. Benveniste, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moskva. (In Russ.).
3. Borisenko, O. L. (2002). O terminologii prava (na materiale angliyskogo yazyka) [About the right terms (on a material of English language)]. In V. D. Kaliušchenko (ed.) *Tipologiya movnykh znachen u diakhronichnomu ta zistavnomu aspektakh*. Donetsk: DonNU. Vol. 6. Pp. 29-34. (In Russ.).
4. Vinogradov, V. V. (1954). Nekotorye zadachi izucheniya sintaksisa prostogo predlozheniya [Some of the tasks of studying the syntax of a simple sentence]. In *Voprosy yazykoznaneya*. No 1. Pp. 3-30. (In Russ.).
5. Vinokur, G. O. (1959). *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Selected works in the Russian language]. Moskva: Uchpedgiz. (In Russ.).
6. Ermakova, O. P. (1984). *Leksicheskoe znachenie proizvodnykh slov v russkom yazyke* [Lexical meaning of derivative words in the Russian language]. Moskva. (In Russ.).
7. Kiyak, T. R. (1988). *Motivirovannost leksicheskikh edinits (kolichestvennaya i kachestvennaya kharakteristika)* [Motivation of lexical units (quantitative and qualitative characteristics)]. Lvov. (In Russ.).
8. Selivanova, O. O. (1996). *Skladne slovo: movni modeli svitu (osnovy zistavnoy kompozytologii rosiyskoy ta ukraynskoy mov)* [Compound word: language models of the world (a comparative studing of compounds in Russian and Ukrainian languages)]. Cherkasy. (In Ukr.).
9. Fillmore, Ch. (1981). Delo o padezhe [A case of nominative]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya semantika*. Moskva: Progress. Vol. X. Pp. 369-495. (In Russ.).

10. Chafe, W. (2009). *Znachenie i struktura yazyka* [Language structure value]. Moskva: Librikon. (In Russ.).
11. Fleischer, W., Barz, I. (1995). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen.
12. Ortner, H., Ortner, L., Müller-Bollhagen, E. (1991). *Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen)*. Berlin: de Gruyter. (Sprache der Gegenwart 79; Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache 4).
13. Wellmann, H. (1975). *Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. 2. Hauptteil: Das Substantiv*. Düsseldorf: Schwann. (Sprache der Gegenwart 32).

Беспамятная Лилия Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода (e-mail: lilya_pavlova23@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Севастопольский государственный университет»
299053, Севастополь, ул. Университетская, 33

Bespamyatnaya Liliya V. – Senior Lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation (e-mail: lilya_pavlova23@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Sevastopol State University»
33 Universitetskaya, Sevastopol, 299053

Поступила в редакцию 11 июля 2016 г.

УДК 81'373.7:811.111=112.2

© 2016 О. Л. Бессонова, Д. М. Гришкова

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности фразеологических единиц (ФЕ) с терминами родства (ТР) в английском и немецком языках. Представлена классификация ФЕ с ТР по семантическому признаку, выявлены структурные особенности изучаемых ФЕ, проанализировано их происхождение.

Ключевые слова: фразеологическая единица, термин родства, структура, семантика, этимология.

© 2016 O. L. Bessonova, D. M. Grishkova

STRUCTURE AND SEMANTICS OF ENGLISH AND GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH KINSHIP TERMS

The article deals with the structural and semantic peculiarities of the phraseological units (PU) with kinship terms (KT) in English and German. The PU with the KT have been classified in terms of their semantic characteristics. The structural peculiarities of the PU under consideration have been revealed, their origin has been analyzed.

Key words: a phraseological unit, a kinship term, structure, semantics, etymology.

1. Вводные замечания

Данная статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц с терминами родства в таких близкородственных языках, как английский и немецкий. Исследование выполнено в русле проблематики типологической школы, функционирующей в Донецком национальном университете под руководством доктора филологических наук, профессора В. Д. Калиущенко. Представители школы занимаются многоаспектным сопоставительно-типологическим анализом различных языковых явлений [Басыров, 2014; Бессонова, 2010; Николаева, 2006; Kaliuščenko, 2000]. В рамках школы развивается и лингвокультурологическое направление [Бессонова, 2012], в котором изучаются языковые единицы различных уровней, в том числе фразеологизмы [Трофімова, 2014].

Вероятно, фразеологический фонд английского языка стал объектом научных исследований чаще, чем фразеологический фонд какого-либо другого языка. В последние десятилетия интерес многих исследователей вызывает реализация различных концептов в рамках фразеологии [Зыкова, 2011], в том числе на материале нескольких языков [Окунева, 2009; Хизова, 2003], а также сопоставительный анализ фразеологических единиц (ФЕ) с определёнными компонентами [Ганиева, 2012; Тишкина, 2007; Уразметова, 2006]. Те же тенденции прослеживаются и в изучении немецкой фразеологии [Райхштейн,

1980; Селезнёва, 2006; Юрченко, 1999; Dobrovolskij, 1995; Fleischer, 1982]. Однако ФЕ с терминами родства (ТР), несмотря на их специфику, на данный момент не были исследованы ни на материале английского, ни на материале немецкого языков.

Термины родства – особое лингвистическое явление. Они занимают одно из первых мест среди тематических пластов лексики по давности происхождения и устойчивости понятий, обозначаемых ими [Близнюк, 2004; Николаева, 2006; Jones, 2010]. Особый интерес представляют ФЕ с терминами родства, так как в них ярко отражены культура, традиции и история как Великобритании, так и Германии. Таким образом, **актуальность** работы обусловлена отсутствием системных сопоставительных исследований английских и немецких ФЕ с терминами родства и, следовательно, необходимостью их изучения, а также лингвокультурологическим подходом к анализу данных ФЕ.

Объектом исследования являются фразеологические единицы английского и немецкого языков с терминами родства, **предметом исследования** – их структура и семантика. **Цель работы** заключается в установлении и описании сходств и отличий в структуре и семантике данных ФЕ.

Материал исследования составили 235 английских фразеологизмов (210 ФЕ с компонентом ТР и 25 ФЕ со значением родства) и 165 немецких ФЕ (140 ФЕ с компонентом ТР и 25 ФЕ со значением родства). Английский корпус ФЕ отобран из Англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина [Кунин, 1984], Cambridge International Dictionary of Idioms [Cambridge International Dictionary of Idioms, 1998] и Oxford Dictionary of Idioms [Oxford Dictionary of Idioms, 2004]. Немецкие ФЕ отобраны из Немецко-русского фразеологического словаря Л. Э. Биновича [Бинович, 1995], Русско-немецкого словаря пословиц и поговорок М. Я. Цвиллинга [Цвиллинг, 1984] и Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik [Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik, 2013].

2. Результаты исследования

2.1. При отборе фразеологического материала следует исходить из двух основных лексикографических принципов одновременно – структурного, т.е. действующего на глубинном уровне фразеологического значения, и семантического, т.е. принципа, функционирующего на поверхностном уровне значения ФЕ [Зыкова, 2014: 150]. Таким образом, эмпирический материал был отобран исходя из этих двух принципов, как следствие – наличие ФЕ с компонентом ТР и ФЕ со значением родства. Первая группа составляет 210 ФЕ в английском языке (89%) и 140 ФЕ в немецком языке (85%), вторая

группа содержит по 25 ФЕ в каждом языке (англ. яз. – 11%; нем. яз. – 15%), что отображено в табл. 1.

Таблица 1. Количественная характеристика ФЕ с ТР и ФЕ со значением родства

Тип ФЕ	Англ. яз.		Нем. яз.		Пример
	Кол-во, ед.	Соотнош., %	Кол-во, ед.	Соотнош., %	
ФЕ с ТР	210	89	140	85	англ. <i>the sons of men</i> ‘букв. сыновья мужчин, род человеческий’ нем. <i>Vater Rhein</i> ‘букв. отец Рейн, поэт. старик Рейн’
ФЕ со значением родства	25	11	25	15	англ. <i>sb’s better half</i> ‘букв. чья-л. лучшая половина, чей-л. муж / чья-л. жена’ нем. <i>mein alter Herr</i> ‘букв. мой старый господин, мой родитель’
Всего	235	100	165	100	

В ходе исследования были выявлены ФЕ со следующими терминами родства: англ. *mother, father* (тж. *daddy*), *grandmother* (тж. *granny*), *grandfather* (тж. *granddaddy*), *son, daughter, child, parent, sister, brother, cousin, aunt* (тж. *auntie*), *uncle, wife, husband*; нем. *Mutter* (тж. *Mami, Mutti*), *Vater, Großmutter* (тж. *Oma*), *Großvater* (тж. *Opa*), *Sohn, Tochter, Schwester, Bruder, Vetter, Tante, Onkel, Elter, Kind, Geschwister, Ehefrau* (тж. *Frau, Weib*), *Ehemann* (тж. *Mann*).

В английском языке наиболее многочисленны ФЕ с компонентом *father* (49 ФЕ, 23%) и *mother* (32 ФЕ, 15%). Среди немецких фразеологизмов наивысший удельный вес имеет ФЕ с ТР *Kind* (37 ФЕ, 26%), высокие показатели и у ФЕ с компонентами *Vater* (20 ФЕ, 14,5%) и *Mutter* (18 ФЕ, 13%). Наименее продуктивные ТР отличны в двух языках: англ. *husband* (1 %) и *parents* (0,5%); нем. *Schwester* и *Geschwister* (по 0,7% каждый ТР).

Критериями отбора ФЕ со значением родства послужило наличие в толковании фразеологизмов терминов родства либо следующих слов: *семья* (англ. *family*, нем. *Familie*), *родственник* (англ. *relative / kin*, нем. *Verwandte*), *родство* (англ. *relationship / kinship*, нем. *Verwandtschaft*); как и наличие данных слов, за исключением ТР, в составе ФЕ в качестве компонентов. Примеры таких фразеологизмов выявлены только в английском языке: *kith and kin* ‘друзья и родня’, *the baby of the family* ‘любимец, баловень семьи’.

Исходя из классификации ТР на 2 интегральные группы – термины кровного родства (ТКР) и термины родства через брак (ТБР) (см. также [Николаева, 2006: 41]), фразеологизмы

можно разделить на ФЕ с ТКР и ФЕ с ТБР.

В исследуемых английских фразеологизмах выявлено 13 ТКР: *mother, father, grandmother, grandfather, son, daughter, sister, brother, cousin, aunt, uncle, parent, child*; и 2 ТБР: *wife, husband*. В корпусе немецких ФЕ обнаружено 14 ТКР: *Mutter, Vater, Großmutter, Großvater, Sohn, Tochter, Schwester, Bruder, Vetter, Tante, Onkel, Elter, Kind, Geschwister*; а также 2 ТБР: *Ehefrau, Ehemann*. Фразеологизмы обоих языков демонстрируют абсолютно одинаковое соотношение ФЕ с ТКР (94%) и ФЕ с ТБР (6%). Значительное преобладание первых объясняется тем, что кровные узы зачастую имеют большее значение для человека, чем приобретенные в результате брака родственные отношения.

В целом, ТБР в обоих языках существенно меньше, чем ТКР. В английском языке большинство ТБР образуются с помощью сложения основ путём присоединения к ТКР конструкции *in-law*, становясь при этом полисемантическими. Например, слово *brother-in-law* переводится как 'зять', 'шурин', 'своjak', 'деверь'. Немецкие ТБР также полисемантически (e.g. *Schwiegertochter* 'сноха', 'невестка'; *Schwager* 'зять', 'шурин', 'своjak', 'деверь').

Анализ материала исследования показал, что ТБР в составе ФЕ обоих языков представлены только терминами родства 'жена' (англ. *wife*; нем. *Ehefrau*, тж. *Frau, Weib*) и 'муж' (англ. *husband*; нем. *Ehemann*, тж. *Mann*). Последний при этом характеризуется предельно низким удельным весом в обоих языках (англ. – 1%; нем. – 1,4%). Сходны процентные данные и таких ТР, как 'жена' (англ. – 5%; нем. – 4,3%), 'тётя' (англ. – 4%; нем. – 3,6%), 'дедушка' (англ. – 1,5%; нем. – 1,4%).

В английском и немецком языках наибольшей продуктивностью характеризуются 3 компонента (в различном процентном соотношении): 'отец', 'мать', 'ребёнок' (англ. – 23%, 15%, 10,5%; нем. – 14,5%, 13%, 26% соответственно). Это объясняется тем, что эти три понятия являются базовыми составляющими полноценной семьи. Хотя интересно, что самый высокий удельный вес в английском языке у ТР *father* (23%), а в немецком – у ТР *Kind* (26%). Такие данные английского языка, как и относительно высокие показатели ТР *son* – 9,5% (vs. *daughter* – 4%) и *brother* 7% (vs. *sister* – 4%), могут свидетельствовать о гендерной асимметрии, а именно об андроцентризме – центральной роли мужчины в языковом и культурном фонде англоязычных стран. Однако в двух антонимичных парах, причём в обоих языках, женские ТР преобладают: англ. *grandmother* (3%) vs. *grandfather* (1,5%) и *wife* (5%) vs. *husband* (1%); нем. *Großmutter* (4,3%) vs. *Großvater* (1,4%) и *Ehefrau* (4,3%) vs. *Ehemann* (1,4%).

Стоит отметить, что в немецком корпусе материала в нескольких антонимичных

парах гендерная асимметрия прослеживается даже более отчетливо, чем в английском: *Sohn* (10%) vs. *Tochter* (3%), *Bruder* (11,5%) vs. *Schwester* (0,7%), тогда как ТР *Vater* и *Mutter*, в отличие от английского языка (*father* – 23%, *mother* – 15%), имеют схожие показатели (14,5% и 13% соответственно).

Анализ значения фразеологизмов с компонентом ТР позволил классифицировать языковой материал по следующим семантическим группам: «наименования лиц», «характер и поведение», «межличностные отношения», «абстрактные понятия», «наименования предметов и веществ», «состояние», «действия», «наименования географических объектов», «выражение эмоций», «оценка лиц и их действий», «время» и «другие».

Большинство английских фразеологизмов являются наименованиями лиц (90 ФЕ, 43%). Значительно меньше ФЕ, определяющих характер и поведение (29 ФЕ, 14%), а также действия (16 ФЕ, 8%) и абстрактные понятия (14 ФЕ, 7%). Достаточно низкие показатели (по 3%) у групп «выражение эмоций» и «наименования географических объектов». В рамках последней можно выделить подгруппу «водные объекты», представленную двумя ФЕ – *Father Thames* ‘прозвище реки Темзы’ и *the Father of Rivers* (или *Waters*) ‘амер. ‘прозвище реки Миссисипи’. Наименее частотны группы «состояние» (5 ФЕ, 2,5%) и «время» (4 ФЕ, 2%).

Немецкие фразеологизмы были разделены на аналогичные семантические группы. Две из них – «наименования лиц» (33 ФЕ, 23%) и «действия» (27 ФЕ, 19%) – оказались наиболее продуктивными. В отличие от английского языка, достаточно высокую частотность показали группы «межличностные отношения» (13 ФЕ, 9%) и «состояние» (12 ФЕ, 8,6%), тогда как более широко представленные в английском группы «наименования географических объектов» и «наименования предметов и веществ» в немецком языке самые малочисленные и составляют 2% и 0,7% соответственно.

Примечательно, что в двух языках сходны процентные данные следующих семантических групп: «характер и поведение» (англ. – 14, 5%; нем. – 14%), «оценка лиц и их действий» (англ. – 4,5%; нем. – 4%) и «выражение эмоций» (англ. – 3%; нем. – 3,6%).

В связи с большим количеством ФЕ-наименований лица имеет смысл разделить эту группу на 9 подгрупп со следующими значениями: «род занятий», «титулы и звания», «исторические личности», «гендер», «родство», «религия», «социальный статус и происхождение», «количество» и «мировоззрение».

Как в английском, так и в немецком языках подгруппы «род занятий» (англ. – 23%; нем. – 27,5%), «родство» (англ. – 21%; нем. – 24,5%) и «титулы и звания» (англ. – 19%; нем. – 15%) представлены наиболее широко. Подгруппа «исторические личности»,

составляющая в английском языке 7%, в немецком вообще отсутствует. Неудивительно, что в обоих языках относительно частотной оказалась подгруппа «библейские персонажи» (англ. – 6%; нем. – 9%). Самую низкую продуктивность в английском языке имеет признак «гендер» – 2%, а в немецком – «количество» – 3%.

Отдельно следует рассмотреть фразеологизмы, которые не содержат ТР, но подразумевают родство. Наиболее продуктивный семантический признак английских ФЕ – «наименования родственников» (11 ФЕ, 44%), а немецких – «характеристика отношений» (9 ФЕ, 36%). Две релевантные в немецком языке группы – «обозначение сходства» и «изменение социального статуса» – имеют самую низкую частотность в английском языке (по 12%), между тем как в немецком наименее продуктивной стала группа «характер и поведение» (4%). Интересно, что подавляющее большинство ФЕ, обозначающих сходство, предполагают передачу именно негативных черт от одного члена семьи другому, как, например, англ. *blood will tell* посл. 'кровь скажется'; нем. *der Apfel fällt nicht weit vom Stamme* посл. 'яблоко от яблони недалеко падает'.

2.2. При анализе структурных особенностей ФЕ с ТР опираемся на классификацию А. В. Кунина, который выделяет следующие типы фразеологизмов: одновершинные ФЕ, ФЕ со структурой подчинительного или сочинительного словосочетания, ФЕ со структурой простого или сложного предложения, ФЕ со структурой придаточного предложения, номинативно-коммуникативные ФЕ, ФЕ с частично-предикативной структурой и ФЕ-эквиваленты предложения [Кунин, 1986: 117-122]. В ходе исследования были выявлены ФЕ всех типов, кроме номинативно-коммуникативных.

Наибольшей продуктивностью в обоих языках обладают ФЕ со структурой подчинительного или сочинительного словосочетания (англ. – 188 ФЕ, 80%; нем. – 113 ФЕ, 68%). Подчинительные словосочетания преобладают (англ. – 157 ФЕ, 67%; нем. – 97 ФЕ, 59%), тогда как в английском языке сочинительные составляют лишь 13% (31 ФЕ) от всего корпуса материала, а в немецком – 10% (16 ФЕ). 23 сочинительных английских ФЕ являются бессоюзными, 15 из них имеют структуру «ТР + имя собственное» (структурная модель – N + N) (e.g. *Uncle Sam* '«дядя Сэм»' (ироническое прозвище США)), и 8 ФЕ являются союзными (e.g. *son and heir* 'старший сын'), при этом все из них связаны посредством соединительного союза «and» (структурная модель – N + Conj + N). В немецком языке 9 бессоюзных сочинительных фразеологизмов, из которых 3 ФЕ имеют структуру «ТР + имя собственное» (e.g. *Vater Rhein* поэт. 'старик Рейн'), остальные 6 – «ТР + имя нарицательное», как, например, *Mutter Natur* 'мать-природа'.

Второй по численности тип – ФЕ со структурой простого или сложного предложения (англ. – 31 ФЕ, 13%; нем. – 41 ФЕ, 25%). Простые предложения в английском языке насчитывают 26 единиц, в немецком – 25. Среди изучаемых ФЕ со структурой сложных предложений (англ. – 6 ед., нем. – 16 ед.) нет ни одного сложносочинённого. Большая часть сложных предложений представлена сложноподчинёнными предложениями (англ. – 83%, нем. – 81%).

В обоих языках незначительна доля ФЕ-эквивалентов предложения (англ. – 2,1%, нем. – 3,6%), т.е. определенных структурных типов междометных оборотов, которые имеют силу высказывания и самостоятельную интонацию. Данный структурный тип ФЕ был предложен А. В. Куниным [Кунин, 1986: 119]. Примерами фразеологизмов с такой структурой служат следующие единицы: англ. *your grandmother/ granny!* разг. фам. ‘как бы не так!; чёрта с два!’; нем. *ach, du dicker Vater!* разг. ‘ну ты даёшь!’.

ФЕ с частичнопредикативной структурой, т.е. лексема + придаточное предложение, были обнаружены только в английском языке и составили 1,7% (e.g. *face (that) only a mother could love* ‘некрасивое, уродливое лицо’).

Структурой придаточного предложения характеризуются 4 ФЕ в английском языке (1,7%) и 1 ФЕ в немецком (0,6%), при этом для последнего данный тип является наименее продуктивным. Все придаточные предложения могут быть подразделены на следующие типы:

– обстоятельственные придаточные времени – англ. *when sb was a (mere) twinkle in their father's eye* шутл. ‘ещё до чьего-л. рождения’, *since Auntie had her accident* австр. жарг. ‘давненько’; нем. *als der Großvater die Großmutter nahm* шутл. ‘давным-давно; при царе Горохе’;

– обстоятельственное придаточное образа действия – англ. *(just) like mother makes / used to make* разг. ‘в моём вкусе, мне по душе’;

– обстоятельственное придаточное условия – англ. *if mother could see us now* амер. разг. ‘1) мы хорошо устроились; 2) чертовски весело’.

Самой низкой частотностью в английском языке отличается структурный тип «одновершинные ФЕ» (англ. – 1,3%, нем. – 2,4%), т.е. обороты, в состав которых входит одна знаменательная и одна или несколько служебных лексем, как, например, англ. *like a father* ‘по-отечески, авторитетно’; нем. *unter Brüdern* ‘по самой дешёвой цене, по-приятельски’.

В зависимости от эквивалентности той или иной части речи все структурные типы, кроме ФЕ со структурами простого или сложного и придаточного предложений, подразделяются на субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные и

междометные. Субстантивные ФЕ преобладают (англ. – 164 ФЕ, 82%; нем. – 61 ФЕ, 49%). Вторыми по продуктивности являются глагольные ФЕ (англ. – 24 ФЕ, 12%; нем. – 46 ФЕ, 37%). Важно отметить, что для фразеологической системы немецкого языка характерно пониженное лексическое разнообразие глагольных компонентов [Семёнова, 1982: 130]. Фразеологизмы с глаголы *sein*, *machen*, *gehen*, *haben* и *nehmen* составляют около 40% всех глагольных ФЕ. В английском же корпусе материала высокой частотностью обладает лишь глагол *to be*.

Наиболее низкая продуктивность у адъективных и адвербиальных ФЕ в английском языке (2% и 1,5% соответственно) и у адъективных ФЕ в немецком языке – 2,5%.

Что касается структурных моделей, в английском языке наивысший удельный вес имеют следующие из них: Adj + N, N + N, N + Prep + N, V + N, V + Prep + N. Такие же модели, кроме N + Prep + N, наиболее частотны и в немецком языке, однако в двух из них меняется лишь порядок расположения компонентов: Prep + N + V, N + V, а также Adj + N, N + N; последняя структурная модель может образовываться как из двух существительных в именительном падеже, так и из одного в именительном, а другого в родительном с соответствующим артиклем.

2.3. ФЕ с ТР в сравниваемых языках имеют изоморфные этимологические особенности. Во-первых, в каждом из них наибольшей продуктивностью характеризуются именно исконные фразеологизмы (см. табл. 2); во-вторых, в обоих языках присутствуют как внутриязыковые заимствования, так и интернационализмы.

Таблица 2. Этимологическая характеристика ФЕ

Тип ФЕ	Английский язык		Немецкий язык		Пример
	Кол-во, ед.	Соотнош., %	Кол-во, ед.	Соотнош., %	
Исконные ФЕ	186	79	149	90	англ. <i>at one's mother's knee</i> 'с самого детства' нем. <i>die Mutter der Kompanie</i> солд. 'старшина роты'
Заимствованные ФЕ	49	21	16	10	англ. <i>the children of this world</i> 'люди, умудрённые житейским опытом' нем. <i>der verlorene Sohn</i> 'блудный сын'
Всего	235	100	165	100	

В исконно английских ФЕ нашли отражение:

– традиции и обычаи английского народа (e.g. *Aunt Sally* ‘«тётка Салли»’ (название народной игры, заключающейся в том, чтобы с известного расстояния выбить битой глиняную трубку изо рта деревянной женской головы, поставленной на столб); перен. ‘предмет нападков или оскорблений’));

– английские реалии (e.g. *the Father of the City* ‘старейший олдермен Лондона’);

– поверья (e.g. *the black sheep (of the family)* ‘паршивая овца; посл. в семье не без урода’ (согласно старому поверью, чёрная овца отмечена печатью дьявола))

– исторические факты (e.g. *the Father of English printing* ‘родоначальник книгопечатания в Англии’ (прозвище английского первопечатника Уильяма Кекстона)).

К исконно английским ФЕ относятся и такие фразеологизмы, которые связаны с именами британских писателей, учёных, королей и др. Были выявлены 2 таких ФЕ: *Mother Bunch* ‘гадалка’ (по имени английской гадалки XVI в.) и *the Scavenger’s daughter* ист. ‘тиски’ (Scavenger – искажённая фамилия коменданта Тауэра Сквингтона, который изобрёл это орудие пытки).

Среди исконно немецких фразеологизмов обнаружена единственная ФЕ, содержащая фамилию, – *zu Tante Meier gehen* разг. эвф. ‘выйти в туалет’. *Meier* – это так называемая «ремесленная» фамилия, обозначающая профессию фермера, арендатора. Интересно, что ФЕ с такими фамилиями (также *Müller, Schmidt, Schulze*) достаточно распространены в немецком фразеологическом фонде. Они несут в себе информацию и о социальной принадлежности носителя фамилии, так как выбор фамилии и имени напрямую зависел от социального положения его носителя. Так, во фразеологии фамилия *Meier*, имеющая также другие вариации написания – *Meyer, Maier, Mayer*, не только свидетельствует о невысоком происхождении человека, но и может подчёркивать его заурядность и простоту.

Отдельную подгруппу исконно английских ФЕ образуют шекспиризмы. Примечательно, что произведения Шекспира стали вторым после Библии источником, обогатившим английскую фразеологию. При этом А. В. Кунин отмечает, что в шекспиризмы могут вноситься некоторые изменения. Подтверждением этому служит единственный такой пример из исследуемых ФЕ – *more kin than kind* ‘хоть родной да недобрый’ – изменённая реплика Гамлета из одноименной пьесы. Два других шекспиризма – *child of the brain* ‘порождение, плод фантазии, выдумка’ и *Eve’s daughter* (тж. *the daughter of Eve*) ‘дочь Евы, представительница прекрасного пола’ – стали фразеологизмами, не претерпев изменений. Последняя ФЕ имеет эквивалент в немецком

языке – *eine Tochter Evas*, однако в данном случае за счёт семы шутливости фразеологизм приобретает дополнительную коннотацию.

ФЕ, источником которых стали произведения других британских писателей и поэтов, также относятся к исконно английским. Одним из таких фразеологизмов среди рассматриваемого материала является ФЕ *Big Brother* ‘Большой Брат’, обозначающая тоталитарное государство, стремящееся установить полный контроль над людьми. Источником данного фразеологизма послужил роман английского писателя Д. Оруэлла «1984». Эта ФЕ имеет эквивалент в немецком языке – *der große Bruder*.

Источником обогащения английского фразеологического фонда послужило и творчество британских поэтов У. Водсворта и Д. Мильтона, а также драматурга Т. Реттигена. При этом среди исконно немецких ФЕ ни один не был заимствован из национальной литературы.

Значительную часть межъязыковых заимствований составляют библеизмы. Например: англ. *the Father of Lights* ‘«создатель света», бог»; нем. *Fleisch von meinem Fleisch und Bein von meinem Bein* ‘кость от костей моих и плоть от плоти моей’. Однако в обоих языках эта группа характеризуется достаточно низкой продуктивностью.

Важнейшим источником английских фразеологизмов послужила античная мифология, литература и история. Было выявлено 6 таких ФЕ: *the fatal (the three) sisters* ‘мойры, парки»; *the weird sisters* ‘богини судьбы, мойры, парки»; *conscript fathers* 1) ‘отцы-сенаторы’ (обращение к римским сенаторам), 2) ‘отцы города’. Стоит заметить, что оставшиеся 3 ФЕ, содержащие имена античных богов и богинь, определяют род деятельности лиц: *a son of the Muses* ‘питомец муз (поэт)’ (в древнегреческой мифологии Музы – покровительницы искусств и наук), *a son of Mars* ‘сын Марса (военный)’ (в древнеримской мифологии Марс – бог войны) и *a son of Neptune* ‘сын Нептуна (моряк)’ (в древнеримской мифологии Нептун – бог морей). В немецком языке выявлено лишь 2 таких примера: *Brüder in Apoll* поэт. ‘сыны Аполлона, поэты, писатели’ и *Sohn der Musen* ‘любимец муз, поэт’.

Корпус английских фразеологизмы с ТР также содержит ФЕ, заимствованные из французского языка (2 ФЕ: *sister Anne* ‘верный друг (о женщине)’ (фр. *sœur Anne*); *a natural child* ‘внебрачный ребёнок’ (фр. *enfant naturel*)) и единственные ФЕ норвежского происхождения – *mother of pearl* ‘перламутр’ (норв. *perlemorsky*).

Из иностранных языков в немецкий были заимствованы ФЕ только из английского (4 ФЕ), как, например, *Onkel Sam* ‘дядя Сэм, прозвище США’.

Внутриязыковые заимствования в английском языке представлены преимущественно фразеологизмами, заимствованными из его американского варианта. Большую часть из них составляют ФЕ, связанные с американскими реалиями и историческими фактами: *the Father of his Country* ‘отец отечества’ (прозвище Джорджа Вашингтона – первого президента США); *the Fathers of the Constitution* (или *of the Republic*) ‘авторы конституции США’.

Был обнаружен единственный английский ФЕ австралийского происхождения – *since Auntie had her accident* австр. жарг. ‘давненько’. В немецком же языке имеется лишь один пример внутреннего заимствования из австрийского варианта языка – *pflanz deine Großmutter!* разг. ‘расскажи это своей бабушке!’.

3. Выводы

Таким образом, ФЕ с ТР в английском и немецком языках продемонстрировали как изоморфные, так и алломорфные черты в семантике, структуре и происхождении. Так, в обоих языках преобладают ФЕ с ТКР, составляя по 94% от общего корпуса материала; остальное приходится на ФЕ с ТБР. В исследуемых языках наиболее продуктивной оказалась семантическая группа «наименования лиц», тогда как наименее продуктивные группы не совпадают по количественным характеристикам. Различна и частотность семантических групп ФЕ со значением родства.

Структура английских и немецких ФЕ с ТР характеризуется большим количеством общих свойств, чем семантика. Одной из причин этому служит то, что языки близкородственны, что зачастую в большей степени отражается и прослеживается именно в их структурных особенностях. В корпусе эмпирического материала обоих языков наибольший удельный вес у ФЕ-словосочетаний, за ними следуют ФЕ-предложения, причём в обоих языках абсолютное большинство – простые предложения. Показатели по остальным структурным типам значительно разнятся. ФЕ-словосочетания и обороты были классифицированы и по эквивалентности частям речи. В двух языках превалируют субстантивные ФЕ, однако значительную долю в немецком языке, в отличие от английского, составляют глагольные фразеологизмы.

ФЕ с ТР в сравниваемых языках имеют изоморфные этимологические особенности. Во-первых, в каждом из них наибольшей продуктивностью характеризуются именно исконные фразеологизмы; во-вторых, в обоих языках присутствуют как внутриязыковые заимствования, так и интернационализмы. Тем не менее, удельный вес двух последних групп в английском языке существенно выше, что может объясняться статусом

английского как интернационального языка и, соответственно, его большей распространённостью в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.
2. Бессонова О. Л. Структурные особенности оценочных наименований лица в английском, французском и украинском языках // Записки з романо-германської філології. Одеса, 2010. № 25. С. 7-14.
3. Бессонова О. Л. Ієархія цінностей та її відображення в англomовній картині світу // Процедури концептуального аналізу в різноструктурних мовах. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2012. С. 18-91. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. Т. 7).
4. Близнюк О. В. Термины родства в кросскультурном аспекте // Язык и его функционирование. Межкультурная коммуникация. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2004. С. 3-7.
5. Ганиева Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в английском, русском и татарском языках. Нижнекамск: НХТИ ГОУ ВПО «КНИТУ», 2012. 106 с.
6. Зыкова И. В. Концептуальные основания семантики английских фразеологизмов, обозначающих вербальную коммуникацию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 26-35.
7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 381 с.
8. Ніколаєва Л. Б. Типологія термінів спорідненості. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2006. 255 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. Т. 3).
9. Окунева И. О. Концепт "красота" в русском и английском языках с точки зрения рецептивной и продуктивной деятельности // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. С. 126-133.
10. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.
11. Селезнёва Е. Г. Фразеологизация как способ вербализации концептов: на материале соматизмов животных // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. № 2. С. 409-418.
12. Семёнова Н. Н. Сопоставительно-типологический анализ фразеологических единиц, выражающих понятия неопределенно большого и неопределенно малого количества // Межвузовский сборник научных трудов / под ред. В. Д. Аракина. М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1982. С. 130.
13. Тишкина Д. А. Субстантивные фразеологические единицы с компонентом зоонимом в английском и русском языках // Вестник Чувашского университета. Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 2007. № 4. С. 223-228.
14. Трофімова О. В. Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2014. 245 с. (Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. Т. 1).
15. Уразметова А. В. Отражение культуры в топонимах и топонимических фразеологизмах // Языковые и речевые единицы в разных языках. Уфа: Изд-во БашГУ, 2006. С. 318-322.
16. Хизова М. А. Концепт «дружба» в русской и английской паремиологии // Наука Кубани. 2003. № 1. С. 241-244.

17. Юрченко Д. В. Номинативные свойства зоонимов во фразеологических единицах немецкого языка // Вопросы романо-германской и русской филологии. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1999. С. 208-212.

18. Dobrovolskij D. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1995. 272 S.

19. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. 248 S.

20. Jones D. Human kinship, from conceptual structure to grammar // Behavioral and Brain Sciences. 2010. № 5. Pp. 367-381.

21. Kaliušenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.

2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.

3. Цвиллинг М. Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1984. 216 с.

4. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 608 p.

5. Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Berlin: Dudenverlag, 2013. 928 S.

6. Oxford Dictionary of Idioms. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.

REFERENCES

1. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii* [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).

2. Bessonova, O. L. (2010). Strukturnye osobennosti otsenochnykh naimenovaniy litsa v angliyskom, frantsuzskom i ukrainskom yazykakh [Structural peculiarities of evaluative nominations of person in English, French and Ukrainian]. In *Zapysky z romano-germanskoyi filologii*. No 25. Pp. 7-14. (In Russ.).

3. Byessonova, O. L. (2012). Hierarkhiya tsinnostey ta yiyi vidobrazhennay v angломovniy kartyni svitu [The hierarchy of values and their reflection in the English-speaking worldview]. In *Protsedury kontseptualnogo analizu v ruznostrukturnykh movakh*. Donetsk: Vyd-vo DonNU. Pp. 18-91. (Typologichni, zistavni, diakhronichni doslidzhennya. Vol. 7). (In Ukr.).

4. Bliznyuk, O. V. (2004). Terminy rodstva v krosskulturnom aspekte [Kinship terms in cross-cultural aspect]. In *Yazyk i yego funktsionirovanie. Mezhkulturnaya kommunikatsiya*. Tver: Izd-vo TVGU. Pp. 3-7. (In Russ.).

5. Ganieva, G. R. (2012). *Frazeologicheskie yedynitsy s komponentom imenem sobstvennym v angliyskom, russkom i tatarskom yazykakh*. [Phraseological units with the component of proper name in English, Russian and Tatar]. Nizhnekamsk: NHTI GOU VPO «KNITU». (In Russ.).

6. Zyкова, I. V. (2011). Kontseptualnye osnovaniya semantiki angliyskikh frazeologizmov, oboznachayushchikh verbalnyuyu kommunikatsiyu [Conceptual bases of semantics of English phraseological units denoting verbal communication]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No 4. Pp. 26-35. (In Russ.).

7. Kunin, A. V. (1986). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The course in phraseology of modern English language]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

8. Nikolaieva, L. B. (2006). *Typologiya terminiv sporidnenosti* [Typology of kinship terms]. Donetsk: Vyd-vo DonNU. (Typological, comparative, diachronic studies. Vol. 3). (In Ukr.).
9. Okuneva, I. O. (2008). Kontsept "krasota" v russkom i angliyskom yazykakh s tochki zreniya retseptivnoy i produktivnoy deyatel'nosti [The concept "beauty" in Russian and English in the view of receptive and productive activity]. In *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. Tambov: Gramota. Pp. 126-133. (In Russ.).
10. Raykhshteyn, A. D. (1980). *Sopostavitel'nyy analiz nemetskoj i russkoj frazeologii* [Comparative analysis of German and Russian phraseology]. M.: Vysshaya shkola. (In Russ.).
11. Selezneva, E. G. (2006). Frazeologizatsiya kak sposob verbalizatsii kontseptov: na materiale somatizmov zhivotnykh [Phraseologization as a means of realization of concepts: on the basis of animals' somatisms]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2. Pp. 409-418. (In Russ.).
12. Semenova, N. N. (1982). Sopostavitel'no-tipologicheskii analiz frazeologicheskikh edinit, vyrazhayushchikh ponyatiya neopredelenno bolshogo i neopredelenno malogo kolichestva [Comparative and typological analysis of phraseological units expressing the notion of an indefinitely large and an indefinitely small number]. In V. Arakin (ed.) *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Moskva: Izd-vo Lenin MGPI. Pp. 130. (In Russ.).
13. Tishkina, D. A. (2007). Substantivnye frazeologicheskie edinity s komponentom-zoonimom v angliyskom i russkom yazykakh [Substantive phraseological units with zoonyms as components in English and Russian]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No 4. Pp. 223-228. (In Russ.).
14. Trofimova, O. V. (2014). *Frazeologiya negatyvnykh emotsii v angliyskiy ta ukrayinskiy movakh* [Phraseology of negative emotions in English and Ukrainian]. Donetsk: Vyd-vo DonNU. (Lingvokognitivni ta lingvokulturolohichni doslidzhennia. Vol. 1). (In Ukr.).
15. Urazmetova, A. V. (2006). Otrazhenie kultury v toponimakh i toponimicheskikh frazeologizmakh [Reflection of culture in toponyms and toponymic phraseological units]. In *Yazykovye i rechevye edinity v raznykh yazykakh*. Ufa: Izd-vo BashGU. Pp. 318-322. (In Russ.).
16. Khizova, M. A. (2003). Kontsept «druzhiba» v russkoj i angliyskoj paremiologii [The concept "friendship" in Russian and English paremiology]. In *Nauka Kubani*. No 1. Pp. 241-244. (In Russ.).
17. Yurchenko, D. V. (1999). Nominativnye svoystva zoonimov vo frazeologicheskikh edinitakh nemetskogo yazyka [Nominative properties of zoonyms in German phraseological units]. In *Voprosy romano-germanskoj i russkoj filologii*. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU. Pp. 208-212. (In Russ.).
18. Dobrovol'skij, D. (1995). *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
19. Fleischer, W. (1982). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliograisches Institut Leipzig.
20. Jones, D. (2010). Human kinship, from conceptual structure to grammar. In *Behavioral and Brain Sciences*. No 5. Pp. 367-381.
21. Kaliuščenko, V. D. (2000). *Typologie denominaler Verben*. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Binovich, L. Ye. (1995). *Nemetsko-russkij frazeologicheskij slovar* [German-Russian phraseological dictionary]. Moskva: Akvarium.
2. Kunin, A. V. (1984). *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar* [English-Russian phraseological dictionary]. Moskva: Russkij yazyk.

3. Tsvilling, M. Ya. (1984). *Russko-nemetskiy slovar poslovits i pogovorok* [Russian-German dictionary of proverbs and sayings]. Moskva: Russkiy yazyk.
4. *Cambridge International Dictionary of Idioms*. (1998). Cambridge: Cambridge University Press.
5. *Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. (2013). Berlin: Dudenverlag.
6. *Oxford Dictionary of Idioms*. (2004). 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.

Бессонова Ольга Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии (e-mail: olgabessonova@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Bessonova Olga L. – Doctor of Philology, Professor, Head of the English Philology Department (e-mail: olgabessonova@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Гришкова Дарья Михайловна – магистр кафедры английской филологии (e-mail: darya160794@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Grishkova Darya M. – master at the Department of the English Philology (e-mail: darya160794@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 28 октября 2016 г.

УДК 659.1(051): 81'367: 811.111

© 2016 В. Д. Калиущенко, С. А. Вожова

ТАКТИКИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗИРУЮЩЕЙ СТРАТЕГИИ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Статья посвящена исследованию лингвопрагматических особенностей англо- и русскоязычных заголовков печатной рекламы. Составлена классификация коммуникативно-прагматических стратегий и тактик рекламных заголовков. Описаны структурно-семантические особенности каждой рекламной тактики с целью выявления их влияния на эффективность рекламного заголовка. Осуществлен сопоставительный анализ тактик, реализованных в англо- и русскоязычных заголовках.

Ключевые слова: рекламный заголовок, коммуникативная стратегия, тактика, парцелляция, риторические фигуры.

© 2016 V. D. Kaliuščenko, S. A. Vozhova

TACTICS OF THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC OPTIMIZING STRATEGY IN ENGLISH AND RUSSIAN ADVERTISING HEADLINES

The article deals with the research of the linguo-pragmatic properties of the English and Russian headlines of the printed advertisement. The classification of the communicative-pragmatic strategies and tactics of the advertising headlines has been worked out. The structural-semantic properties of each advertising tactics have been described to reveal their influence on the effectiveness of an advertising headline. The comparative analysis of the tactics realized in the English and Russian headlines has been carried out.

Key words: an advertising headline, a communicative strategy, tactics, parceling, figures of speech.

1. Вступление

Заголовок – очень важный элемент печатной рекламы, потому что он выражает концепцию текста. Важен он и по другой причине. Люди, которые бегло просматривают прессу, прочитывают только заголовки, поэтому им должен быть понятен смысл всего обращения, передаваемый либо одним заголовком, либо комбинацией заголовка и изображения. Исследователи подсчитали, что только 20% прочитавших заголовки читают сам текст рекламы. Поэтому рекламный заголовок (далее РЗ) должен привлекать внимание нужного потенциального потребителя, останавливать читателя, определять товар и давать импульс к покупке, побуждая людей прочесть рекламный текст [Уэллс, Бернет, Мориарти, 1999: 442, 444].

Актуальность исследования обусловлена тем, что рекламные тексты на данный момент – одна из самых распространенных форм существования языка, а особое место в

мировом информационном потоке занимают рекламные тексты на английском языке. Рекламные тексты являются объектом исследования многих наук, таких как маркетинг, психология и др. Однако их всестороннее описание невозможно без глубокого лингвистического анализа, рассматривающего рекламный текст как комплексное явление, в неразрывной связи его вербальных и невербальных характеристик.

В современной лингвистике основное внимание было уделено жанрам рекламы, стилистике, структуре и композиции рекламных текстов. К примеру, коммуникативно-прагматические особенности рекламного текста на материале различных языков проанализированы в работах Ю. Н. Гореловой [Горелова, 2005], Ю. В. Деминой [Демина, 2001], Е. С. Ивановой [Иванова, 2011]. Рекламный заголовок подвергся подробному специальному лингвистическому исследованию лишь в небольшом количестве научных работ. Например, вопрос о формальной организации РЗ рассматривается на материале текстов печатных рекламных объявлений на русском и английском языках российской и англо-американской прессы в работе Т. А. Козиной и В. Н. Смирновой [Козина, Смирнова, 2012]. Таким образом, структурно-семантические особенности и коммуникативно-прагматические стратегии англо- и русскоязычных РЗ еще недостаточно изучены в сопоставительном аспекте, что и обусловило актуальность данной работы.

Цель данного исследования заключается в составлении классификации коммуникативно-прагматических стратегий и их тактик в англо- и русскоязычных РЗ и в выявлении взаимосвязи языковых средств с прагмалингвистическими функциями РЗ.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- 1) осуществить классификацию коммуникативно-прагматических стратегий и их тактик в англо- и русскоязычных РЗ;
- 2) описать лексические, стилистические, морфологические и синтаксические особенности каждой рекламной тактики с целью выявления их влияния на эффективность РЗ;
- 3) выявить общие и специфические черты тактик, реализованных в англо- и русскоязычных заголовках, и сделать их сопоставительный анализ.

Материал исследования составил корпус англо- и русскоязычных заголовков бытовой рекламы, в частности рекламы косметики для женщин и мужчин, продуктов питания и фармацевтических препаратов. Общий объем выборки составляет по 300 рекламных заголовков на английском и русском языках, полученных путем сплошной выборки из популярных британских, американских и российских журналов: “Allure”, “Cosmopolitan”, “Cosmopolitan Beauty Россия”, “Delicious”, “Men’s Fitness”, “Men’s Health”,

“Men’s Journal”, “Saveur”, “Vegetarian Times”, “Vogue”, “Woman’s Day”, “Women’s Fitness”, “Women’s Health”, “Women’s Running”, “Yoga Journal Россия”, “Афиша-Еда”, “Гастрономъ”, “Добрые советы”, “Домашний очаг”, “Железный мир”, “Здоровье”, “Караван историй”, “Про здоровье”, “Про кухню”, “ХлебСоль”, “Худеем правильно” за период с 2010 по 2015 годы.

2. Позиционирующие и оптимизирующие стратегии РЗ

Полный анализ рекламных заголовков невозможен без исследования их коммуникативно-прагматических особенностей. Главная цель рекламной информации заключается в коммуникативном воздействии. Под коммуникативным воздействием понимается спланированное воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта направлении [Пирогова, 2001: 553].

Теоретической основой для анализа коммуникативно-прагматических особенностей РЗ послужили научные работы Т. Вестергарда и К. Шредера [Vestergaard, Schroder, 1985], К. Куара, Н. Арумугама и Н. М. Юнуса [Kuar, Arumugam, Yunus, 2013], Дж. Остина [Austin, 1962], Дж. Р. Сёрла [Searle, 1976], Ф. Унгерера [Ungerer, 2000], Н. Феарклафа [Fairclough, 2010], Х. М. Эль-Дейли [El-Daly, 2011].

В данной работе для анализа коммуникативно-прагматических стратегий рекламных заголовков за основу взята классификация, предложенная Ю. К. Пироговой, согласно которой выделено 2 типа коммуникативных стратегий:

- 1) стратегии, направленные на формирование планируемого восприятия рекламируемого объекта (позиционирующие стратегии);
- 2) стратегии, направленные на оптимизацию воздействия самого рекламного сообщения (оптимизирующие стратегии).

Также при составлении классификации коммуникативно-прагматических стратегий и тактик, использованных в РЗ, примером послужила модель исследования, представленная в диссертации О. В. Лещенко [Лещенко, 2014: 100].

В данной статье будет представлен сопоставительный анализ тактик лишь оптимизирующей стратегии в англо- и русскоязычных рекламных заголовках.

3. Тактики коммуникативно-прагматической оптимизирующей стратегии в англо- и русскоязычных РЗ

Анализ рекламных заголовков корпуса исследования позволил выделить следующие тактики, способствующие реализации оптимизирующей стратегии:

- 1) тактика восхваления рекламируемого продукта;

- 2) тактика указания косвенной информации о рекламируемом продукте;
- 3) тактика предоставления отзывов потребителей о рекламируемом продукте.

Данная стратегия, в отличие от позиционирующей стратегии, которая лишь информирует о продукте, побуждает читателя непосредственно к его покупке с помощью различных средств воздействия.

Таблица 1. Количественная характеристика тактик коммуникативно-прагматической оптимизирующей стратегии в англо- и русскоязычных РЗ

Тактика коммуникативно-прагматической оптимизирующей стратегии	Англоязычные заголовки		Русскоязычные заголовки	
	Кол-во заголовков	Пример	Кол-во заголовков	Пример
1. Тактика восхваления рекламируемого продукта	45 (15%)	<i>A scent to fall in love with</i> 'Аромат, в который можно влюбиться'	50 (16,6%)	<i>Невероятно яркий. Неповторимо вкусный</i>
2. Тактика указания косвенной информации о продукте	40 (13,3%)	<i>The secret behind the youthful skin of Asian women</i> 'Секрет молодости кожи азиатских женщин'	58 (19,3%)	<i>Наш момент истины</i>
3. Тактика предоставления отзывов потребителей о продукте	24 (8%)	<i>100 % of people had clearer skin in just 1 day</i> 'У 100 % человек кожа стала чище всего лишь за 1 день'	21 (7%)	<i>«Я хочу, чтобы окружающие видели меня, а не мое акне» – Алёна, 27 лет</i>
Всего	300 (100%)		300 (100%)	

3.1. Тактика восхваления рекламируемого продукта

Данная тактика подчеркивает превосходство и уникальность рекламируемого продукта и ставит его на более высокую позицию по сравнению с конкурентами. Такой прием уместен лишь в том случае, когда самовосхваление компании оправдано. Англоязычные РЗ данной группы представлены 45 единицами (15%). Примером может служить заголовок рекламы компании Nature's Way: *When it comes to black elderberry we're on top* 'Что касается ягод черной бузины, то мы лучшие' [Vegetarian Times, 1/2014].

Наиболее ярко выраженной морфологической особенностью данной группы является использование превосходной степени сравнения прилагательных, зафиксированное в 6 заголовках (13,3%), например, *the fastest* 'самый быстрый', *the best* 'самый лучший', *the sweetest* 'самый сладкий', *the most complete* 'самый полный'.

Среди заголовков, реализующих данную тактику, было обнаружено 15 (21,1%) безглагольных заголовков, к примеру, заголовок рекламы торговой марки Branston Baked Beans: *Great taste on toast* ‘Восхитительно вкусный тост’ [Delicious UK, 4/2015]. Такая тенденция к составлению заголовков без глаголов может объясняться желанием копирайтеров добиться эффекта контраста. Если использовать постоянно заголовки с глаголами, то тогда эта модель перестает работать из-за пресыщения [Кафтанджиев, 1995: 17].

В лексическом плане преобладают следующие оценочные слова: *luxury* ‘роскошь’, *amazing* ‘удивительный’, *beautiful* ‘прекрасный’, *to outshine* ‘затмевать’, *powerful* ‘мощный’, *delicious* ‘вкусный’, *great* ‘великолепный’, *superior* ‘превосходный’, *smart* ‘разумный’, *bliss* ‘блаженство’, *delightful* ‘восхитительный’, *unlimited* ‘безграничный’. Все представленные лексические единицы акцентируют превосходство рекламируемого товара.

В данной группе заголовков были обнаружены случаи употребления такого тропа, как метонимия, например, в заголовке рекламы торговой марки Ancient Harvest Quinoa *Invite Delicious to the Table* ‘Пригласите вкуснятину к столу’ и в заголовке рекламы торговой марки Earth Balance, рекламирующем сливочное масло, *Spread deliciousness* ‘Намажьте вкуснятину’ [Vegetarian Times, 10/2014]. В этих примерах названия рекламируемых продуктов замещаются их вкусовыми качествами. В заголовке, рекламирующем краску для волос Féria бренда L’Oreal, *Platinum to dye for* ‘Платиновый цвет, ради которого можно умереть’ использована гипербола.

Синтаксической особенностью этой коммуникативной стратегии является использование приема парцеллирования, отмеченного в 11 заголовках (24,4%), например, в заголовке рекламы компании BelGioioso *Artisan. Hand-made. Superior quality* ‘Высококласный. Сделанный вручную. Высший сорт’ [Saveur UK, 9/2014].

В корпусе **русскоязычных** РЗ, осуществляющих данную тактику, отмечено 50 единиц, что составляет 16,6% от общего числа заголовков выборки.

Использование в заголовках степеней сравнения прилагательных нехарактерно для заголовков на русском языке, но все-таки 7 примеров (14%) употребления сравнительной и превосходной степени сравнения прилагательных зафиксировано именно в заголовках данной группы, к примеру, *сильнее, лучшее, моложе, гуще, самые модные, самый стойкий, самый соблазнительный*.

Данная тактика реализуется посредством лексики, окрашенной оценочными коннотациями. Данный факт подтверждается следующими словами: идеальный, единственный, роскошный, великолепный, совершенный, сенсационный, магический,

восхитительный, прекрасный, непревзойденный, превосходный, вкусный, наслаждение, блаженство, шедевр, безупречно, невероятно яркий, неповторимо вкусный (Fazer БУРЖЕ).

В данной группе заголовков зафиксирован пример, в котором использованы сразу 2 риторические фигуры – метонимия и литота (капелька). Это заголовок рекламы бренда Samau Позвольте себе *капельку роскоши* каждый день [Glamour Россия, 1/2016], в котором предмет замещается его характеристиками.

3.2. Тактика указания косвенной информации о рекламируемом продукте

Заголовки, представляющие данную тактику, содержат косвенную информацию об эффекте воздействия рекламируемого товара. Это заголовки-провокации, интриги, двусмысленности. Главная задача таких заголовков – заинтриговать, вызвать любопытство. Они не избирательны и не информативны, однако могут эффективно привлекать внимание читателей к тексту. Эти провокационные и интригующие заголовки заставляют прочитать рекламный текст до конца, чтобы понять их смысл.

Выборка включает в себя 40 заголовков (13,3%) **на английском языке**. Примером, иллюстрирующим данную рекламную стратегию, может служить заголовок рекламы бренда Paula's Choice skincare: *Pore size does matter* 'Размер пор имеет значение' [Vogue USA, 12/2014]. Этот заголовок не содержит никакой конкретной информации о рекламируемом продукте, а лишь косвенно намекает на эффект сужения пор на лице в результате использования данного крема.

К этой группе относятся самые короткие заголовки выборки, состоящие из 4-6 слов. Их количество составляет 25 заголовков (62,5%). Они состоят из простого повествовательного предложения.

В рамках данной тактики в англоязычном корпусе исследования были отмечены 7 РЗ, которые не дают никакого представления даже об общем содержании рекламы. Для понимания их смысла необходимо прочесть весь рекламный текст. Однако поскольку большинство потребителей предпочитают читать лишь заголовки, игнорируя при этом основной рекламный текст, то такие абсолютно неинформативные заголовки не привлекают внимания читателей, а наоборот, отбивают всякое желание постигать скрытый смысл заголовка. Примером заголовка данного типа является заголовок рекламы энергетического батончика торговой марки Trek: *Nature is power* 'Природа – это сила' [Men's Health UK, 5/2015]. Из такого заголовка потребитель не узнаёт ничего о рекламируемом товаре и, только прочитав основной рекламный текст, он может понять, что под словом «природа» имеется в виду то, что данные батончики изготовлены из натуральных и полезных ингредиентов.

Заголовок – самая важная вербальная часть рекламы. Одна из самых важных функций заголовка – идентифицировать и продать товар. Вышеописанные заголовки не идентифицируют продукт, поэтому рассчитывать на его продажу не приходится.

По сравнению с англоязычными заголовки данной группы **на русском языке** характеризуются большим количеством – 58 единиц (19,3%). Самые короткие заголовки корпуса исследования, включающие в себя 2-4 слова, входят именно в эту группу.

На стилистическом уровне в заголовках этой группы отмечено употребление большого разнообразия риторических фигур. Например, в заголовке рекламы бренда Бархатные ручки Магия тиаре: *Магия тиаре. Магия прикосновений* используется **анафора**. Заголовок рекламы торговой марки Glatte *Настоящая красота выходит из пены* содержит **аллюзию** на древнегреческую богиню красоты и любви Афродиту, рожденную из морской пены. В заголовке рекламы бренда Garnier *Начни жизнь с чистого лица!* применена **игра слов**, основанная на паронимии форм слов листа и лица.

3.3. Тактика предоставления отзывов потребителей о продукте

Исследователи подчеркивают, что если заголовок содержит цитату и дается в кавычках, его запоминаемость вырастает на 28%. Свидетельства имеют одно основное преимущество в рекламе – через них внушение о подлинности и достоверности аргументов доводится очень активно и с большими шансами на успех.

Среди проанализированных **англоязычных** заголовков было выявлено 24 заголовка данного типа, что составляет 8% от общего числа единиц выборки.

Такая тактика может реализовываться в разных вариантах. Если человек, который свидетельствует, известен, то акцент ставится на его личности, как, например, в заголовке рекламы бренда L'Oréal Paris: *“Feel it. Wear it. Love it.” – Gwen Stefani. Discover the hold of a longwear in the luxury of a lipstick* ‘Почувствуйте её. Нанесите её. Полюбите её’ – Гвен Стефани. Откройте стойкость роскошной губной помады’ [Cosmopolitan USA, 4/2011].

Встречаются и заголовки, в которых отзыв о рекламируемом продукте оставляет совершенно неизвестный человек. Например, компания Dove привлекает к рекламе своей продукции реальных потребителей в качестве свидетелей: *“It gives me the protection I need and my skin feels great too” – Natasha Lawson* “Он дает необходимую мне защиту, и моя кожа в отличном состоянии” – Наташа Лоусон’ [Women’s Health USA, 9/2015]. То, что свидетельствует личность незнаменитая, нисколько не ухудшает рекламную кампанию. Напротив, отзывы обычных людей внушают доверие, поскольку потребителю ближе человек его социального круга.

Были также обнаружены заголовки, в которых содержится ссылка на отзыв не одной личности, а группы людей, к примеру, в заголовке рекламы бренда Suave *Can you tell the difference? Top stylists can't* 'Вы можете назвать отличия? Топ-стилисты не могут' копирайтеры опираются на мнение людей авторитетных в сфере красоты. В заголовке, рекламирующем торговую марку Clean & Clear, *100% of people had clearer skin in just 1 day* 'У 100% человек кожа стала чище всего лишь за 1 день' приводятся отзывы группы потребителей рекламируемого продукта.

Зафиксирован случай употребления метонимии при реализации данной тактики в заголовке компании Seattle's Best Coffee: *The taste America chose* 'Вкус, который выбрала Америка', в котором жители страны замещаются названием страны.

В корпусе РЗ **на русском языке** отмечен 21 пример (7%) осуществления данной тактики. Свидетельские показания представлены в различных формах. Они могут быть выражены в цитатах знаменитостей или обычных потребителей («Ложиться спать раньше девяти – не в моих правилах». – Соня, 5 лет), в ссылках на определенный круг лиц, мнение которых играет ключевую роль при покупке товара (Jacobs Monarch Millicano. Кофе молотый в растворимом. Выбор кофеманов). Отличительной особенностью выражения отзыва о продукте в русскоязычных заголовках является использование в качестве свидетеля личного местоимения первого лица единственного числа: Я знаю, из чего складывается безупречность. (Max Factor). В данном примере советчик не идентифицирован, читатель может только догадываться о его личности.

4. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

4.1. Все проанализированные заголовки можно классифицировать по двум типам коммуникативно-прагматических стратегий:

- 1) позиционирующая стратегия;
- 2) оптимизирующая стратегия.

В свою очередь каждая стратегия реализуется с помощью набора свойственных ей тактик. Оптимизирующая стратегия реализуется посредством таких тактик: тактика восхваления рекламируемого продукта, тактика указания косвенной информации о продукте, тактика предоставления отзывов потребителей о продукте. Тактика восхваления рекламируемого продукта оказалась наиболее часто используемой в англоязычном корпусе исследования, а в русскоязычном таковой оказалась тактика указания косвенной информации о продукте. Как в англоязычных, так и в русскоязычных РЗ реже остальных используется тактика предоставления отзывов потребителей о продукте (см. табл.1).

4.2. Использование сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных является отличительной чертой англоязычных заголовков, в которых реализуется тактика восхваления рекламируемого продукта. Самыми часто употребляемыми оказались сравнительная степень сравнения прилагательного *good* 'хороший' *better* 'лучший' и его превосходная степень *the best* 'самый лучший'. Для русскоязычных заголовков такая тенденция к употреблению степеней сравнения прилагательных не характерна, однако небольшое количество примеров все-таки было обнаружено в заголовках, демонстрирующих тактику восхваления рекламируемого продукта.

4.3. Как для англоязычных, так и для русскоязычных заголовков, демонстрирующих тактику восхваления рекламируемого продукта, характерным является широкое употребление лексики, выражающей положительную оценку понятий, а точнее, подчеркивающей превосходство рекламируемого товара.

4.4. Изоморфной особенностью всех проанализированных заголовков оказалось использование большого разнообразия риторических фигур и тропов, таких как аллюзия, антитеза, гипербола, игра слов, литота, метонимия, сравнение и эпитопа. В рекламных заголовках риторические фигуры выполняют свою основную функцию – усиления эффекта высказывания, тем самым они привлекают внимания читателя.

4.5. Стилистический прием парцелляции применяется практически во всех представленных тактиках, однако наиболее характерен он для заголовков, которые осуществляют тактику восхваления рекламируемого продукта. Прием парцелляции является общей характерной чертой как англоязычных, так и русскоязычных заголовков.

4.6. Цель тактики указания косвенной информации о продукте – привлечь внимание читателя к основному рекламному тексту, а не проинформировать его о рекламируемом продукте. Этим объясняется тот факт, что данные заголовки являются самыми короткими среди заголовков на двух сравниваемых языках (они включают от 2 до 6 слов). Безусловно, такие заголовки примечательны своей динамичностью и лаконичностью, однако они недостаточно информативны. Заголовок должен направить интерес потребителя на сам продукт, а не на творческую часть рекламы.

4.7. Специфической чертой, свойственной лишь англоязычным заголовкам, являются заголовки, которые не дают никакого представления даже об общем содержании рекламы.

4.8. Преимущество тактики предоставления отзывов потребителей о продукте заключается в том, что отзывы оказывают значительное влияние на людей при выборе товаров. Они вызывают у покупателей доверие к продукту. Как показало исследование,

способы реализации данной тактики абсолютно одинаковые в заголовках на двух сопоставляемых языках: в рекламных заголовках отзыв может оставить известная личность (в основном звёзды шоу-бизнеса, спортсмены), обычный, незначительный человек и группа людей, компетентных в определённой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелова Ю. Н. Коммуникативно-прагматические и этнокультурные особенности рекламного текста: на материале англоязычной и русскоязычной печатной рекламы. Казань, 2005. 161 с.
2. Демина Ю. В. Рекламный текст в коммуникативно-прагматическом аспекте: на материале немецкоязычной печатной и телевизионной рекламы. СПб., 2001. 179 с.
3. Иванова Е. С. Коммуникативно-прагматические аспекты текстов интернет-рекламы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 132. С. 91-97.
4. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. 73 с.
5. Козина Т. А., Смирнова В. Н. Формальная организация рекламного заголовка // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 284-291.
6. Лещенко О. В. Комунікативні стратегії, тактики і прийоми в німецьких та українських слоганах (на матеріалі реклами фінансових, страхових і консалтингових послуг) // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання*. Донецьк : ДонНУ, 2013. Т. 10. № 2 (29). С. 94–104.
7. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Текст. Интертекст. Культура. М.: Азбуковик, 2001. С. 543-553.
8. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама – принципы и практика: пер. М. Артюх и др. СПб.: Изд-во "Питер", 1999. 736 с. (Серия «Теория и практика менеджмента»).
9. Austin J. L. *How to do things with words*. Oxford, 1962. 174 p.
10. El-Daly H. M. Towards an Understanding of the Discourse of Advertising: Review of Research with Special Reference to the Egyptian Media // *African Nebula*. 2011. Vol. 3. P. 25-47.
11. Fairclough N. *Critical discourse analysis: Critical study of language*. 2nd eds. UK. Longman, 2010. 591 p.
12. Kuar K., Arumugam N., Yunus N. M. Beauty product advertisements: A critical discourse analysis // *Journal of Asian Social Science*. 2013. Vol. 9. No 3. P. 61-71.
13. Searle J. The Classification of Illocutionary Acts // *Language in Society*. 1976. Vol. 5. No 1. P. 1-23.
14. Vestergaard T., Schroder K. *The Language of Advertising*. Oxford; New York: Blackwtil, 1985. 180 p.
15. Ungerer F. *English Media Texts – Past and Present: Language and Textual Structure*. Amsterdam, PA: J. Benjamin Pub., 2000. 286 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. *Cosmopolitan USA* 4/2011. Доступ: <http://akyla.net/>. (дата обращения: 01.10.2015).
2. *Delicious UK* 4/2015. Доступ: <http://akyla.net/>. (дата обращения: 01.10.2015).
3. *Glamour Россия* 1/2016. Доступ: <http://pressa-vsem.ru/>. (дата обращения: 20.02.2016).
4. *Men's Health UK* 5/2015. Доступ: <http://akyla.net/>. (дата обращения: 01.10.2015).
5. *Saveur UK* 9/2014. Доступ: <http://akyla.net/>. (дата обращения: 08.10.2015).
6. *Vegetarian Times* 1/2014. Доступ: <http://akyla.net/>. (дата обращения: 01.10.2015).
7. *Vogue USA* 12/2014. Доступ: <http://akyla.net/>. (дата обращения: 08.10.2015).
8. *Women's Health USA* 9/2015. Доступ: <http://akyla.net/>. (дата обращения: 08.10.2015).

REFERENCES

1. Gorelova, Yu. N. (2005). *Kommunikativno-pragmaticheskie i etnokulturnye osobennosti reklamnogo teksta: na materiale angloyazychnoy i russkoyazychnoy pechatnoy reklamy* [Communicative-pragmatic and ethnocultural properties of the advertising text: based on English and Russian printed advertisement]. Kazan. (In Russ.).
2. Demina, Yu. V. (2001). *Reklamnyy tekst v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte: na materiale nemeckoyazychnoy pechatnoy i televizionnoy reklamy* [Advertising text in the communicative-pragmatic aspect: based on German printed and television advertisement]. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
3. Ivanova, E. S. (2011). Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty tekstov internet-reklamy [Communicative-pragmatic aspect of Internet advertising texts]. In *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. No 132. Pp. 91-97. (In Russ.).
4. Kaftandzhiev, H. (1995). *Teksty pechatnoy reklamy* [Printed advertisement texts]. M.: Smysl. (In Russ.).
5. Kozina, T. A., Smirnova, V. N. (2012). Formalnaya organizatsiya reklamnogo zagolovka [Formal organization of the advertising headline]. In *Izvestiya RGPU im. V. G. Belinskogo*. No 27. Pp. 284-291. (In Russ.).
6. Leshchenko, O. V. (2013). Komunikativni strategiyi, taktiki i priyomy v nimetskykh ta ukrayinskykh sloganakh (na materialy reklamy finansovykh, strakhovykh i konsaltingovykh poslug) [Communicative strategies, tactics and techniques of German and Ukrainian Slogans: based on financial, insurance and consultancy services advertisement]. In V. D. Kaliuščenko (ed.) *Studia Germanica et Romanica: Inozemni movy. Zarubizhna literatura. Metodika vykladannya*. Vol. 10. No 2 (29). Pp. 94-104. (In Ukr.).
7. Pirogova, Yu. K. (2001). Strategii kommunikativnogo vozdeystviya v reklame: opyt tipologizatsii [Strategies of communicative impact in advertising: classification experiment]. In *Tekst. Intertekst. Kultura*. M.: Azbukovik. Pp. 543-553. (In Russ.).
8. Wells, W., Burnett, J., Moriarti, S. (1999). *Reklama – printsipy i praktika* [Advertising – principles & practice]. Sankt-Peterburg. (Seriya «Teoriya i praktika menedzhmenta») (In Russ.).
9. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Oxford.
10. El-Daly, H. M. (2011). Towards an Understanding of the Discourse of Advertising: Review of Research with Special Reference to the Egyptian Media. In *African Nebula*. Vol. 3. Pp. 25-47.
11. Fairclough, N. (2010). *Critical discourse analysis: Critical study of language*. 2nd eds. UK. Longman.
12. Kuar, K., Arumugam, N., Yunus, N. M. (2013). Beauty product advertisements: A critical discourse analysis. In *Journal of Asian Social Science*. Vol. 9. No 3. Pp. 61-71.
13. Searle, J. (1976). The Classification of Illocutionary Acts. In *Language in Society*. Vol. 5. No 1. Pp. 1-23.
14. Vestergaard, T., Schroder, K. (1985). *The Language of Advertising*. Oxford; New York: Blackwell.
15. Ungerer, F. (2000). *English Media Texts – Past and Present: Language and Textual Structure*. Amsterdam, PA: J. Benjamin Pub.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Cosmopolitan USA* 4/2011. Available at: <http://akyla.net/>. (accessed: 01.10.2015).
2. *Delicious UK* 4/2015. Available at: <http://akyla.net/>. (accessed: 01.10.2015).
3. *Glamour Россия* 1/2016. Available at: <http://pressa-vsem.ru/>. (accessed: 20.02.2016).
4. *Men's Health UK* 5/2015. Available at: <http://akyla.net/>. (accessed: 01.10.2015).
5. *Saveur UK* 9/2014. Available at: <http://akyla.net/>. (accessed: 08.10.2015).

6. *Vegetarian Times* 1/2014. Available at: <http://akyla.net/>. (accessed: 01.10.2015).
7. *Vogue USA* 12/2014. Available at: <http://akyla.net/>. (accessed: 08.10.2015).
8. *Women's Health USA* 9/2015. Available at: <http://akyla.net/>. (accessed: 08.10.2015).

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: vlaimirkaliuscenko@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Kaliuščenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Germanic Philology (e-mail: vlaimirkaliuscenko@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Вожова Светлана Александровна – студентка кафедры теории и практики перевода (e-mail: vojova@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Vozhova Svetlana A. – Student of the Department of the Theory and Practice of Translation (e-mail: vojova@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 23 ноября 2016 г.

СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ИСКУССТВЕ

В статье анализируются наименования человека в искусстве (далее НЧИ) с точки зрения их словообразовательной и морфологической структуры. Выявляются структурные типы исследуемых НЧИ (композицы, словосочетания, симплексы, сращения, сокращения, конверсивы, аффиксальные и полуаффиксальные образования), устанавливается степень их продуктивности. Рассматривается также семантическая деривация НЧИ (метафоры и метонимии).

Ключевые слова: антропоцентризм, словообразование, семантическая деривация, аффикс, полуаффикс, композиц, словосочетание, симплекс, сращение, сокращение.

NAMES OF PEOPLE IN ARTS AND THEIR STRUCTURE

The paper delves into the word-formational and morphological aspects of the names of people in arts (NPA). The revealed structural types of NPA (compounds, word combinations, simplexes, abbreviations, derivational compounds, as well as affixal, affixoidal and converse formations) have been analyzed in terms of their productivity. Additional attention has been attached to the semantic derivation (metaphors and metonyms).

Key words: anthropocentrism, word formation, semantic derivation, an affix, an affixoid, a compound, a word combination, a simplex, a derivational compound, an abbreviation.

1. Введение

Язык неотделим от жизни общества: он отражает человека в различных аспектах его деятельности и в его отношении к окружающей действительности в процессе трудовой деятельности, а также весь познанный и практически освоенный им мир. Научные изыскания, связанные с феноменом человека в языке, проводятся сегодня в рамках одного из ведущих лингвистических направлений – антропоцентризма или антропоцентрической лингвистики. В кругу антропоцентрических приоритетов находится, таким образом, человек как языковая личность, а также имена деятеля (антрополексика). Лексика, имеющая отношение к обозначению человеческой деятельности и самого деятеля, является призмой видения человеком себя как активного преобразователя окружающей среды и своей роли в материальном или идеальном мире [Ахматьянова, 2014: 26]. Антрополексика изучалась в диахронии, синхронии, с точки зрения словообразовательного, структурно-семантического, экспрессивно-стилистического, гендерного и когнитивного аспектов.

Неотъемлемой частью антрополоксии являются НЧИ. Этот пласт неоднородной и многочисленной лексики подвержен постоянным изменениям, так как он находится в непосредственной взаимосвязи с уровнем культурного и научного развития общества. Следует отметить ассоциативно-образный и оценочный потенциал НЧИ, который проявляется в их аксиологической маркированности. «Каждый человек, вовлеченный в профессиональную область, включается в этот уникальный субкультурный контекст и в дальнейшем выстраивает собственную мыслительную деятельность и поведение в соответствии с ним. В рамках той или иной этнической культуры на этой основе формируются знания о типичных представителях профессий или, точнее, о типичных профессиональных личностях, воплощающих в себе наиболее характерные свойства профессиональной субкультуры» [Голованова, 2004: 255].

Итак, **актуальность** работы обусловлена ее антропоцентрической направленностью, недостаточной изученностью структурных особенностей НЧИ в английском и немецком языках как отдельно, так и в сопоставительном аспекте, а также новым корпусом языкового материала.

Объектом настоящего исследования являются НЧИ в английском и немецком языках, а **предметом** – структурные типы и способы образования НЧИ в указанных языках.

Материал для исследования (англ. – 698 ед., нем. – 889 ед.) был отобран путем сплошной выборки из толковых, разговорных и сленговых словарей, а также из классификаторов профессий.

Цель исследования заключается в проведении морфологического и словообразовательного анализа НЧИ и выявлении общих и дифференциальных черт в их словообразовательной структуре.

Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих **задач**:

- проанализировать морфологическую структуру НЧИ и выявить все возможные структурные типы;
- установить степень продуктивности структурных типов НЧИ;
- выявить общие и дифференциальные признаки сопоставляемых языков на уровне их структуры.

2. Структурные типы НЧИ в английском и немецком языках

НЧИ в английском и немецком языках образуются морфологическими и неморфологическими способами. В соответствии с этим, выделяются следующие структурные типы НЧИ: суффиксальные, префиксальные, полусуффиксальные, словосочетания, семантические дериваты, сращения, конверсивы, сокращения и симплексы.

2.1. Аффиксальные НЧИ

Аффиксальные НЧИ (англ. – 167 ед. или 23,9%, нем. – 227 ед. или 25,5%) образуются с помощью аффиксов. Аффиксы – это служебные морфемы языка, которые, отличаясь широкой сочетаемостью с определенным кругом корней или основ и вступая с ними в стереотипные семантические отношения, являются вместе с тем связанными с точки зрения включающих их регулярных конструкций [Кубрякова, 1974: 133]. В зависимости от типа деривационного аффикса выделяются суффиксальные и префиксальные НЧИ. В обоих языках суффиксальные НЧИ количественно преобладают над префиксальными (англ. – 164 ед., нем. – 218 ед.).

2.1.1. Производящие основы суффиксальных НЧИ чаще выражены именем существительным (англ. – 79 ед., нем. – 164 ед.): *bassoonist* ‘фаготист’ (← *bassoon* ‘фагот’); нем. *Schmalzette* разг. ‘актриса в мыльной опере’ (← *Schmalz* ‘сентиментальщина’).

Продуктивной производящей основой английских НЧИ выступает также глагол (51 ед.): *masher* разг. ‘металлист (участник панковского стиля танца, в котором танцоры пытаются толчками сбить друг друга с ног)’ (← *to mosh* ‘танцевать в мош-пите, т.е. прыгать и толкаться, собравшись толпой перед сценой (о зрителях на рок-концерте)’).

Наиболее продуктивным суффиксом НЧИ в английском языке является исконный агентивный *-er*, обозначающий лиц мужского пола по их роду деятельности (63 ед.): *bugler* ‘горнист; трубач; сигналист’ (← *bugle* ‘горн, сигнальная труба’). Высокую продуктивность обнаруживает также суффикс греческого происхождения *-ist* (60 ед.), с помощью которого образуются существительные, номинирующие лиц мужского рода, занятых в определенной сфере или приверженных какой-либо идее: *fugulist* ‘исполнитель фуг; сочинитель фуг’ (← *fugue* ‘фуга – одна из основных музыкальных форм многоголосного стиля, заключающаяся в последовательном вступлении нескольких голосов, исполняющих ту же тему; музыкальное произведение, основанное на таком распределении голосов’).

В немецком языке самым продуктивным суффиксом в сфере НЧИ является суффикс *-in* (92 ед.), обозначающий лиц женского пола по роду занятий и деятельности. Высокая степень продуктивности данного словообразовательного форманта обуславливается тем, что он присоединяется к исконным и заимствованным корневым и аффиксальным основам НЧИ мужского рода, ср.: *Akkompagnistin* (← *Akkompagnist* ‘аккомпаниатор’), *Ansagerin* (← *Ansager* ‘диктор; ведущий (программы новостей); ведущий (концерта), конференсье’), *Cutterin* (← *Cutter* ‘монтажер’).

2.1.2. Префиксальные НЧИ немецкого и английского языков заметно уступают суффиксальным дериватам (англ. – 3 ед., нем. – 9 ед.): англ. *antihero* ‘антигерой’ (← *hero* ‘герой’), *co-producer* ‘сопродюсер’ (← *producer* ‘продюсер’), *co-star* ‘известный актер (актриса), занятый в фильме или спектакле совместно с другим известным актером (актрисой)’ (← *star* ‘звезда’); нем. *Antisänger* разг. ‘музыкально неодаренный певец, крикун’ (← *Sänger* ‘певец’), *Mini-Sänger* разг. ‘молодой исполнитель, певец-подросток’ (← *Sänger* ‘певец’).

2.2. НЧИ-компози́ты

НЧИ-компози́ты (англ. – 143 ед. или 20,5%, нем. – 457 ед. или 51,4%) образуются посредством словосложения, т.е. объединения в одно целое нескольких основ или целых слов либо их сокращений (усечений). НЧИ-компози́ты рассматриваются здесь как бинарные образования, способные на каждом шагу сегментации делиться на две непосредственно составляющие независимо от их количества [Donalies, 2005: 52; Fleischer, Barz, 2012: 127; Plag, 2003: 134; Plag, Braun, Lappe, 2009: 96], ср.: англ. *band/leader* ‘лидер оркестра или группы музыкантов’; нем. *Schauspiel/direktor* ‘главный режиссер театра’.

С точки зрения орфографии для НЧИ-компози́тов в английском языке характерно слитное, дефисное и раздельное написание. НЧИ-компози́ты с раздельным написанием составляют самую многочисленную группу (95 ед. или 66,4%). В структурном отношении раздельнооформленные НЧИ уподобляются атрибутивным комплексам, состоящим из существительного в качестве определяемого и прилагательного или существительного в качестве определяющего компонента. Данные образования обладают обособленностью значения, а сумма значений их компонентов порождает новое понятие о предмете. Например: *glee club* (букв. ‘клуб веселья’) ‘клуб для хорового пения’, *big band* (букв. ‘большой оркестр’) ‘биг-бенд (большой джаз-оркестр)’.

В зависимости от семантико-синтаксической связи между структурными компонентами А (определяющий) и В (определяемый) выделяются эндоцентрические, экзоцентрические и копулятивные [Bloomfield, 1994: 235] НЧИ-компози́ты.

Самую многочисленную группу в обоих языках составляют эндоцентрические КНЧИ (англ. – 112 ед. или 78,3%, нем. – 353 ед. или 77,2%). Структурная и семантическая особенность данных КНЧИ заключается в том, что их базовый компонент (В) задает морфологическую и семантико-категориальную характеристику всего сложного образования, а сам композит является гипонимом (т.е. частным понятием по отношению к общему) базового компонента [Benczes, 2006: 2; Donalies, 2005: 52; Dressler, 2006: 31; Fleischer, 2007:

245; Plag, 2003: 186]. Так, английский НЧИ *playback singer* ‘исполнитель саундтреков для фильмов (особенно для фильмов Болливуда)’ является гипонимом к его базовому компоненту В *singer* ‘певец’; аналогично немецкий НЧИ *Opernkomponist* ‘оперный композитор’ – гипоним к его означаемому конституенту В *Komponist* ‘композитор’.

Эндоцентрические НЧИ-композиции являются в обоих языках преимущественно двухкомпонентными структурными образованиями и строятся по продуктивной модели N + N (англ. – 96 ед., нем. – 397 ед.), где N – существительное, ср.: англ. *floor manager* ‘помощник режиссера (в студии)’; нем. *Klamotten/komiker* разг. ‘актер, исполняющий роли с грубыми шутками’.

Отличительной особенностью немецких НЧИ-композиций является частое наличие в их составе заимствованного компонента, обычно первого (93 ед.): *Musetteorchester* ‘эстрадно-танцевальный ансамбль; маленький эстрадный оркестр’ (*Musette* ← фр. *musette* ‘мюзет, волынка; мюзет (танец XVII-XVIII вв)'), *Mainstream-Heulsuse* разг. ‘поп- или рок-исполнительница, которая длительное время удерживается в чартах’ (*Mainstream* ← англ. *mainstream* ‘мейнстрим – основное течение, господствующая тенденция, главное направление в искусстве’).

2.3. НЧИ-словосочетания в английском языке

НЧИ-словосочетания в английском языке (193 ед. или 27,7%) являются атрибутивными образованиями и обусловлены аналитическими процессами в языке. В лингвистической литературе они определяются как речевые композиты [Мешков, 1981: 16-19], потенциальные единицы языка [Смирницкий, 2009], синтаксически сложные слова [Lyons, 1977], многокомпонентные композиты, тяготеющие к словосочетаниям [Ефремова, 2013]. Несмотря на регулярную воспроизводимость в речи, данные единицы не регистрируются в словарях ввиду отставания лексикографической практики, а также в силу вариативности сочетания их компонентов.

В структурном плане эти образования представляют собой сочетания существительного и различных определений к нему, состоящих из одного слова – существительного, прилагательного, герундия и т.д. Наиболее продуктивной является двухкомпонентная модель N + N (96 ед.), где N – существительное, например: *dolly grip* ‘дольщик (человек, передвигающий операторскую тележку)’, *stage technician* ‘работник сцены’.

2.4. НЧИ-симплексы

Симплексы (англ. – 59 ед. или 8,5%, нем. – 76 ед. или 8,5%) представляют собой односложные или двусложные образования либо заимствования, в которых невозможно выделить словообразовательные форманты и/или мотивирующую основу. Большую часть

данных наименований составляют заимствования (англ. – 50 ед., нем. – 72 ед.), которые вошли в состав языка, сохранив нехарактерную для него орфографию.

Среди английских НЧИ-симплексов преобладают заимствования из французского и итальянского языков, которые относятся к сфере музыки и драматургии: англ. *ingénue* ‘инженю, т.е. актриса, исполнявшей роли наивных, простодушных девушек’ (← фр. *ingénue* ‘простачок; театр. инженерю’), *virtuoso* ‘виртуоз (исполнитель, обладающий необыкновенной техничностью в интерпретации музыкального произведения)’ (← ит. *virtuoso* ‘непревзойденный; виртуоз’).

Немецкие НЧИ-симплексы представлены преимущественно заимствованиями из итальянского и английского языков, ср.: *Ripieno* ‘большой оркестр’ (← ит. *ripieno* ‘переполненный’), *Shouter* ‘певец в стиле шаутинг’ (← англ. *shouter* с тем же значением).

Реже НЧИ-симплексы представляет собой исконные слова (англ. *bard* ист. ‘бард; поэт. поэт, певец’ ← через шотл. из др. кельт. *bardos* ‘поэт, певец’; нем. *Meister* ‘мастер’ ← свн. *meister*, двн. *meistar*), заимствования с адаптированной орфографией (англ. *omee / omie* разг. ‘бродячий актер’ ← итал. *uomo* ‘человек; мужчина’ с измененной орфографией) и образования с затемненной этимологией (англ. *icky / ikky* разг. ‘человек, не знающий толк в истинном джазе и предпочитающий излишне сентиментальную музыку’ ← возможно, из детской речи *icky-boo* ‘нездоровый, болезненный; тошнотворный’).

2.5. НЧИ-сращения

НЧИ-сращения образуются на базе свободного или устойчивого словосочетания (именного или глагольного) посредством добавления суффикса [Степанова, 1953: 192] (англ. – 34 ед. или 4,9%, нем. – 45 ед. или 5,1%). Такие образования интерпретируются также как «синтетические сложные слова» (*synthetic compounds*) [Marchand, 1960: 15-19], «субстантивированные словосочетания» (*nominalisations of verb phrases*) [Dressler, 2006: 35-36]. Первый компонент НЧИ-сращений выражен преимущественно существительным, а второй, не функционирующий в языке самостоятельно, существительным, образованным от переходных глаголов. НЧИ-сращения мотивируются глагольными словосочетаниями свободного или устойчивого характера: англ. *agony-piler* разг. ‘актер, исполняющий сентиментальные роли’ (← *to pile agony* ‘накапливать боль, мучения’); нем. *Jazz-Winsler* разг. ‘джазовый певец’ (← *Jazz winseln* ‘скулить джаз’).

2.6. НЧИ-сокращения

В английском языке выявлены НЧИ, образованные посредством различных видов сокращения производящей основы (10 ед. или 1,4%). При этом, усечению может подвергаться как простое, так и сложное слово, словосочетание или его любая часть

[Adams, 2016: 135-136; Plag, 2003: 154]. Важно отметить, что такие образования относятся к разговорной лексике и имеют фамильярный оттенок, ср.: *legit* (← *legit[imate actor]*) ‘драматический актер’, *anchor* (← *anchor[man]*) ‘ведущий/ведущая программы’, *AMW* (← ‘*actress, model, whatever*’) ‘невыразительная знаменитость (актриса, модель и т.д.)’.

Разновидностью рассматриваемых сокращений являются контаминации (англ. 2 ед., нем. – 7 ед.), состоящие из нескольких (чаще двух) усеченных слов [Plag, 2003: 155-156]. Они выражают новое понятие, которое складывается из значений входящих в него компонентов, ср.: англ. *synthespian* разг. ‘искусственный актер (персонаж игры или анимационного фильма)’ (← *synthe[ctic] [the]spian*); нем. *Klaviertuose* разг. ‘пианист-виртуоз’ (← *Klavier* + [*Vir*]tuose).

2.7. Полуаффиксальные НЧИ

Данные НЧИ образуются с помощью полуаффиксов, т.е. таких формантов «в составе некорневых слов, которые соответствуют формально и в большей или меньшей степени семантически основам самостоятельно функционирующих лексем, и в то же время выполняют функции словообразовательных средств» [Степанова, 1966: 124].

Полуаффиксация в сфере образования НЧИ английского языка менее продуктивна и представлена полуаффиксами *-man*, *-woman*, *-person* (16 ед. или 2,3%): *anchorman* ‘ведущий программы’, *anchorwoman* ‘ведущая программы’, *anchorperson* ‘ведущий или ведущая программы’.

Более продуктивна полуаффиксация (полусуффиксация) в немецком языке (46 ед. или 5,2%). Основой для полусуффиксов становятся наименования лиц различного характера, например, человек как денотат: *Kameramann* ‘оператор’ (*Mann* ‘мужчина’), *Kamerafrau* жен. к оператор (*Frau* ‘женщина’), *Opernfreund* ‘любитель оперы’ (*Freund* ‘друг, приятель, товарищ; поклонник, любитель’), *Theaterfex* ‘страстный поклонник театра’ (*Fex* ‘дурак, шут’).

Образование полусуффиксальных НЧИ в разговорной сфере происходит в большинстве случаев при помощи полусуффиксов метафорического характера, основой для которых становятся: имена собственные обычно в уменьшительной форме (*Schminkmaxe* разг. ‘постижер; гример’ ← *Maxe* ← *Max* ‘Макс’), зоонимы (*Leinwandlöwe* букв. ‘экранный лев’; разг. ‘успешный киноактер’ ← *Löwe* ‘лев’; *Reklamegaul* букв. ‘рекламная кляча’; разг. ‘популярный актер, который за вознаграждение снимается в рекламе’ ← *Gaul* ‘кляча’). Метафорическое значение присутствует в семантической структуре второго компонента полусуффиксального НЧИ частично ввиду демегафоризации.

2.8. НЧИ-конверсивы

В английском языке отмечены НЧИ, образованные посредством конверсии, т.е. перехода одной части речи в другую. Структурный тип НЧИ-конверсивов является малопродуктивным (5 ед. или 0,7%). Конверсивные НЧИ образуются от прилагательных и глаголов: *principal* ‘ведущий актер; ведущая актриса; муз. ведущий исполнитель, солист’ ← *principal* ‘главный, основной, ведущий’, *understudy* ‘дублер’ ← *to understudy* ‘дублировать, заменять, замещать’.

2.9. НЧИ-семантические дериваты

В рассматриваемую группу входят образования, которые являются результатом вторичной номинации (метафоризации или метонимизации), т.е. переосмысления предшествующего (прямого и/или буквального) значения слова.

В образной номинации, базирующейся на принципе аналогии, ярко проявляются национально-культурные особенности языкового воплощения знаний человека о мире. Образное восприятие окружающей действительности основывается на образах-эталонах, выводимых из социально-исторического, практического, бытового, духовно-нравственного опыта народа.

Семантические дериваты в сфере НЧИ составляют в английском языке 102 единицы или 14,6% (42 НЧИ-метафор и 60 НЧИ-метонимов) и в немецком 135 единиц или 15,2% (92 НЧИ-метафор и 43 НЧИ-метонимов). Образной основой для метафоризированных наименований чаще выступают:

1) зоонимы, ср.: англ. *canary* букв. ‘канарейка (певчая птица)’; разг. ‘певец (хорист), выступающий на балконе среди публики; певица, выступающая с оркестром’; нем. *Tigerin* букв. ‘тигрица’; разг. ‘актриса, которая одержима своей работой’;

2) человек, ср.: англ. *professor* букв. ‘профессор, преподаватель’; разг. ‘пианист (в баре)’ (возможно, в виду того, что пианисты давали уроки игры на пианино); нем. *Beamter* букв. ‘служащий’; разг. ‘актер, играющий без воодушевления’ (этот актер похож на бездушного чиновника, выполняющего безучастно и равнодушно рутинную работу);

3) механизмы, приборы, приспособления и их детали, ср.: англ. *dummy* букв. ‘манекен’; разг. ‘статист / статистка (актер / актриса, исполняющие роль без слов)’ (они молчаливы, как манекены); нем. *Granate* букв. ‘граната, снаряд’; разг. ‘популярный актер’.

В английском и немецком языках отмечены НЧИ-метонимы, которые строятся на следующих продуктивных моделях:

1) объект (обычно инструмент), который используется → субъект действия со следующими подвидами: а) музыкально-драматическое произведение или его часть → исполнитель данного произведения: англ. *coloratura/colorature* ‘колоратура (технически

трудные пассажи в пении, а также способность их исполнять); сопрано (певица), которая специализируется в исполнении таких пассажей'; нем. *Duett / Duo* 'дуэт (музыкальное произведение для двух исполнителей); дуэт (группа из двух исполнителей)'; б) объект, который поддается воздействию → субъект действия: англ. *sticks* букв. 'барабанные палочки'; разг. 'барабанщик; ударник'; нем. *Retorte* букв. 'реторта (сосуд, применяемый в лабораториях для нагревания и перегонки веществ)'; разг. 'типичный актер с неестественными манерами' (от *aus der Retorte* 'синтетический, полученный химическим путем, искусственный');

2) часть → целое со следующими подвидами: а) голос → певец с таким голосом: англ. *soprano* 'сопрано дискант (голос); сопрано (певица)'; нем. *Koloratursopran* 'колоратурное сопрано; певица с таким голосом'; б) часть тела, орган → человек: англ. *flesh* букв. 'плоть'; разг. 'актер, выступающий на сцене'; нем. *Klimperfinger* букв. 'тренькающий на пианино палец'; разг. 'пианист'.

Лексико-семантическая деривация часто затрагивает композитные НЧИ в немецком (104 ед.) и английском (31 ед.) разговорных языках [Антропова, 2005: 292; Benczes, 2006: 96]. При этом встречаются НЧИ-компози́ты как с полным, так и с частичным переосмыслением [Басиров, 2014: 3-13]. Такие композиты относят к разряду экзоцентрических ввиду того, что их значения не выводятся из значений составляющих компонентов, а обозначаемые ими денотаты выражены имплицитно [Нагамова, Чепурина, 2014: 457].

Наиболее продуктивной сферой для метафоризации композитных НЧИ выступают преимущественно зоонимы, человек, а также механизмы, приборы, приспособления и их детали: англ. *hip-cat / hip-cat* букв. 'знающий кот'; разг. 'знаток джаза' (ассоциативная связь с *cat* 'кот' возникла, очевидно, из-за странствующего образа жизни, который вели первые джазисты), *boot-jack* букв. 'холуй (приспособление для снятия сапог)'; разг. 'универсальный актер' (универсальность актера ассоциируется с универсальностью самого приспособления, пригодного для снятия любой обуви); нем. *Filmhäuschen* букв. 'кинозайчик'; разг. 'молодая киноактриса', *Singfunzel* букв. 'певчая коптилка'; разг. 'певичка'.

Образность и экспрессивность экзоцентрических композитов обуславливается необычной сочетаемостью их компонентов. Следует также отметить способность данных образований в рамках сжатой лексической и морфологической структуры передать развернутое понятие о предмете.

3. Выводы

НЧИ в английском и немецком языках присуща неоднородная структура: суффиксальные, префиксальные, полусуффиксальные образования, словосочетания, семантические дериваты, сращения, конверсивы, сокращения и симплексы.

Наиболее продуктивными структурными типами НЧИ являются композиты, суффиксальные НЧИ и семантические дериваты.

Композитные НЧИ являются в обоих языках преимущественно двухкомпонентными эндоцентрическими образованиями и строятся чаще по модели N + N. Разговорным НЧИ-композитам присуща образность и экспрессивность, которая проявляется в метафоризации их компонентов.

Суффиксальные НЧИ в исследуемых языках образуются преимущественно от именных основ, которые в английском языке продуктивно сочетаются с агентивными суффиксами *-er* и *-ist*, а в немецком – с формантом *-in*.

В английском языке высокой продуктивностью обладают НЧИ-словосочетания, характеризующиеся вариативностью сочетания своих компонентов.

Значительное количество НЧИ в английском и немецком языках образуется посредством семантического переосмысления (метафоризации или метонимизации). Метафоры и метонимии отражают национальную самобытность языка и его носителей. В английском и немецком языках действуют универсальные семантические модели метафорического переосмысления, охватывающие мир животных, артефактов, людей. В сфере метонимизации НЧИ английского и немецкого языков преобладает каузальный ('объект (обычно инструмент), который используется → субъект действия') и синекдохический ('часть → целое') типы метонимических переносов.

В дальнейших перспективах – попытка проанализировать НЧИ в диахронии, а также по территориальному признаку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропова Н. А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного). М.: Прометей, 2005. 350 с.
2. Ахматьянова З. С. Имя деятеля как компонент семантического поля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7-2 (37). С. 26-28.
3. Басиров Ш. Р. Метафоричні моделі орнітонімів у різноструктурних мовах // Науковий вісник Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія: Філологічні науки (мовознавство). 2014. № 1. С. 3-13.
4. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. 330 с.
5. Ефремова Е. М. К вопросу об идиоматичности многокомпонентных композитов в современном английском языке // Наука и школа. М.: Прометей, 2013. № 5. С. 81-83.
6. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). М.: Издательство «Наука». 1974. 324 с.
7. Мешков О. Д. О речевых композитах в современном английском языке // Иностранные языки в школе. 1981. № 2. С. 16-19.

8. Нагамова Н. В., Чепурина И. В. Структурные и фонетические изменения исходных композитов как причина появления экзоцентрических единиц в немецкой обиходно-разговорной речи // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11-2. С. 456-459.
9. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2009. 296 с.
10. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 376 с.
11. Степанова М. Д. Словообразование и семантические системы // Структурно-типологические описания современных германских языков. М., 1966. С. 114-145.
12. Adams V. *An Introduction to Modern English Word-formation*. Routledge, 2016. 240 p.
13. Benczes R. *Creative Compounding in English: The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-Noun Combinations*. John Benjamins Publishing, 2006. 205 p.
14. Bloomfield L. *Language*. Motilal Banarsidass Publishe, 1994. 576 p.
15. Donalies E. *Die Wortbildung des Deutschen. Ein Überblick*. 2. Aufl. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. 192 S.
16. Dressler W. U. *Compound Types // The Representation and Processing of Compound Words*. Oxford University Press, UK, 2006. P. 35-36.
17. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 3. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. 382 S.
18. Fleischer W., Barz I. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 4. Aufl. Tübingen: Walter de Gruyter, 2012. 484 S.
19. Lyons J. *Semantics*. Cambridge University Press, 1977. 897 p.
20. Marchand H. *The Categories and Types of Present-day English Word-formation: A Synchronic-diachronic Approach*. O. Harrassowitz, 1960. 379 p.
21. Plag I. *Word-Formation in English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 240 p.
22. Plag I., Braun M., Lappe S. *Introduction to English Linguistics*. Walter de Gruyter, 2009. 258 p.

REFERENCES

1. Antropova, N. A. (2005). *Slovoobrazovanie v sfere nemetskoj razgovornoj leksiki (na materiale imeni sushchestvitelnogo)* [The formation of the German colloquial word stock as exemplified by the noun]. M.: Prometei. (In Russ.).
2. Akhmatyanova, Z. S. (2014). *Imya deyatelya kak komponent semanticheskogo polya* [Agent name as a component of semantic field]. In D. N. Ryabtsev (ed.) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. No 7-2 (37). Pp. 26-28. (In Russ.).
3. Basyrov, Sh. R. (2014). *Metaforychni modeli ornitonimiv u rizinstrukturnykh movakh* [Metaphorical models of ornithonyms in differently structured languages]. In O. A. Babeluk (ed.) *Research Journal of Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University. Series «Philology» (Linguistics)*. No 1. Pp. 3-13. (In Ukr.).
4. Golovanova, E. I. (2004). *Kategoriya professionalnogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* [Category of professional agent: Formation. Development. Language status]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russ.).
5. Efremova, E. M. (2013). *K voprosu ob idiomatichnosti mnogokomponentnykh kompozitov v sovremennom angliyskom yazyke* [The Problem of Idiomatic Multi-Word Compounds in Modern English]. In A. L. Semenov (ed.) *Nauka i shkola*. M.: Prometei. No 5. Pp. 81-83. (In Russ.).

6. Kubryakova, E. S. (1974). *Osnovy morfologicheskogo analiza (na materiale germanskikh yazykov)* [Fundamentals of morphological analysis (a case study of Germanic languages)]. M.: Izdatelstvo «Nauka». (In Russ.).

7. Meshkov, O. D. (1981). O rechevykh kompozitakh v sovremennom angliyskom yazyke [Speech compounds in Modern English]. In *Inostrannye yazyki v shkole*. No 2. Pp. 16-19. (In Russ.).

8. Nagamova, N. V., Chepurina, I. V. (2014). Strukturnye i foneticheskie izmeneniya iskhodnykh kompozitov kak prichina poyavleniya ekzotsentricheskikh edinit v nemetskoj obikhodno-razgovornoy rechi [Structural and phonetic changes of initial composites as a key factor of exocentric units derivation in German everyday colloquial speech] In M. Yu. Ledvanov (ed.) *The fundamental researches*. No 11-2. Pp. 456-459. (In Russ.).

9. Smirnitckiy, A. I. (2009). *Sintaksis angliiskogo yazyka* [The English syntax]. M.: Editorial URSS. (In Russ.).

10. Stepanova, M. D. (1953). *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* [Word formation in Modern German]. M.: Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russ.).

11. Stepanova, M. D. (1966). Slovoobrazovanie i semanticheskie sistemy [Word formation and semantic systems]. In V. N. Yartseva (ed.) *Strukturno-tipologicheskie opisaniya sovremennykh germanskikh yazykov*. Moskva. Pp. 114-145. (In Russ.).

12. Adams, V. (2016). *An Introduction to Modern English Word-formation*. Routledge.

13. Benczes, R. (2006). *Creative Compounding in English: The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-Noun Combinations*. John Benjamins Publishing.

14. Bloomfield, L. (1994). *Language*. Motilal Banarsidass Publishe.

15. Donalies, E. (2005). *Die Wortbildung des Deutschen. Ein Überblick*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.

16. Dressler, W. U. (2006). Compound Types. In *The Representation and Processing of Compound Words*. Oxford University Press, UK. Pp. 35-36.

17. Fleischer, W. (2007). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

18. Fleischer, W., Barz, I. (2012). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Walter de Gruyter.

19. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge University Press.

20. Marchand, H. (1960). *The Categories and Types of Present-day English Word-formation: A Synchronic-diachronic Approach*. O. Harrassowitz.

21. Plag, I. (2003). *Word-Formation in English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

22. Plag, I., Braun, M., Lappe, S. (2009). *Introduction to English Linguistics*. Walter de Gruyter.

Косицкая Алина Геннадьевна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: alinakositskaya@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Kositskaya Alina G. – Postgraduate Student at the Department of the Germanic Philology (e-mail: alinakositskaya@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 24 октября 2016 г.

УДК 811.112.2'276

© 2016 Е. И. Петрищева

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ «МАТЬ» И «ОТЕЦ» В АНГЛИЙСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ

В статье исследуется структура и семантика имен существительных, номинирующих понятия «МАТЬ» и «ОТЕЦ» в английском, немецком и русском разговорных языках. Устанавливаются способы образования данных лексических единиц, набор аффиксов, участвующих в их деривации, определяются метафорические и метонимические модели.

Ключевые слова: термины родства, лексико-семантическая группа, семантика, структура, разговорный язык.

© 2016 E. I. Petrishcheva

THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF LEXICAL ELEMENTS WITH MEANING «MOTHER» AND «FATHER» IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN SPOKEN LANGUAGE

The article deals with the structural and semantic characteristics of nouns denoting «MOTHER» and «FATHER» in spoken English, German and Russian. The word formation methods of the lexical units under study and the set of derivational affixes have been identified. The features of metaphoric and metonymic models of the semantic transpositions have been defined.

Key words: kinship terms, a lexico-semantic group, semantics, structure, a spoken language.

1. Введение

Для современной науки характерна антропологическая направленность, что обуславливает интерес лингвистов к различным сторонам функционирования номинаций лиц. Этой проблеме посвящено большое количество специальных работ, в которых подробно анализируются различные аспекты данного процесса, а также рассматривается специфика акта наименования отдельных групп языковых единиц [Басыров, Косицкая, 2014; Васильева, 2015].

Настоящая статья посвящена изучению проблем номинации в сфере терминов родства в английской, немецкой и русской разговорной лексике. Термины родства (ТР) являются важным историко-этнографическим источником и представляют большой интерес как для сравнительно-исторического языкознания, так и для современной лексикологии. Важность изучения ТР и родственных отношений определяется также тем, что они обозначают жизненно важные понятия, характеризуются большой устойчивостью и частым употреблением в разговорной речи, служат ценным материалом как для

синхронного и диахронического изучения языка, так и для изучения истории и этнографии его носителей. Вместе с тем следует отметить, что ТР изучались в основном на материале литературного языка единиц [Nikolayeva, 2014], а вне поля зрения лингвистов оставалась номинация ТР в разговорной речи. Данные факты обуславливают **актуальность** предлагаемой работы.

В настоящем исследовании делается попытка рассмотреть структурные и семантические особенности ТР на примере лексико-семантических групп (далее ЛСГ) «МАТЬ» и «ОТЕЦ», провести сопоставительный анализ структуры и семантики данных лексических единиц (ЛЕ) в разговорном аспекте трех языков.

Объектом исследования служат ЛЕ, обозначающие понятия «МАТЬ», «ОТЕЦ» в английском, немецком и русском разговорном языках, а **предметом** – их формальная и семантическая структуры.

Материалом для настоящего исследования послужила сплошная выборка наименований матери и отца, выполненная на базе толковых и переводных словарей разговорной и сленговой лексики английского, немецкого и русского языков (англ. – 54 ЛЕ; нем. – 88 ЛЕ; русск. – 50 ЛЕ).

2. Структурные особенности ТР со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ»

В *структурном* отношении анализируемые ТР в английском, немецком и русском разговорных языках образуются разными способами.

2.1. Посредством *словосложения* в английском и немецком языках образуются, преимущественно двухкомпонентные композиты (англ. – 9 ЛЕ, нем. – 23 ЛЕ), ср.: англ. *baby mother* разг. ‘незамужняя мать’, нем. *Besserwisser* разг. ‘мать’. При этом у двухсловных композитов в немецком языке наблюдается переосмысление как основного (базового) компонента (*Gebärmachine* букв. ‘машина-производитель’ разг. ‘многодетная мать’) (12 ЛЕ), так и детерминативного компонента (*Balkonbauer* разг. ‘многодетный отец’) (9 ЛЕ). В английском языке у сложных слов встречается не только слитное, дефисное, но и раздельное написание [Мешков, 1986]. У английских композитов переосмысливается детерминативный компонент (*zoo daddy* (букв. ‘зоопарковый папа’) разг. ‘разведенный отец, который редко видит своих детей, проводит с ними время в зоопарке во время дней посещения’) (4 ЛЕ).

Путем словосложения и усечения в английском разговорном языке образуется ТР *madukes* ‘мать’ (← *ma(ma)* + *duke(s)* букв. ‘герцог(и)’).

2.2. Путем *суффиксации* образуются в английском языке 6 ЛЕ, в немецком – 13 ЛЕ, в русском – 22 ЛЕ, ср: англ. *pappy* разг. ‘папочка’ (← *papa* разг. ‘отец’), нем. *Muttel* разг. ‘мамочка’ (← *Mutter* ‘мать’), русск. *мамашка* (фам.) (← *мама* ‘мать’).

В английском разговорном языке отмечены дериваты с диминутивными суффиксами **-y-**, **-sie-** (**-sy-**): *mammy / mumsie / mumsy* разг. 'мамочка' (← *tama* 'мать'), *pappy / daddy* разг. 'папочка' (← *papa / dad* разг. 'отец'). Добавим, что в английском разговорном языке при образовании ТР с суффиксом **-y-** происходит удвоение корневой согласной.

Эмоции, чувства ребенка всегда серьезны. Его любовь, радость, смех и слезы не проходят бесследно и, как правило, находят свое отражение в детской речи, которая характеризуется высокой продуктивностью ТР со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ», образованных при помощи уменьшительно-ласкательных и эмоционально-окрашенных суффиксов. Данные лексемы используют, прежде всего, дети в обращении к своим родителям, либо же в общении со своими сверстниками [Резниченко, 2010].

В немецком разговорном языке выявлены лексемы, образованные при участии диминутивных суффиксов **-chen-**, **-lein-**, **-i-**. Эти суффиксы создают у производных слов не только уменьшительный характер, но и эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого денотата. Немецкие отсубстантивные производные чаще служат для обозначения лица с ярко выраженным оттенком ласкательности и, подобно английским ТР, употребляются обычно в детской речи, например: *Muttchen / Mütterlein / Mutti* разг. 'мамочка' (← *Mutter* 'мать'), *Papi / Pappi / Vati* разг. 'папочка' (← *Papa* разг. 'отец'), *Mutti, warum ist Vati denn so blaß? Frag' nicht so dumm, hilf mir lieber graben.* 'Мамочка, почему папочка такой бледный? Не задавай глупых вопросов, помоги мне лучше копать' [Golluch, 2016: 27].

В русском языке диминутивные суффиксы представлены большим набором аффиксов: **-ек-**, **-ик-**, **-еш-**, **-ен-**, **-уля-**, например: *батек* разг. 'папочка' (← *бадя* разг. 'отец'), *папик / папуля* разг. 'папочка' (← *papa* разг. 'отец'); *матреша / матрена / мамуля* разг. 'мамочка' (← *мама* 'мать').

Приведённые диминутивы обладают обычно семей уменьшительности (ласкательности или уничижительности) и выполняют в предложениях определенную коммуникативно-прагматическую функцию (смягчения, сочувствия, критики, унижения и др.). Так, в русском языке *матреша / матрена*, в зависимости от коммуникативной ситуации и от того, кто использует данную ЛЕ, может иметь как положительную, так и негативную коннотацию [Лескина, Слабко, 2015].

В образовании русских ТР со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ» участвует также суффикс **-ан-** для фамильярного наименования лиц, например: *папан* (фам.) (← *papa*), *маман* (фам.) (← *мама*).

Сопоставительный анализ ЛЕ со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ» свидетельствует о том, что в исследуемых языках часто встречаются парные производные ТР с одним и тем же суффиксом, ср.: русск.: *папан* (разг.) – *маман* (разг.); *папик* (разг.) – *мамик* (разг.); *папахен* (разг.) – *мамахен* (разг.); *пахан* (разг.) – *махан* (разг.); *папуличка* (разг.) – *мамуличка* (разг.); нем.: *Vatti* (разг.) – *Mutti* (разг.); англ. *tammy* (разг.) – *pappy* (разг.).

Добавим, что ряд существительных со значением «МАТЬ» в немецком и русском языках мотивируются однокоренными словами мужского рода, ср.: русск. *пахан* → *паханка*, *хан* → *ханочка*, *череп* → *череповка*; нем.: *Chef* → *Chefin*.

2.3. Сокращения в разговорном языке является характерной моделью словообразования; они отражают общезыковую тенденцию к компрессии с целью экономии время и усилий при общении [Мартине, 1960]. Сокращения гораздо проще употреблять в речи, нежели их полноразмерные аналоги, сравним в английском “*da*” вместо “*daddy*”. В исследованном материале ЛЕ, образованные путем сокращения являются малопродуктивными (англ. – 7 ЛЕ, нем. – 7 ЛЕ; русск. – 3 ЛЕ). Следует отметить, что в английском, немецком и русском разговорных языках наблюдается сходное сокращение финальной части производящего слова, ср.: англ. *ma* ‘мать’ (← *tama* ‘мать’), *pa* ‘отец’ (← *papa* разг. ‘отец’); нем. *Ma* ‘мать’ (← *Mama* разг. ‘мать’), *Pa* ‘отец’ (← *Papa* разг. ‘отец’); русск. *ма* ‘мать’ (← *мама* ‘мать’), *па* ‘отец’ (← *папа* разг. ‘отец’).

2.4. Лишь в английском разговорном языке в сфере ТР было зафиксированы рифмованные производные, в том числе и рифмованный сленг (8 ЛЕ). Феномен данных ТР заключается в том, что для общения используется код, заменяющий обычное слово целой или сокращенной формой хорошо известной фразы, выражения или имени известной личности, которая рифмуется с этим словом, например. англ. *one and t’other* рифмуется с англ. *mother*, и в разговорном английском действительно используется в качестве наименования матери [Игнатов, Митчелл, 2013]. Сравним другой английский ТР, построенный путем редупликации (повтора): *yummy tummy* (букв. вкусная мамочка) ‘сексуальная мамочка’.

2.5. В английском разговорном языке отмечены ТР, построенные по модели атрибутивных словосочетаний. По своему составу эти ТР представляют собой преимущественно двухкомпонентные образования, которые строятся по модели “прилагательное + существительное” (9 ЛЕ). Данные ЛЕ хранятся в языковом сознании разных носителей определенного языка в виде целостной когнитивной структуры, имеющей имплицитный «надсмысл», в большинстве своем не выводимый из семантики составляющих компонентов, а основанный на фоновых знаниях индивида. Значения таких образований часто не характеризуются композициональностью: значение целого в

большинстве своем не выводится из значений его частей, но мотивируется ими, например: англ. *old lady / old woman* ‘мать’; *old boy / old man* ‘отец’ [Dressler, 2006].

3. Семантические особенности ТР со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ»

Семейное общение – это общение совместно проживающих людей [Байкулова, 2008]. Главная цель семейного общения – ведение совместного хозяйства, психологическая взаимоподдержка супругов. Естественно, что наименования лиц по родству встречаются преимущественно в бытовой обстановке: *Классный вызывает папика в школу, а он не хочет идти, говорит, чтобы матуха шла* [Грачев, 2006: 380], в ситуациях общения родных: *Du bist hier dank Aftermutter* ‘Ты здесь благодаря своей мамаше’ [Немецкий сленг, 2008: 14], знакомых, близких: *Oh, my wallet won't send me another penny this semester. Why don't you tell your wallet you are starving?* ‘Ох, мой папаша не пришлет мне ни копейки в этом семестре. Почему ты не скажешь своему отцу, что ты голодаешь?’ [Англо-русский словарь американского сленга, 1993: 442]. Их цель – пробудить у собеседника интерес, привлечь его внимание (*Ma! Can you lend me your car? Ma!* ‘Ты можешь одолжить мне свою машину?’) [Англо-русский словарь американского сленга, 1993: 249], а также для выражения эмоционального состояния (*Предки ей запретили со мной встречаться. Папик даже обещал при встрече ноги выдернуть*) [Грачев, 2006: 380].

Семейное общение не лишено индивидуальности, эмоционально-экспрессивных оценок и ярких образных номинаций, в нем используются различные образные средства, в частности, метафора и метонимия. Образные средства характеризуют семейные отношения, отражают отношения членов семьи друг к другу и выполняют функцию эмоциональной оценки. Так, в семейном общении используются различные образные номинации, основной целью которых является характеристика человека либо с положительной (англ. *уитту титту* разг. ‘сексуально привлекательная мать’) оценкой, либо с отрицательной (нем. *Dreschmaschine* разг. ‘отец, который бьет своих детей’; англ. *zoo daddy* разг. ‘разведенный отец, который редко видит своих детей, проводит с ними время в зоопарке во время дней посещения’). Часто такие ТР связаны с привычками, интересами, поведением, особенностями характера и пристрастиями членов семьи (англ. *stage mother* разг. ‘мамаша, уверенная в гениальности собственного ребёнка и всеми силами заставляющая его делать карьеру’, нем. *Keiler* разг. ‘отец, который бьет своих детей’).

Во всех трех исследуемых языках обнаружены ТР со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ», построенные по следующим метафорическим моделям (англ. – 11 ЛЕ, нем. – 21 ЛЕ, русск. – 10 ЛЕ):

3.1. Наименование должности / чина / звания / социального статуса человека или название государственного учреждения / документа → ТР со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ». Родители – это «верховная власть», директивная инстанция, распорядители жизненных благ, наказаний и поощрений. Этим обуславливается высокая продуктивность в обоих языках метафор, возникших на основе приписывания матери или отцу высокого социального статуса, должности, звания, (англ. – 5 ЛЕ, нем. – 17 ЛЕ, русск. – 4 ЛЕ). Так, в английском и немецком языках мать сравнивают с дамой знатного происхождения, ср.: англ. *queen* (букв. ‘королева’); нем. *Dame* (букв. ‘дама, госпожа’). Отец как глава семьи в трех сопоставляемых языках ассоциируется с руководителем, начальником, ср.: нем. *Chef* (букв. ‘начальник’) разг. ‘отец’; англ. *governor* (букв. ‘правитель, начальник’) разг. ‘отец’; русск. *бос* разг. ‘отец’.

3.2. В английском и русском языках отмечена метафорическая модель **наименование артефактов** → **наименования матери / отца** (англ. – 5 ЛЕ, нем. – 1 ЛЕ, русск. – 2 ЛЕ). Так, в английском разговорном языке отец, как кормилец семьи, ассоциируется с бумажником (*wallet* досл. ‘бумажник’; разг. ‘отец’), в немецком языке отца сравнивают с молотильной машиной (*Dreschmaschine* досл. ‘молотилка’; разг. ‘отец, который бьет своих детей’), в русском же языке отец ассоциируется с обувью (*ботинок* разг. ‘отец’).

3.3. Модель метафорических переноса **наименование животных** → **наименования отца** отмечена лишь в английском и немецком языках (нем. – 2 ЛЕ, русск. – 2 ЛЕ). Данная модель строится на зоонимных образах (птицы, животные, рыбы, грызуны), например: нем. *Keiler* (букв. ‘дикий кабан’) ‘отец’; русск. *конь* ‘отец’. В обоих языках встречается схожий зоонимический образ, ср.: русск. *наседка* ‘мать, которая сильно печется о своих детях’, аналогично: нем. *Glucke* (букв. *наседка*).

3.4. Только в русском языке отмечена модель **наименование мифологических существ** → **наименование матери** (русс. – 1 ЛЕ): *яга* ‘букв. персонаж славянской мифологии и фольклора, уродливая старуха, владеющая волшебными предметами и наделённая магической силой’, груб. ‘мать’.

3.5. Единственным примером отмечена метафорическая модель **наименование растений** → **наименование отца**: русск. *папоротник* разг. ‘отец’.

4. В сопоставляемых языках у ТР со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ» отмечены следующие модели метонимических переносов:

4.1. **Качество / свойство человека** → **наименование матери / отца по этому качеству / свойству** (англ. – 9 ЛЕ, нем. – 8 ЛЕ, русск. – 1 ЛЕ): нем. *Antiker* (букв. ‘античный, древний’) разг. ‘отец’, англ. *old woman* (букв. ‘старая женщина’) разг. ‘мать’, русск. *старый* разг. ‘отец’.

4.2. **Часть тела человека** → **наименование матери / отца по данной части тела** (нем. – 2 ЛЕ, русск. – 1 ЛЕ, англ. – 2 ЛЕ): нем. *die Mama* (букв. ‘молочная железа, грудь’) разг. ‘мать’, англ. *finger* (букв. ‘палец’) разг. ‘отец’, русск. *черепа* разг. ‘отец’.

4.3. **Действие человека** → **наименование матери / отца по совершаемому действию** (нем. – 11 ЛЕ, англ. – 2 ЛЕ): нем. *Erzeuger* (досл. производитель) разг. ‘отец’, англ. *buttonhole maker* (букв. ‘тот, кто производит петли’) разг. ‘отец, у которого рождаются одни лишь дочери’.

4.4. **Наименование места** → **наименование отца по его действиям относительно детей** (англ. – 1 ЛЕ): *zoo daddy* (букв. ‘зоопарковый папа’) разг. ‘разведенный отец, который редко видит своих детей, проводит с ними время в зоопарке во время дней посещения’.

5. Выводы

Сопоставительный анализ формальной и семантической организации лексических единиц со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ» в английском, немецком и русском разговорном языках позволяет сделать следующие выводы:

5.1. Самым продуктивным способом образования наименований отца и матери в английском и немецком языках является словосложение, а в русском – аффиксация.

5.2. Малопродуктивным способом образования ЛЕ со значениями «МАТЬ», «ОТЕЦ» являются сокращения, среди них отмечены модели слоговых сокращений, обнаруженные во всех исследуемых языках.

5.3. Лишь в английском разговорном языке выявлены рифмованные ТР.

5.4. В сопоставляемых языках выявлены разнообразные модели метафорических и метонимических переносов. Общими для английской, немецкой и русской разговорной лексики являются две модели метафорических переносов: артефакты → наименования матери / отца, наименование должности, чина, социального статуса человека → наименования матери / отца. Только в русском языке отмечены модели наименования мифологических существ → наименование матери, наименование растений → наименование отца.

Общей в сопоставляемых языках является метонимическая модель перенос типа качество / свойство человека → наименование матери / отца по этому качеству / свойству.

5.5. Во всех трех исследуемых языках большей образностью обладают наименования отца (нем. – 24 ЛЕ, англ. – 12 ЛЕ, русск. – 10 ЛЕ) по сравнению с наименованиями матери (нем. – 11 ЛЕ, англ. – 10 ЛЕ, русск. – 6 ЛЕ) [Kaliuščenko, 2013]. Для этого имеется ряд причин: с одной стороны, этот факт объясняется доминантной ролью мужчины в семье, который обеспечивает ее материальное благосостояние, принимает очень важные

решения относительно вложения денег, перемены места работы или переезда в другое место и т.д., с другой – тем, что у матери ребенок всегда ищет поддержку и защиту, обращается за советом, к матери в семье у детей всегда более трепетное отношение, а все свои негативные эмоции, недовольства или протест дети чаще всего направляют на отца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: роль в нём животных, растений и предметов вещного мира // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Саратов, 2008. Т. 8. Вып. 2. С. 15-20.
2. Басыров Ш. Р., Косицкая А. Г. Структурно-семантическая характеристика наименований человека в сфере искусства (на материале современного немецкого разговорного языка) // Нова філологія. 2014. № 67. С. 14-20.
3. Васильева А. С. Новые наименования лиц женского пола в молодежном сленге // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 17-22.
4. Игнатов А. А., Митчелл П. Кокни уходящий: положение рифмованного сленга кокни в современном английском обществе // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 68-70.
5. Лескина С. В., Слабко Ю. В. Представленность разноуровневых диминутивов в русском и английском языке // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12. № 1. С. 15-21.
6. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях: (Проблемы диахронической фонологии). М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 261 с.
7. Мешков О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка. М., 1986. 208 с.
8. Резниченко Л. Ю. Специфика диминутивных номинаций лица (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 2. С. 30-42.
9. Dressler W. U. Compound Types // *The Representation and Processing of Compound Words*. Oxford University Press, UK, 2006. P. 35-36.
10. Golluch N. Was ist grün und steht vor der Tür? Ein Klopfsalat!: Miese Witze. Eichborn Verlag in der Bastei Lübbe GmbH & Co. KG, 2013. 112 S.
11. Kaliuščenko V. D. Die Nominationstypologie eines Begriffs // *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 13-18 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
12. Nikolayeva L. Typology of Kinship Terms. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2014. 227 p. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 2).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Англо-русский словарь американского сленга. М.: Издательство «Книжный сад», 1993. 544 с.
2. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. М.: И зд-во Эксмо, 2006. 672 с.
3. Немецкий сленг. Словарь-разговорник. Начальный уровень. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. 219 с.

REFERENCES

1. Baykulova, A. N. (2008). Rechevoe obshchenie v seme: rol v nyom zhyvotnykh, rasteniy i predmetov veschnogo mira [Speech Communication in Family Circle: the Role of Animals, Plants and Material Objects]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. Saratov. Vol. 8. No 2. Pp. 15-20 (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R., Kositskaya, A. G. (2014). Strukturno-semanticheskaya harakteristika naimenovanij cheloveka v sfere iskusstva (na materiale sovremennogo nemetskogo

razgovornogo yazyka) [The structural and semantic characteristics of German colloquial names of people in arts]. In *Nova filologiya*. 67. Pp. 14-20. (In Russ.).

3. Vasileva, A. S. (2015). Novye naimenovaniya lits zhenskogo pola v molodezhnom slenge [New names of female persons in the youth slang]. In *Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya*. No 1-1. Pp. 17-22. (In Russ.).

4. Ignatov, A. A. Mitchell P. (2013). Kokni uhodyashchiy: polozhenie rifmovannogo slenga kokni v sovremennom angliyskom obshchestve [A leaving cockney: position of of cockney rhyming slang in modern English society]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 374. Pp.68-70. (In Russ.).

5. Leskina, S. V., Slabko, Yu. V. (2015). Predstavlenost raznourovnevykh diminutivov v russkom i angliyskom yazyke [Representation of distinctive features of diminutives in Russian and English]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»*. 2015. Vol. 12. No 1. Pp. 15-21. (In Russ.).

6. Martine, A. (1960). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh: (Problemy diahronicheskoy fonologii)* [Principle of economy in phonetic changes: (Problems of diachronic phonology)]. M.: Izd-vo inostr. lit. (In Russ.).

7. Meshkov, O. D. (2008). *Semanticheskie aspekty slovoslozheniya angliyskogo yazyka* [Semantic aspects of compounding in English]. Moskva. (In Russ.).

8. Reznichenko, L. Yu. (2010). Spetsifika diminutivnykh nominatsiy litsa (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov) [Specific of diminutive nominations of person (in English, German and Russian languages)]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2010. Vol. 1. No 2. Pp. 30-42. (In Russ.).

9. Dressler, W. U. (2006). Compound Types. In *The Representation and Processing of Compound Words*. Oxford University Press, UK. Pp. 35-36.

10. Golluch, N. (2013). *Was ist grün und steht vor der Tür? Ein Klopfsalat!/: Miese Witze*. Eichborn Verlag in der Bastei Lübbe GmbH & Co. KG.

11. Kaliuščenko, V. D. (2013). Die Nominationstypologie eines Begriffs. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 13-18 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).

12. Nikolayeva, L. (2014). Typology of Kinship Terms. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 2).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Anglo-russkiy slovar amerikanskogo slenga* [English-Russian dictionary of American slang]. Moskva, 1993. (In Russ.).

2. Grachev, M. A. (2006). *Slovar sovremennogo molodezhnogo zhargona* [Dictionary of modern youth jargon]. Moskva. (In Russ.).

3. *Nemetskiy sleng. Slovar-razgovornik. Nachalnyy uroven* [German slang. Dictionary-phrasal-book. Entry level]. Moskva, 2008. (In Russ.).

Петрищева Елена Игоревна – преподаватель
кафедры германской филологии
(e-mail: petrischewa-elen@mail.ru),

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Petrishcheva Elena I. – Lecture at the Department
of the Germanic Philology

(e-mail: petrischewa-elen@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education is «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 9 ноября 2016 г.

УДК 81'373.7:811.111:811.161.2

© 2016 В. А. Хохлова

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ “ЧЕЛОВЕК” СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье представлен анализ особенностей отражения концептуальной картины мира в английских и украинских фразеологических единицах с топонимическим компонентом, который свидетельствует о том, что концептуализации прежде всего подвергается такой сегмент объективной действительности английской и украинской лингвокультуры, как “Человек”.

Ключевые слова: *топонимическая фразеология, топонимический компонент, концептуализация, макроконцепт, микроконцепт, концептуальный фрагмент, материальный мир человека, духовный мир человека.*

© 2016 V. A. Khokhlova

PECULIARITIES OF SPHERE OF CONCEPTS “MAN’S WORLD” OBJECTIFICATION BY MEANS OF THE ENGLISH AND UKRAINIAN TOPONYMIC PHRASEOLOGY

The paper presents the analysis of the characteristic features of the conceptual model of the world reflection in the English and Ukrainian phraseological units with a toponymic component, which suggests that first of all such an important segment of the objective reality as the sphere of concepts “Man’s world” can undergo conceptualization.

Key words: *toponymic phraseology, a toponymic component, conceptualization, macroconcept, microconcept, a conceptual fragment, Material World of Man, Spiritual World of Man.*

1. Постановка проблемы

Концептуальная картина окружающего мира у носителей определенного языка создается из целого комплекса представлений и взглядов на действительность на основе индивидуально и коллективно накопленного опыта той или иной лингвокультуры [Воркачев, 2001: 65]. Одним из наиболее наглядных средств экспрессивно-оценочного, относительно устойчивого представления человека о внешнем мире, посредством которого вербализуются элементы материальной культуры народа являются фразеологические единицы (далее ФЕ), объединенные каким-либо однотипным компонентом, являющимся смысловым центром ФЕ и формирующим культурно-маркированные фразеологические образы. Такими однотипными компонентами в составе ФЕ могут быть имена собственные (онимы), среди которых топонимы, как один из видов ономастических единиц, которые отражают, хранят, передают культуру того или иного

языкового сообщества [Мокиенко, 1980: 57]. Рассмотрение особенностей концептуализации действительности средствами топонимической фразеологии, показывает, что фразеологической вербализации подвергаются различные сегменты объективной реальности, среди которых наибольшей плотностью фразеологической вербализации характеризуется концептосфера “Человек”, которая представлена такими двумя макроконцептами – как материальный мир человека (далее ММЧ) и духовный мир человека (далее ДМЧ). Необходимо отметить, что в своем общем значении понятие концептосфера, которое было введено Лихачевым Дмитрием Сергеевичем, рассматривается как совокупность концептов, из которых складывается миропонимание носителя языка. Понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры, культуры нации [Лихачев, 1993: 5]. В данной работе мы используем этот термин в более узком значении, называя не все мировосприятие человека в целом, а более узкие сегменты действительности, подвергаемые фразеологической вербализации. Термин макроконцепт, используемый в данной статье, выступает как структурный элемент концептосферы, который в свою очередь подразделяется на более мелкие структурные элементы, а именно, микроконцепты, и концептуальные фрагменты.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретической базой для написания статьи послужили исследования отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики: А. Вежбицкой, Д. О. Добровольского, В. И. Заботкиной, О. К. Ирисхановой, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа [Вежбицкая, 2001; Добровольский, 1997; Заботкина, 2005; Ирисханова, 2002; Кубрякова, 1994; Lakoff, 1987].

Целью статьи является выявление особенностей объективации концептосферы “Человек” средствами топонимической фразеологии.

Материалом исследования послужили 735 фразеологических единиц с топонимическим компонентом (далее ФЕТК) английского языка и 711 ФЕТК украинского языка, отобранные способом сплошной выборки из одно- и двуязычных фразеологических словарей [Баранцев, 2005; Белоноженко, 2003; Кунин, 1998; Олейник, 1991; Приходченко, 2008; Удовиченко, 1984; Ammer, 1997; Cambridge Idioms Dictionary, 2006; Cowie, 1993; Longman dictionary of English idioms, 1979; Siefring, 2004].

2. Изложение основного материала

ФЕТК, будучи национально-маркированными единицами, являются средством номинации различных объектов и явлений реального мира, демонстрируя тем самым

принцип антропоморфного мировосприятия, соизмерения окружающей действительности с образом самого человека.

Изучение особенностей репрезентации такого важного макроконцепта, как “ММЧ” во всей совокупности биолого-психологических, эмоциональных, мыслительных, социальных факторов, связанных с бытием человека свидетельствует о том, что ФЕТК обладают способностью отображать культурное самосознание английского и украинского народов, рассматриваемое как основа их ментальности.

Анализ материала показывает, что макроконцепт **МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА** в английской и украинской топонимической фразеологии представлен следующими объектами вербализации, которые не всегда совпадают в пределах микроконцептов и концептуальных фрагментов, а также отличаются количественной представленностью. Так, средствами английской топонимической фразеологии объективируются 8 микроконцептов, которые представлены 19 концептуальными фрагментами: 1) здоровье человека (156 / 36,70%): болезни человека (82 / 19,29%), вредные привычки человека (74 / 17,41%), 2) внешний вид человека (66 / 15,52%): внешность (41 / 9,64%), предметы одежды (25 / 5,9%), 3) профессиональная деятельность человека и социальное поведение (51 / 12%): виды профессиональной деятельности (33 / 7,76%), осуждаемые обществом виды деятельности (18 / 4,23%), 4) еда (41 / 9,64%): сладкие блюда (18 / 4,23%), рыбные блюда (12 / 2,82%), мясные блюда (10 / 2,35%), напитки (8 / 1,88%), овощи и фрукты (6 / 1,41%), 5) смерть (34 / 8%), 6) быт человека (29 / 6,82%): семейный быт (19 / 4,47%), развлечения (10 / 2,35%), 7) материальное положение человека (28 / 6,59%): бедность (21 / 4,94%), богатство (7 / 1,65%), 8) система правосудия (20 / 4,7%): законодательство (14 / 3,3%), тюремное наказание (6 / 1,41%).

В рамках макроконцепта “ММЧ”, наиболее репрезентативным является микроконцепт “**ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА**”, соотносящийся со следующими концептуальными фрагментами: 1. “**болезни человека**”: среди ФЕ, относящихся к этому концептуальному фрагменту, такая болезнь как ‘расстройство желудка’ представлена почти половиной ФЕТК в данном микроконцепте, в составе которых используются различные топонимы, являющиеся географическими названиями азиатских и африканских колоний бывшей Британской империи, характеризовавшиеся экономической отсталостью данных регионов, плохим водоснабжением и абсолютной антисанитарией: *Dehli belly*, *Tunis stomach*; происхождение ФЕТК *Rangoon itch* ‘грибковая половая инфекция’ связано с тем, что в г. Рангун, до 1989 г. крупнейшем экономическом центре Мьянмы, бывшей Британской колонии Бирмы, в котором проживали представители разных

национальностей (бирманцы, карены, шаны), абсолютно отсутствовала система здравоохранения, что вызывало данное заболевание. 2. **“вредные привычки человека”**: среди изучаемых ФЕТК можно также выделить те, которые отражают пристрастие человека к употреблению или изготовлению наркотических средств: так в африканских, азиатских странах, странах южной Америки процветал наркобизнес, являясь главным источником их финансового благополучия: ФЕТК *California turnarounds* ‘амфетамины’ (букв.: “калифорнийское место для разворота автомобиля”) подразумевает употребление амфетаминов водителями грузовиков. ФЕТК *lit up like Main Street (Broadway)* ‘1. пьян в стельку; 2. ярко освещенный, залитый светом’ восходит к определенному историко-культурному факту – Main Street и Broadway являются названиями улиц, известных центров индустрии развлечений, которые характеризуются яркой, беззаботной жизнью.

Микроконцепт “ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКА” вербализован группой ФЕТК, которые позволяют описать различные параметры внешности человека и его пристрастия в выборе одежды и материала для пошива: 1. **“внешность”**: ФЕТК *Eton crop* ‘женская стрижка под мальчика’ получила распространение в британской культуре по аналогии со стрижкой, которую носили ученики этого престижного частного учебного заведения; 2. **“предметы одежды”**: многие ФЕТК, номинирующие этот микроконцепт, возникли в связи с различными предметами одежды, которую носили в высших учебных заведениях Англии: *Cambridge slippers* ‘Кэмбриджские туфли без шнурков с резинкой на подъеме’.

ФЕТК, репрезентирующие микроконцепт **“ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ”** характеризуют человека с точки зрения его профессии, принадлежности к определенному социальному классу: 1. **“название профессий”**: ФЕТК *Harley street* ‘врачи’ (улица в Лондоне, где расположены кабинеты преуспевающих врачей); 2. **“осуждаемое обществом поведение человека”**: ФЕТК *Tyburn blossom* ‘вор’ освещает исторический факт, относящийся к 1183-1783 гг., когда всех воров публично казнили на площади в городе Тайберн.

Микроконцепт “ЕДА” репрезентируется целым рядом ФЕТК, обозначающими различные названия национальных блюд, которые представлены следующими концептуальными фрагментами: 1. **“сладкие блюда”**: ФЕТК *Yorkshire pudding* ‘йоркширский пудинг’ – гарнир из пресного теста, который подают с соусом, картофелем и ростбифом перед основным блюдом. Прежде это блюдо производилось в промышленных городах Йоркшира, в настоящее время оно является неотъемлемой частью британской национальной кухни; 2. **“рыбные блюда”**: *Norfolk capon* ‘копченая селедка’; *Colchester natives* ‘устрицы’ –

г. Колчестер известен своими устрицами; 3. “**мясные блюда**”: ФЕТК *the flitch of Dunmow* ‘засоленный и копченый мясной бок’ отражает старинный обычай, сохранившийся в городке Данмоу, графство Эссекс, согласно которому каждая супружеская пара, давшая клятвенное заверение, что в течение предыдущего года ни разу не ссорилась и не мечтала о разводе, при выходе из церкви получает копченый свиной окорок; 4. “**напитки**”: ФЕТК *London gin* ‘лондонский джин’ – джин появился в Англии в 1689 году, когда на английский трон, свергнув своего тестя, взошел Вильгельм III Оранский. Будучи голландцем по происхождению, и оставаясь голландским королем, он испытывал большие неудобства из-за плохого владения английским языком. Для того, чтобы компенсировать этот недостаток и добиться уважения своих новых подданных, король запретил ввоз в страну импортных спиртных напитков с целью создания местной индустрии и поддержки внутренних производителей; 5. “**овощи и фрукты**”: ФЕТК *Yorkshire kidney* ‘йоркширская почка’ является шуточным названием картофеля. Англичане так иногда называют картофель за особое пристрастие к нему йоркширцев.

Микроконцепт “СМЕРТЬ” представлен ФЕ, которые соотносятся с двумя концептуальными фрагментами: 1. “**насильственная смерть**”: ФЕТК *to fight like Kilkenny cats* ‘бороться до взаимного истребления’. Мотивировка данной ФЕТК связана с эпизодом, который произошел в ирландском городе Килкенни в XVIII в.; солдаты местного гарнизона связали для забавы двух кошек хвостами и перекинули их через бельевую веревку, чтобы понаблюдать за их дракой. 2. “**естественная смерть**”: ФЕТК этой группы были усвоены английской лингвокультурой из общемировой, в частности, античной культуры, где смерть отображалась посредством ярких метафорических образов: ФЕТК *to cross the Styx* ‘умирать’ – в греческой мифологии Стикс – река, через которую тени умерших переправлялись в страну мертвых.

ФЕТК, вербализующие **микроконцепт “БЫТ ЧЕЛОВЕКА”** соотносятся с такими концептуальными фрагментами, как: 1. “**семейный быт**”: ФЕТК этой группы являются результатом освоения Великобританией разных уголков мира: в ФЕТК *to go to Cannes* ‘пойти в туалет’ наблюдается игра слов, а именно географического названия Cannes, города на юге Франции и слова *can* – ‘отхожее место’; 2. “**развлечения**”: ФЕТК данной группы отражают знакомство жителей Великобритании с всевозможными азартными играми, о которых англичане узнали из своих путешествий: *Mississippi marbles* ‘игральные кости’; *California bible* ‘колода карт’.

Микроконцепт “МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА”, представлен ФЕТК, соотносящимися с такими концептуальными фрагментами, как: 1. “**бедность**”: ФЕТК

in *Queer Street* (уст.) ‘в беде, в долгах’ (букв.: ‘на странной, сомнительной улице’) связана с тем, что в XIX веке прилагательное ‘queer’ – ‘странный, сомнительный’ использовалось во многих сленговых терминах, обозначающих нечестных или криминальных людей или их деятельность. Данная улица является вымышленным топонимом, однако существует улица Carey Street, на которой были расположены суды по делам о несостоятельности, и происхождение данной ФЕ непосредственно связывают с этой улицей; 2. **“богатство”**: ФЕТК *to live in Easy Street* ‘быть богатым’ (букв.: ‘жить на Беспечной улице’) образуется на основе каламбура, где прилагательное ‘easy’ – ‘легкий’ выступает маркером легкости бытия и ассоциируется с благоприятными условиями жизни.

Микроконцепт “СИСТЕМА ПРАВОСУДИЯ” вербализован ФЕТК, которые подчеркивают важность для британской нации такого правового института, как законодательная система, и которые соотносятся с двумя концептуальными фрагментами: 1. **“законодательство”**: происхождение ФЕТК *Courtesy of England* ‘досл. любезность со стороны Англии’ – это юридическое право вдовца, которое связано с исторически сложившейся законодательной системой Англии, согласно которой муж после смерти жены имеет право на часть ее собственности при условии, что у них есть ребенок; 2. **“тюремное наказание”**: ФЕТК *Newgate bird* ‘уголовник, заключенный’ содержит название города Ньюгейт, в котором находилась главная тюрьма Лондона на протяжении 700 лет, с 1188 по 1902 годы, расположенная у северных, или Новых, ворот лондонского Сити, в непосредственной близости от уголовного суда Олд-Бейли, откуда в тюрьму перевозили приговорённых к смертной казни.

В то время как **МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА** в украинской топонимической фразеологии представлен 5 микроконцептами: 1) смерть (103 / 47,68%), 2) бедность (68 / 31,48%), 3) быт (24 / 11,11%) 4) внешний вид человека (16 / 7,4%), 5) погода (5 / 2,31%).

В рамках макроконцепта **“ММЧ”** наиболее репрезентативным является микроконцепт **“СМЕРТЬ”**, который реализуется в основном посредством глагольных ФЕТК: *Поглядати на Кіровку; Піти на Смолянку*. В основе данных ФЕТК находятся топонимы, которые являются названиями сел, улиц в разных городах, на которых расположены кладбища, так, село Кировка расположено в Виннице; на Смолянке в Житомире в 1890 году было основано православное Смолянское кладбище; и ФЕТК со строением предложения: *Застовбичити місце у Кружиліна в огороді*. Данная ФЕТК обращает нас к культурно-значимой информации: Кружилинский – хутор в Шолоховском районе Ростовской области России, где расположено кладбище.

В ходе изучения микроконцепта **БЕДНОСТЬ** было установлено, что изначально ядром данного концепта выступало конкретное имя нарицательное “беда”, которое усиливает восприятие об украинском народе в определенные исторические периоды, как об измученном, бедном и представлен следующими ФЕТК: ФЕТК *Піди за Бескиди – не збудешся біди* передает информацию о том, что в Бескидах (средней части Карпат) процветал грабеж, мародерство, опустожение земель.

Микроконцепт **БЫТ. СФЕРА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ** вербализован такими ФЕТК: можно предпринять попытку объяснить значение ФЕТК *Піти в Караганду* “справить нужду” следующим образом: город Караганда в Казахстане предположительно по одной из версий получил свое название от распространенного в этих местах кустарника караган (жёлтая акация), который являлся отходным местом во времена отсутствия условий цивилизованной жизни.

Микроконцепт **ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКА** представлен группой ФЕТК, которые описывают стрижку, фигуру представителя украинского лингвособщества: техногенная катастрофа в Чернобыле, основным поражающим фактором которой стало радиоактивное заражение, приведшее ко многим иммунным отклонениям, отразившимся на внешности людей, запечатлилась в ФЕТК *Їжак з Чорнобиля* ‘лысый’.

Украина всегда была аграрной страной и население кормилось за счет физического труда на украинских полях, естественно, что большое значение для людей имела погода, так как от нее зависел урожай, а, значит, и условия жизни. Украинцы верили и верят в силы природы и чтят обряды, связанные с ними. Так, микроконцепт **ПОГОДА** объективируется ФЕТК *Іди, зимо, до Бучина, бо вже ти нам надокучила; Сухий марець, мокрий май – буде жито, як Дунай*, которые отражают украинские поверья, что урожай будет хороший, если в мае выпадут осадки.

Анализ особенностей вербализации макроконцепта **ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА**, который представлен следующими микроконцептами: 1) патриотизм (378 / 72,83%), 2) помутнение рассудка (56 / 10,79%), 3) морально-нравственные характеристики человека (44 / 8,48%), 4) поступки человека (41 / 7,89%) свидетельствует о наибольшей представленности данного объекта действительности в украинской топонимической фразеологии.

Микроконцепт **ПАТРИОТИЗМ** доминирует в украинской фразеологической картине мира и представлен ФЕТК, которые передают этапы борьбы Украины, в частности, и СССР, в целом, за независимость от нашествия вражеских сил: Сталинградская битва, которая является крупнейшей сухопутной битвой в истории

человечества, наряду со сражением на Курской дуге стала переломным моментом в ходе военных действий, после которых немецкие войска окончательно потеряли стратегическую инициативу, нашла свое отображение в ФЕТК *Фашисти люблять воювати, коли тепло, наша армія зробила їм у Сталінграді пекло*. Настоящая патриотическая позиция человека-гражданина, который неподкупный, наделен чувством собственного достоинства, отражена в ФЕТК *Провадь мене і до Вєни, а не зробиши Ляха з мене! Ляхи нам не пани, а ми їм не хлопці*.

Микроконцепт **ПОМУТНЕНИЕ РАССУДКА (СУМАСШЕСТВИЕ)** является частью духовной картины мира, поскольку различают два вида безумия: болезнь и божественный дар. Следует отметить, что украинская культура пропитана болью, потерями, разочарованием из-за волны войн, репрессий, когда нацию уничтожали, и, как результат, люди сходили с ума, отрывались от реальности. Данный микроконцепт репрезентируется целым рядом ФЕТК, в основе которых названия городов, кварталов, где расположены психиатрические больницы: *Альошка зі Степного* (Степний – квартал в Луганске с психиатрической больницей); з *Бірюківки* (з Бірюковки) *втекти* (поселок Бірюковка в Свердловском районе Луганской области).

Микроконцепт **МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ** характеризует человека с точки зрения его **умственных способностей**: глупость отдельных представителей украинского лингвосообщества можно продемонстрировать в следующих ФЕТК: *Клава з Балаклави; Стьопа (Стьопка) з Казановки*; и **морально-правственных характеристик**: скрытый характер отдельных украинцев нашел свое отражение в ФЕТК, которые содержат ответ на вопрос “ты куда?”, когда нет желания и намерения сообщать о предполагаемом пункте назначения: *В Африку за бананами; В Африку пісок кидати; На Білу гору крейду косити*; трудолюбие одних, а лень других отразилось в ФЕТК *Дід з Жиравки, а ти з лавки*; обособленность некоторых украинцев описана с помощью ФЕТК *В Станіславі кожний на своїй страві*.

Микроконцепт **ПОСТУПКИ ЧЕЛОВЕКА** не с лучшей стороны характеризует некоторых представителей украинского лингвосообщества: ФЕТК *Дуньку по Антрациту водити; Бути з Брехунівки* коннотатируют значение обмана. ФЕТК *пішов на Жабокруки* коннотатирует значение ‘сбиться с пути’ и в основе данной ФЕ лежит топоним – наименование села (Жабокруки).

Что касается отражения макроконцепта **ДУХОВНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА** в английской лингвокультуре, который представлен тремя микроконцептами:

1) отношение человека к действительности (170 / 59,44%), 2) морально-нравственные и умственные характеристики человека (72 / 25,17%), 3) патриотизм (44 / 15,38%), то, как показывает анализ материала, представители англоязычного лингвосоциума в своей массе беспокоятся о своем индивидуальном благосостоянии, выступая нацией прагматичной и чрезмерно чопорной в своем стремлении к некоторой показательности.

Микроконцепт **“ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ”** объективируется ФЕТК, которые выражают различные виды эмоций человека по отношению к кому-либо или чему-либо, и представлен двумя концептуальными фрагментами: 1) **“отношение человека к действительности”**: ФЕТК, выражающие уверенность: *Lombard street to a China orange* ‘дело верное, никаких сомнений, даю голову на отсечение’, уходит корнями в экономическое прошлое Англии, так как на Ломбард-стрит в лондонском Сити расположен ряд крупнейших банков, которые всегда выступали гарантом уверенности; 2) **“отношение (поведение) человека к себе и другим”**: *thou shalt see me at Philippi* ‘мы еще встретимся – угроза’ (шекспировское выражение из трагедии ‘Юлий Цезарь’; Филиппы – город в Македонии возле Фракии, неподалеку от побережья Эгейского моря, где в 42 г. до н.э. в двух битвах были разбиты Кассий и Брут).

Микроконцепт **“МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ И УМСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА”** создает яркую картину моральных, нравственных и умственных характеристик человека и проявляется в двух концептуальных фрагментах: 1) **“умственные способности”**: *A fool will not part with his bauble for the Tower of London* ‘дурак не расстанется со своей безделушкой даже за все богатства Тауэра’, эта древняя поговорка, создана до 1500 года, в то время когда лондонский Тауэр был хранилищем национального состояния; 2) **“морально-нравственные характеристики”**: *vicar of Bray* ‘беспринципный человек’ (по имени полупоупендарного викария XVI в. из городка Брей, графство Беркшир, который в XVII в. четыре раза менял веру: два раза переходил из католиков в протестанты и обратно).

Микроконцепт **“ПАТРИОТИЗМ (гордость за страну)”** объективируется ФЕТК, которые идеализируют и прославляют Великобританию: ФЕТК *all countries stand in need of Britain and Britain of none* ‘все страны находятся в зависимости от Великобритании, а Великобритания ни от кого не зависит’ свидетельствует о доминирующем положении Англии на экономической и политической арене мира.

3. Заключение

Анализ особенностей отражения концептуальной картины мира во фразеологических единицах английского и украинского лингвосообществ с

топонимическим компонентом показывает, что концептуализации, прежде всего, подвергается такой фрагмент объективной действительности английской и украинской лингвокультур как концептосфера “ЧЕЛОВЕК”. ФЕТК, репрезентирующие данную концептосферу отличаются ярко-выраженной этноспецификой, что объясняется, главным образом, национально-культурными особенностями исторического прошлого, национальной рецепции, а также ментальности английского народа. Важно также отметить, что географические названия, использующиеся как компоненты фразеологических единиц, являются носителями не только предметно-логического значения, но и выразителями характерных черт этнокультурного лица англоязычного и украиноязычного лингвосоциума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. № 1. С. 64-72.
3. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания, 1997. № 6. С. 37-48.
4. Заботкина В. И. К вопросу о динамической концептуальной семантике. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. 390 с.
5. Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции // Известия РАН. Серия Литература и Языки. М.: Наука, 2002. Т. 60. № 3. С. 44-49.
6. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. Лингвистика. 1994. № 4. С. 34-47.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия Литература и Языки. М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.
8. Мокиенко В. М. О собственном имени в составе фразеологии // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 57-67.
9. Lakoff G., Kovecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баранцев К. Т. Англо-український фразеологічний словник. К.: Знання, 2005. 1056 с.
2. Білоноженко В. М. Фразеологічний словник української мови. К.: Наукова думка, 2003. 1104 с.
3. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М. : Живой язык, 1998. 944 с.
4. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. К. : Рад. шк., 1991. 400 с.
5. Приходченко К. І. Універсальний словник-довідник: 30000 слів і виразів сучасної української мови. Донецьк: БАО, 2008. 320 с.

6. Удовиченко Г. М. Фразеологічний словник української мови: в 2 ч. К.: Вища школа, 1984. Ч. 1: А – М. 1984. 304 с.; Ч. 2: Н – Я. 1984. 384 с.
7. Ammer C. *The American Heritage Dictionary of Idioms*. Boston, Massachusetts: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 729 p.
8. *Cambridge Idioms Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 505 p.
9. Cowie A. P. *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 685 p.
10. *Longman dictionary of English idioms*. London: Longman Group Ltd. The Pitman Press, 1979. 677 p.
11. Siefring J. *Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.

REFERENCES

1. Vezhbickaya, A. (2001). *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [The understanding of cultures through key-words]. M.: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.).
2. Vorkachev, S. G. (2001). *Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, koncept: stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Cultural linguistics, linguistic identity, concept: the establishment of an anthropocentric paradigm in linguistics]. In *Filologicheskie nauki*. No 1. Pp. 64-72. (In Russ.).
3. Dobvol'skij, D. O. (1997). *Natsionalno-kulturnaya specifika vo frazeologii* [National-cultural specificity in phraseology]. In *Voprosy yazykoznanija*. No 6. Pp. 37-48. (In Russ.).
4. Zabolotina, V. I. (2005). *K voprosu o dinamicheskoy kontseptualnoy semantike* [On the issue of dynamic conceptual semantics]. Kalinigrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta. (In Russ.).
5. Irishanova, O. K. (2002). *O teorii kontseptualnoy integratsii* [On the conceptual integration theory]. In *Izvestiya RAN. Seriya Literatura i Yazyki*. Vol. 60. No 3. Pp. 44-49. (In Russ.).
6. Kubryakova, E. S. (1994). *Nachalnye etapy stanovleniya kognitivizma: psihologiya – kognitivnaya nauka* [The initial stages of formation of cognitivism: psychology – cognitive science]. In *Voprosy yazykoznanija. Lingvistika*. No 4. Pp. 34-47. (In Russ.).
7. Likhachev, D. S. (1993). *Konceptosfera russkogo yazyka* [Sphere of concepts of the Russian Language]. In *Izvestiya RAN. Seriya Literatura i Yazyki*. Vol. 52. No 1. Pp. 3-9. (In Russ.).
8. Mokienko, V. M. (1980). *O sobstvennom imeni v sostave frazeologii* [Proper name within phraseology]. In *Perspektivy razvitiya slavyanskoy onomastiki*. Moskva. Pp. 57-67. (In Russ.).
9. Lakoff, G., Kovecses, Z. (1987). *The cognitive model of anger inherent in American English*. In *Cultural models in language and thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Barancev, K. T. (2005). *Anglo-ukrayinskyy frazeologichnyy slovnyk* [English-Ukrainian phraseological dictionary]. K.: Znannya.
2. Bilonozhenko, V. M. (2003). *Frazeologichnyy slovnyk ukrayinskoyi movy* [Phraseological dictionary of the Ukrainian Language]. K.: Naukova dumka. (In Ukr.).
3. Kunin, A. V. (1998). *Bolshoy anglo-russkiy frazeologicheskij slovar* [Big English-Russian phraseological dictionary]. M.: Zhivoy yazyk.
4. Oliynyk, I. S., Sidorenko, M. M. (1991). *Ukrayinsko-rosiyskyy i rosiysko-ukrayinskyy frazeologichnyy tlumachnyy slovnyk* [Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian Thesaurus]. K.: Rad. shk. (In Ukr.).
5. Prihodchenko, K. I. (2008). *Universalnyy slovnyk-dovidnyk: 30000 sliv i vyraziv suchasnoyi ukrayinskoyi movy* [Universal Dictionary-Directory: 30,000 words and expressions of the modern Ukrainian language]. Donetsk: BAO. (In Ukr.).
6. Udovichenko, G. M. (1984). *Frazeologichnyy slovnyk ukrayinskoyi movy: v 2 ch.* [Phraseological dictionary of the Ukrainian Language in 2 volumes]. K.: Vishha shkola. Part. 1:

A – M.; Part. 2: N – Z. (In Ukr.).

7. Ammer, C. (1997). *The American Heritage Dictionary of Idioms*. Boston, Massachusetts: Houghton Mifflin Harcourt.

8. *Cambridge Idioms Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press, (2006).

9. Cowie, A. P. (1993). *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford: Oxford University Press.

10. *Longman dictionary of English idioms* (1979). London: Longman Group Ltd. The Pitman Press.

11. Siefiring, J. (2004). *Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press.

Хохлова Виктория Александровна – преподаватель кафедры английской филологии (e-mail: victoria_khokhlova@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Khokhlova Viktoriya A. – Lecturer at the Department of the English Philology (e-mail: victoria_khokhlova@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University», 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 14 ноября 2016 г.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 372.881.1

© 2016 Т. Н. Глоба

АУДИРОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТОНАЦИИ СТУДЕНТАМИ ЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

В статье представлена проблема аудирования французской интонации студентами языковых специальностей на начальном этапе обучения. Автор рассматривает трудности аудирования французской речи и основные психологические особенности этого вида речевой деятельности. Выявлены и описаны критерии, предъявляемые к отбору фономатериала на французском языке.

Ключевые слова: интонация французского языка, фономатериалы для обучения интонации, трудности аудирования французской речи, фононедостаточность звукозаписи.

© 2016 T. N. Globa

AUDITION OF FRENCH INTONATION BY STUDENTS OF LANGUAGE MAJORS IN THE INITIAL STAGE OF LEARNING

The article deals with the problem of listening comprehension of French intonation by students of language majors at the initial stage of learning. The author considers the difficulties of listening comprehension of the French language and the basic psychological features of this type of speech activity. The criteria for the selection of phonomaterial in French have been identified and described.

Key words: the intonation of the French language, phonomaterials for teaching intonation, the difficulties of listening comprehension of the French language, the phonoin sufficiency of sound-recording.

На начальном этапе обучения восприятие устной информации на иностранном языке сопровождается значительными трудностями. Это в определенной степени касается также и восприятия интонации иностранного языка. «Несовершенный характер восприятия интонации обусловлен тем, что мы ее воспринимаем непосредственно как деятельность органов речи, не как совокупность физических свойств, выделяемых электро-акустическим анализатором, а как определенный образ» [Артёмов, 1989: 243]. Это восприятие очень своеобразное, поскольку предопределяется соотношением интонаций родного и иностранного языков. Так, носителям славянских языков ударение во французском языке кажется более громким, а на самом деле оно более высокое по частоте основного тона.

Проблему аудирования интонации иностранного языка изучали в разных аспектах отечественные (В. А. Артёмов, Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, И. А. Зимняя, Г. А. Китайгородская,

Е. Н. Соловова) и зарубежные (П. Делятр, Г. Миллер, Р. Николс, В. Риверс) психологи, психолингвисты и методисты.

Несмотря на значительное количество зарубежных и отечественных исследований, посвящённых обучению аудированию интонации иностранного языка, и на наличие учебно-методических комплексов, в состав которых входят фонозаписи, данная форма речевой деятельности остаётся наиболее сложной для восприятия студентами, изучающими французский язык.

Цель статьи – рассмотреть процесс практического применения фономатериалов на занятиях по французскому языку как второму иностранному у студентов-филологов первого и второго курса обучения, проанализировать трудности этого процесса и выделить возможные пути разрешения обозначенной проблемы.

Овладение фонетической стороной французской речи не является самоцелью, оно подчиняется нуждам и задачам речевого общения и развивается в тесной связи с обучением слушанию, говорению, чтению и письму при одновременном формировании лексических и грамматических навыков. Основным условием успешного обучения произношению и аудированию интонации иностранного языка является определение зон положительного переноса и интерференции, а также установление возможных трудностей на основе сопоставительного анализа изучаемого и родного языков в области слухопроизносительных навыков, включая ритмико-интонационные средства речи [Гальскова, Гез, 2008: 274].

Фономатериалы, предназначенные для восприятия и воспроизведения интонационных образцов на начальном этапе, должны отражать и подчеркивать сходство или различие сравниваемых коммуникативных типов. Кроме того, отбирая фономатериалы для обучения интонации французского языка, необходимо учитывать трудности аудирования французской речи и некоторые психологические особенности этого вида речевой деятельности.

Одной из особенностей аудирования является неповторяемость и кратковременность языкового восприятия. Слушающий не может сделать паузу, чтобы лучше осмыслить содержание, не может по своему желанию прослушать информацию еще раз. Анализ и синтез в процессе аудирования имеют свернутый характер и, кроме того, аудитор должен воспринимать речь в том темпе, в котором она подается. Особая сложность процесса аудирования заключается еще и в том, что пропускная способность слухового нерва в 16 раз меньше, чем зрительного [Зимняя, 1991: 198]. Поэтому восприятие речи

на слух сопровождается большим напряжением умственной деятельности и значительной утомляемостью.

Интенсивное использование фономатериалов при обучении интонации требует определения трудностей аудирования французской речи в том случае, когда собеседником является техническое средство обучения (магнитофон, компьютер, ноутбук, интерактивная программа, интерактивная доска и др.). При аудировании французской речи возникают трудности двух типов.

К первому типу относятся трудности, касающиеся языковых явлений, которые существуют объективно во французском языке и затрудняют восприятие французской речи на слух студентами, чьим родным языком является русский.

Трудности второго типа связаны с незнакомыми на данном этапе языковыми явлениями (фонетическими, грамматическими и лексическими), которые имеются в материалах, предназначенных для аудирования.

Трудности первого типа, с которыми сталкиваются студенты, обусловлены следующими языковыми явлениями:

- 1) наличием омофонов, например: *il a pris – il apprend, il parle russe – ils parlent russe*;
- 2) наличием обязательного и факультативного связываний во французском языке, например: *jours et nuits, fruits et légumes*;
- 3) во многих случаях графическое изображение не совпадает с произношением, которое зависит от фонетического окружения, например: *neuf, neuf heures, neuf élèves, neuf jours; six, six tables, six amis*;
- 4) сложностью распознавания глагола и существительного в зависимости от того, что им предшествует, например: *il marche – une marche, je les bois – dans les bois*.

На восприятие содержания речи влияет также её темп. Темп речевых сообщений определяет не только быстроту и точность понимания иноязычной речи, но и эффективность запоминания прослушанной информации. Трудности аудирования и воспроизведения французской речи студентами, чьим родным языком является русский, вызваны тем, что темп французской речи выше по сравнению с темпом их родной речи. Средняя продолжительность в миллисекундах французского вопросительного предложения – 159 мсек. (мужской голос), 138 мсек. (женский голос), а повествовательного предложения – 162-169 мсек. (мужской голос), 148-150 мсек. (женский голос) [Китайгородская, 1986: 126]. Средняя продолжительность русского вопросительного предложения – 199-233 мсек и повествовательного предложения – 205-210 мсек. [Китайгородская, 1986: 127]. Преподавателю следует помнить, что темп

зависит от важности и новизны сообщаемой информации. Более важная информация предъявляется медленнее, второстепенная сообщается быстро.

Учитывая это обстоятельство, преподаватели намеренно говорят и читают в замедленном темпе. Подобная практика приводит к тому, что потом студенты не могут воспринимать речь в нормальном темпе. Таким образом, акустические образы, сформированные у учащихся, привыкшим к замедленному темпу речи, не совпадают с теми, которые они слушают в нормальном темпе.

Следует отметить, что фонедостаточность звукозаписи обычно заключается в том, что, в отличие от реальной речи, звукозапись в некоторой степени лишена той совокупности экстралингвистических факторов, которые составляют неотъемлемую часть живого речевого поведения [Колкер, 2000: 186]. Поэтому для более полноценного восприятия речи при переработке информации, поступающей как из печатного текста, так и из звукозаписи, нужно актуализировать у студентов представление о ситуации, что в определенной степени поможет правильно реконструировать исходную языковую ситуацию.

В реальной речи каждый из участников диалога непосредственно ощущает на себе контролирующее внимание собеседника, что стимулирует правильность его ответов относительно содержания мысли и ее выражения. Таким образом, процесс аудирования во многом зависит от того, как проверяется прослушанный материал и проверяется ли он вообще. В данном случае речь не идет о контроле со стороны преподавателя, который по объективным причинам имеет выборочный характер. В этом случае контролирующую функцию следует перевести на содержание самого фономатериала так, чтобы каждая следующая реплика аудионосителя (например, вопрос – ответ) логически вытекала из реплики-ответа студента и в случае его неправильной реакции своей формой и содержанием сигнализировала бы о наличии ошибки в реплике студента. Например:

- *Regardez-vous ce film?*
- *Non, je ne le regarde pas.*
- *Pourquoi? Il n'est pas intéressant?*
- *Si, il est intéressant.*
- *Alors, pourquoi ne regardez-vous pas ce film?*
- *Je n'ai pas le temps libre.*

Ответ на первый вопрос должен быть выражен в отрицательной форме. О наличии ошибки (если студент дает ответ в утвердительной форме) будет сигнализировать

следующая реплика-вопрос фонозаписи. Правильность следующей реплики, в свою очередь, будет контролироваться следующим вопросом аудионосителя и так далее.

Отметим, что «собеседование» с аудионосителем имеет свои особенности по сравнению со слушанием текста. «Разговаривая» с аудиозаписью, студент должен сразу реагировать на высказывание, тогда как при слушании текста он может некоторое время обдумывать услышанную информацию [Полат, 2009: 198]. Это обстоятельство и требует образцовости фономатериала.

Образцовость фономатериала должна выражаться лингвистически, то есть, включать в себя наиболее распространённые формы вопросов, существующие в современном французском языке, элементы высокой информативности в высказывании, что является типичной чертой французского языка; психологически (чёткая предварительная установка, направляющая на необходимый вид работы, предложенный студентам); методически [Pons, 2010: 113]. Последнее предполагает осуществление звукозаписи носителем языка, который обладает хорошей дикцией, выразительной и экспрессивной речью. Кроме того, звукозапись должна осуществляться на техническом средстве высокого качества.

Упражнения в развитии аудирования подразделяются на четыре группы: подготавливающие к восприятию текста; сопровождающие слуховое восприятие аудиотекста; базирующиеся на прослушанном тексте (репродуктивно-продуктивного характера); базирующиеся на прослушанном тексте (продуктивного характера) [Соловова, 2006: 137].

Первая группа упражнений для развития у студентов языковых специальностей навыков аудирования – это предтекстовые упражнения. Цель данных упражнений – мотивация студентов; снятие трудностей лингвистического и психологического типа, которые связаны с восприятием и пониманием аудиотекста, прежде всего аутентичного; мобилизовать имеющийся у учащихся речевой и жизненный опыт в области затрагиваемых в тексте вопросов и дать конкретные ориентиры для лучшего запоминания прослушанной информации и ориентации в структуре и содержании [Гальскова, 2003: 150]. К таким упражнениям относятся: сообщение вида и типа текста для прослушивания; сообщение значения незнакомых слов, важных для понимания содержания; сообщение основной информацию о тексте (несколько фраз); установка на быстрый темп говорения и необходимость понять только ключевую информацию; дать схему в виде ключевых слов и выражений. При работе с аудиотекстами, которые содержат цифровую, фактическую информацию, а также географические реалии, необходимы предваряющие слушание упражнения для снятия данных трудностей, что в значительной мере облегчит не только

первичное смысловое восприятие, но и последующую переработку информации [Коряковцева, 2010: 136].

Вторая группа упражнений представляет собой сам процесс непосредственного слушания текста. При этом важно помнить, что если речь идет об аутентичном аудиотексте, то на начальном этапе обучения иностранному языку необходимо предложить студентам при первом прослушивании текста понять основное содержание или выявить необходимую информацию относительно типа текста, его темы, общего содержания. Продуктивными в данном плане могут выступать письменные задания к аудио-тексту, выполняемые в процессе его прослушивания: заполнение анкет, схем, графиков, таблиц; выбор из нескольких вариантов ответа на вопрос; выявление ключевых слов в тексте; выбор из предложенных вариантов ответов соответствующих заглавию текста [Селевко, 1998: 138].

Выполняемые на начальном этапе обучения французскому языку упражнения в аудировании могут предполагать одновременную с прослушиванием опору на печатный вариант текста. Такой прием «слушать читая» позволяет студенту научиться видеть связи между звуком и образом буквы, облегчает ему понимание содержания и обеспечивает лучшее запоминание и усвоение текста. Последнее особенно важно в том случае, если информация, содержащаяся в аудиотексте, необходима для дальнейшего ее использования учащимися [Гальскова, 2003: 154].

Третья группа упражнений предназначена для развития у студентов умений и навыков интерпретации звукового текста, комментирования языковых фактов, анализа содержащейся в аудиотексте информации и её воспроизведение. В данную группу упражнений входят: краткий пересказ текста, составление плана по ключевым словам, завершение текста, комментарий интересных и важных фактов из текста, характеристика главных героев, ответы на вопросы, составление тематических схем, таблиц, диаграмм, анкет по содержанию аудиотекста, озаглавливание текста, объяснение заглавия фразами из текста.

Четвертая группа упражнений направлена на формирование у студентов продуктивных умений в аудировании иноязычной речи. В неё входят упражнения в комментировании прослушанной информации, обсуждении ключевых фактов, интерпретации затронутых в тексте вопросов без опоры на иллюстративную или словесную наглядность. Разновидностью подобных упражнений могут быть: тематические интервью, обсуждения, «круглые столы», интерактивные формы ролевого общения, драматизации, дискуссии по актуальной проблематике текста, собственные выводы студента.

Необходимо поэтапно доносить до студентов особенности французской

артикуляционной базы, которая отличается чёткостью и большей, по сравнению с русским языком, напряжённостью, а также преимущественно губной артикуляцией, характерной открытостью и закрытостью гласных, выполняющих смыслоразличительные функции [Morandi, 2005: 86]. К типичным ошибкам русскоговорящих студентов, начинающих изучать французский язык, следует относить: редукцию гласной фонемы в безударном положении; неправильное произношение носовых гласных, которое приводит к явлению смешения значения слов; смягчение согласных; оглушение звонкого согласного в конечном положении или перед глухой фонемой. С целью недопущения подобных ошибок преподаватель должен акцентировать внимание студентов на овладение новыми способами слияния служебных слов со знаменательными и ритмико-интонационным оформлением этих и других более крупных сочетаний.

В конце первого года обучения французскому языку фонетическая сторона речи студентов языковых специальностей должна иметь достаточно высокий уровень, приближающийся к нормативному литературному произношению носителей языка. Аппроксимированное произношение, которое допускает незначительный акцент родного языка, не нарушающий процесса коммуникации и понимания франкоязычной информации, недопустимо у студентов языковых специальностей.

Следовательно, подбирая фономатериалы для обучения интонации французского языка на начальном этапе обучения, необходимо учитывать трудности аудирования интонации иностранного языка вообще и особенности восприятия французской речи на слух студентами, чьим родным языком является русский, а также психологические особенности и трудности аудирования фономатериалов. Продуманная организация учебного процесса, чёткость и логичность изложения материала преподавателем, акцентированная опора на прежний языковой опыт студентов, разнообразие способов предъявления иноязычной фонозаписи, опора на иллюстративную наглядность позволяют направить внимание студентов на активное восприятие информации и предстоящую продуктивную деятельность с аудиоматериалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артёмов В. А. Психология обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1989. 279 с.
2. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: АРКТИ, 2003. 192 с.
3. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2008. 336 с.
4. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
5. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам. М.: Издательство Московского университета, 1986. 175 с.

6. Колкер Я. М. Практическая методика обучения иностранному языку. М., 2000. 264 с.
7. Коряковцева Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам. Продуктивные образовательные технологии. М.: Академия, 2010. 184 с.
8. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2009. 271 с.
9. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 1998. 256 с.
10. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 2006. 216 с.
11. Morandi F. Modèles et méthodes en pédagogie. Paris: Nathan, 2005. 127 p.
12. Pons X. Evaluer l'action éducative. Paris: PUF, 2010. 193 p.

REFERENCES

1. Artemov, V. A. (1989). *Psihologiya obucheniya inostrannym yazykam* [Psychology of teaching foreign languages]. М.: Prosveshchenie. (In Russ.).
2. Galskova, N. D. (2003). *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern methods of teaching foreign languages]. М.: ARKTI. (In Russ.).
3. Galskova, N. D., Gez N. I. (2008). *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika*. [Theory of teaching foreign languages. Didactics and methodology]. М.: Akademiya. (In Russ.).
4. Zimnyaya, I. A. (1991). *Psihologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole* [Psychology of teaching foreign languages in school]. М.: Prosveshchenie. (In Russ.).
5. Kitaygorodskaya, G. A. (1986). *Intensivnoe obuchenie inostrannym yazykam* [Intensive training in foreign languages]. М.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
6. Kolker, Ya. M. (2000). *Prakticheskaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku* [Practical methods of teaching a foreign language]. Moskva. (In Russ.).
7. Koryakovtseva, N. F. (2010). *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Produktivnye obrazovatelnye tehnologii* [Theory of teaching foreign languages. Productive educational technology]. М.: Akademiya. (In Russ.).
8. Polat, E. S. (2009). *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tehnologii v sisteme obrazovaniya* [New pedagogical and information technologies in the education system]. М.: Akademiya. (In Russ.).
9. Selevko, G. K. (1998). *Sovremennye obrazovatelnye tehnologii* [Modern educational technologies]. М.: Narodnoe obrazovanie. (In Russ.).
10. Solovova, E. N. (2006). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Methods of teaching foreign languages]. М.: Prosveshchenie. (In Russ.).
11. Morandi, F. (2005). *Modèles et méthodes en pédagogie*. Paris: Nathan.
12. Pons, X. (2010). *Evaluer l'action éducative*. Paris: PUF.

Глоба Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии (e-mail: tat-globa@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Globa Tatyana N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer at the Department of the Romanic Philology (e-mail: tat-globa@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 1 ноября 2016 г.

УДК 81-139

© 2016 L. V. Yeschenko, M. M. Pisarevskaya

IMPOSSIBLE MISSION IS POSSIBLE

The article tackles the problems of teaching Business English to students with a low level of language competence, it also shares different ways of adapting the available teaching materials for their effective use on the basis of one unit.

Key words: *Business English, a pattern, preparatory work, role play, purpose-made, a worksheet.*

© 2016 Л. В. Ещенко, М. М. Писаревская

НЕВЫПОЛНИМАЯ МИССИЯ ВСЕ-ТАКИ ВЫПОЛНИМА

Статья рассматривает проблемы преподавания делового английского языка студентам с невысоким уровнем владения и на примере одного урока предлагает варианты адаптации доступного обучающего материала для достижения максимально эффективного его использования.

Ключевые слова: *деловой английский язык, модель, предварительная подготовка, ролевая игра, специально разработанный, письменное задание для самостоятельной работы.*

Teaching is an occupation, activity or just a process, but effective and good teaching is always an art. Indeed, it's fabulous when you are both equipped with all the necessary stuff that perfectly matches learners' needs and requirements and surrounded by knowledge-quenching students, whose language skills just need polishing. It's less wonderful if you have got access to either hard-working students or set of appropriate teaching tools and materials. And it's absolutely discouraging and disappointing if a classroom is full of disinterested and laid-back learners, whose only dream and ambition is just "to kill time" while a teacher is waltzing around them trying to get them involved into an exciting world of Business English, e.g. company's structure, franchising, pricing strategies, marketing, management, accountancy, etc. In this case the format of teaching materials backed up with teacher's drive and enthusiasm is crucial. But teaching resources should be at least informative, desirably, they are the mixture of interesting ideas and goal-oriented tasks that having been stirred, not shaken are shaped into purpose-designed and purpose-made worksheets and activities that help teachers wow their learners and achieve goals.

The **topicality** of our article is determined by the fact that belonging to the academic field Business English primarily concentrates on teaching skills rather than pure grammar or lexis, being directly and fundamentally related to fluency. This is mainly backed by the topics that are discussed at classes. While teaching these skills, teachers of Business English usually bump into

problems that are not known to teachers of General English. This issue is widely researched by the foreign and native language teachers, instructors and trainers such as N. Brieger, J. Harmer, G. Jones, O. A. Yevtushenko [Brieger, 1997; Harmer, 2001; Jones 2014; Евтушенко, 2009].

The main **objective** of the article is to share ideas how to optimize the teaching process by adapting available teaching materials to learners' needs. Our findings are limited to aspects of oral communication and listening skills as they are considered to be the most difficult for students to obtain and develop.

General English usually implies mastering grammar rules, while the Business English teacher is the one who is knowledgeable not only in English and general education but also is a specialist in the business field as he / she has to deal with the topics closely related to economic issues. The traditional textbooks of Business English defined as an elementary level are much more complicated than those of General English due to the content.

Teaching such a serious thing as Business English is always an ingenious and comprehensive process, and when the level of English of the 1st-year students is lower than that of a UK toddler the task becomes even more challenging.

The communicative approach we pursue involves enormous volume of speaking activities that is even not a challenge but rather tortures resulting in suicide when teaching students whose top phrase is "My name is ..." It is supposed that having left schools pupils should have at least B1 level, in reality the situation is much worse, as only a fraction of freshers are capable of delivering their thoughts and ideas in good and coherent English, the rest hardly understand what is going on after a teacher's greeting. If you are lucky, their level is A2 with grammar in infancy, but usually we are not, so in the long run we get students who can't read the title of the text book, let alone grasp the main message of reading and listening tasks. In this case it does not matter whether you've got one or ten hawing and hemming knowledge-absorbers in a class, and the task is to get them involved in the learning process as fast as we can.

Thus, the idea of productive use of speaking activities as a ten- or fifteen-minute warm-up gets rather vague and challenging, as spontaneous speech skills leave much to be desired and learners can't cope with tasks without patterns to follow. Any task like negotiations or discussion of economic or business issue boils down to "I think, it's a good / bad idea" phrase pronounced with long pauses of 1-minute length. So, our idea is to transform the materials aimed at reading into ones which are oriented toward development of oral communication skills. For sure, reading is an important aspect, but if a person cannot deliver his / her idea to a recipient, it makes little sense unless a learner's purpose is collection of information, not communication.

As an example we use texts taken from the Text bank section provided in the Teacher's

Resource Book, Market Leader Elementary [Barrall, 2008: 114-115] and intended for self-study as an activity aimed at enhancing students' reading and vocabulary skills. But why don't we extend and broaden their mission? Both texts are of the same level of difficulty that concerns lexis as well as grammar. The only tense used in them is the Present Simple.

Thus, the procedure is the following:

1. Learners are asked to form pairs.
2. Students are provided with sheets of paper with texts and words that might be unknown for them with their explanation or translations (depending on learners' level of English). The list of the new words should be presented on a separate piece of paper for a partner.
3. The teacher asks students to read the texts and then put questions to the text on the separate sheet with new lexis used in their articles. A number of questions varies depending on the content and length of the text. A teacher monitors and checks grammatical accuracy of the fulfilled task.
4. Students exchange sheets of paper with their questions and new words, so every learner has partner's words and a list of questions to a partner's text he/she has to answer while a partner is delivering the information obtained.

Student A

Business diary: Johan Roets

as told to Jude Webber

Johan Roets is Head of Personal and Business Banking for the Americas at Standard Bank. He lives in Buenos Aires. As Johan says, "I don't really have a typical day. Sometimes I have a conference call with boss at 3 a.m."

Usually, the Argentine day doesn't start until 10 a.m. or 11 a.m. He does administration in the afternoon. "I go to South Africa every two months. I love travelling as I can think and read during my flight. I don't like meetings but I typically have six or eight meetings a week. My hobbies are business, technology and people".

Vocabulary:

To do administration – заниматься делами

Flight – рейс, перелет, полет

Student B

Business diary: Paul Tribble, Paul Watson

as told to Vanessa Friedman

Paul Tribble and Paul Watson are owners of Ledbury, a company that makes luxury shirts. Their company is in Richmond, USA. At work they check customer e-mails. They do about 95

per cent of their business online and sell about 4,500 shirts a month. They sell 5 per cent of their shirts in the store in Richmond, Virginia.

The company has two employees. They don't have official meetings. They talk to each other. At lunchtime, they go to the shop to talk to customers. They spend 25 per cent of the day on the phone with their web designer. The website takes a lot of time and money.

Vocabulary:

Luxury – роскошный, роскошь

To check – проверять

Customer – покупатель

Using this exercise we kill more than two birds with one stone. Firstly, language toddlers need a pattern to follow, as to produce a 100% spontaneous speech is “a mission impossible” for them. Secondly, learners refresh such grammar topics as sentence structure, making questions and the Present Simple tense. Thirdly, they listen, perceive, elicit the necessary information and exchange it. And, finally, they learn new words.

The fundamental issues and the main skills Business English instructors usually deal with are fluency and effectiveness, unlike General English that mainly concentrates on accuracy and fluency. Definitely, all these points are interrelated, but every teacher faces situations when a learner with an extensive professional vocabulary and good grammar knowledge fails to deliver a coherent and articulate speech. To eliminate these problems oral communication activities are crucial.

There are a lot of reasons for using role-plays at classes, and first of all they can help teacher to bring a wide variety of experience, train students' speaking skills and build social skills in any business situation, besides, it's a fun and helps many shy students to participate in class activities, and the most important is that role-plays increase motivation by developing fluency in students language and promoting interaction in the classroom. Of course there is a question how to manage the classroom during role-play or simulation. And here a teacher should keep in mind that it would be better if they 1) begin with pair work rather than group work; 2) keep the activity short until students get used to it; 3) make sure that role-play can be used by different number of students; 4) don't use the role-play if it is too difficult for students; 5) start with easier tasks like information-gap role-plays if your students are likely to break into their native language; 6) always prepare a follow-up activity for those who finish first; 7) set up a strict time limit and stick to it [Brieger, 1997: 46].

The time used on role-plays' implementation varies greatly depending on task complexity and, of course, students' level of English. Thus, there can be a task for 15 minutes (e.g. the one that includes minimum background information) and those which require thorough preparation

and knowledge of different economic issues. Such games enable students to participate in an interesting and challenging discussion about different business topics and besides develop communication skills which can be useful for their future job. In each situation students should participate in a meeting, using prescribed roles, discuss some important issues and try to come to a decision. Each simulation provides a preparatory task, situation (which gives basic facts about the company and questions to discuss), role with details of their job in the firm and opinions, and follow-up questions. Usually such tasks are rather time-consuming so to save time it is possible to give students the first preparatory steps as home-task and leave the main part as class activity.

Another challenging task for low-level students is listening activities. Here they face the same problem they do during oral communication skills activities, i.e. lack of vocabulary. Thus, the process of audio comprehension becomes a time-consuming and very exhausting task for both teacher and learners.

There are a number of ways how to make that activity less harmful for teacher's and students' sanity. To make that process easier requires a lot of preliminary work done by a language instructor. For example, a trainer may put down the unknown words on the whiteboard before listening and explain their meanings to students. We offer to choose various tasks to accomplish listening tasks successfully. It is possible to prepare a gap-filling exercise, as in the example given below [Cotton, Falvey, Kent, 2006: 150].

LARGE ORDERS	GUARANTEE	DEPOSIT
IN STOCK	PLACE AN ORDER	DELIVER

6.2 (KS = Karl Svensson, AD = Alex Dodd)

KS Hello. Can I speak to Alex Dodd, please?

AD Speaking.

KS This is Karl Svensson.

AD Hello, Mr Svensson. You asked us for a price for some TX7s.

KS Yes, that's right. Before I ... , I have some questions.

AD Sure. Go ahead.

KS Well, firstly, do you give a ... ?

AD Yes. It's two years on all our models.

KS OK. And what about a ... ?

AD Well, we ask for a 15% deposit on ... - that's more than 50 units.

KS Yes, that's no problem. And do you have the goods ... ?

AD Yes, we always have goods in stock, and we always ... on time.

KS OK, I think that's everything. I'd like to compare prices with Emmerson's, but I'll contact you again this afternoon.

Another idea is to process the tape script in the following way:

6.5 (I = Interviewer, BH = Bob Hazell)

I What makes a successful sale?

BH The first thing is to be prepared -er, make sure that you've got everything that you need for your interview.

Secondly, you should have researched your customers well before you go. That doesn't mean knowing everything about them, but it does mean knowing the basics, so that you don't have to ask silly questions.

The third thing to do is to make sure that you're talking to the right people. To help to do this, there's a very simple process based upon the idea of 'MAN' M, A, N. M is the person who has the money; A is the person who has the authority; and N is the person who has the need. And nearly always we end up talking to the person who has the need. If we don't talk to the person who also has the authority and the money, then we may not get what we're looking for.

Fourthly, the important thing to do is to know your product or service well. Knowing that will firstly build confidence in you, and secondly it will build credibility with your customer.

To make sure – удостоверяться, убеждаться

To research – исследовать

Silly – глупый

Simple – простой

Authority – власть, авторитет

Nearly – почти

To look for – искать

Confidence – уверенность

Credibility – уровень доверия

For sure all these preparatory steps are additional workload for teachers. But if a language trainer wants to reach the aims set they are usually necessary and difficult to avoid.

In conclusion we would like to underline that teaching Business English to low-level students is challenging but not limited. An enthusiastic language instructor can always identify his / her students' needs and adapt existing available materials in order to make the classes productive and interesting.

REFERENCES

1. Баграмова Н. В. Интерактивный подход в обучении иностранным языкам. М.: Академия, 2005. 157 с.
2. Евтушенко О. А. Деловой английский язык для специалистов экономического профиля в условиях высшей школы // Известия Волгоградского государственного технического университета. Волгоград, 2009. Т. 10. № 6. С. 114-123.
3. Николаева Е. В. Проблемы обучения профессиональной коммуникации на иностранном языке // Иностранные языки в образовательном пространстве технического вуза. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2007. С. 82-90.
4. Плужникова Ю. А. О проблемах профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам студентов неязыкового вуза // Актуальные проблемы иностранного языка делового и профессионального общения. М.: РУДН, 2006. С. 94-95.
5. Barrall I. Market Leader. Elementary. Teacher's Resource Book. Pearson Education Limited, 2008. 160 p.
6. Brieger N. The York Associates Teaching Business English Handbook. York: York Associates Publications, 1997. 264 p.
7. Ciortescu E. R. Teaching communication skills in business English classes – an overview // International Journal of Communication Research. Vol. 2. Issue 3 July / September 2012. P. 219-223. Available at: http://www.ijcr.eu/articole/85_37_IJCR%203-2012.pdf. (accessed: 8.09.2016).
8. Cotton D., Falvey D., Kent S. Market Leader Elementary. Student's Book. New Edition. Pearson Education Limited, 2006. 161 p.
9. Ellis M., Johnson C. Teaching Business English. Oxford: Oxford University Press, 1994. 285 p.
10. Harmer J. The Practice of English Language Teaching. Longman, 2001. 204 p.
11. Jones G. Five tips for teaching business English. 26 March 2014. Available at: <https://www.britishcouncil.org/voices-magazine/five-tips-teaching-business-english>. (accessed: 8.09.2016).
12. Laudousse G. P. Role Play. Resource Book for Teachers. Oxford: Oxford University Press, 1987. 187 p.
13. Lewis M., Hill J. Practical Techniques. For Language Teaching. London: Language Teaching Publications, 1995. 164 p.
14. Nutell C. Teaching Reading Skills in a foreign language. Macmillan Heineman, 2005. 282 p.
15. Scrivener J. Learning Teaching. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 1998. 124 p.
16. Verner S. Business English is a unique but rewarding subject to teach. 2015. Available at: <http://busyteacher.org/10411-what-every-business-english-teacher-needs-to-know.html>. (accessed: 8.09.2016).

REFERENCES

1. Bagramova, N. V. (2005). *Interaktivnyy podkhod v obuchenii inostrannym yazykam* [Interactive approach in teaching foreign languages]. М.: Akademiya. (In Russ.).
2. Yevtushenko, O. A. (2009). *Delovoy angliyskiy yazyk dlya specialistov ekonomicheskogo profilya v usloviyakh vysshey shkoly* [Business English for specialists in economics of higher educational establishments]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Vol. 10. N 6. Pp. 114-123. (In Russ.).
3. Nikolayeva, Ye. V. (2007). *Problemy obucheniya professionalnoy kommunikatsii na inostrannom yazyke* [Problems of teaching professional communication in foreign language]. In *Inostrannye yazyki v obrazovatelnom prostranstve tekhnicheskogo vuza*. Novocherkassk. Pp. 82-90. (In Russ.).

4. Pluzhnikova, Yu. A. (2006). O problemakh professionalno-orientirovannogo obucheniya inostrannym yazykam studentov neyazykovogo vuza [On the professionally-oriented teaching foreign languages for students of non-linguistic institutes]. In *Aktualnye problemy inostrannogo yazyka delovogo i professionalnogo*. Moskva. Pp. 94-95. (In Russ.)
5. Barrall, I. (2008). *Market Leader Elementary. Teacher's Resource Book*. Pearson Education Limited.
6. Brieger, N. (1997). *The York Associates Teaching Business English Handbook*. York.
7. Ciortescu, E. R. (2012). Teaching communication skills in business English classes – an overview. In *International Journal of Communication Research*. Vol. 2. Issue 3. P. 219-223. Available at: http://www.ijcr.eu/articole/85_37_IJCR%203-2012.pdf. (accessed: 8.09.2016).
8. Cotton, D., Falvey, D., Kent, S. (2008). *Market Leader Elementary. Student's Book. New Edition*. Pearson Education Limited.
9. Ellis, M., Johnson, C. (1994). *Teaching Business English*. Oxford : Oxford University Press.
10. Harmer, J. (2001). *The Practice of English Language Teaching*. Longman.
11. Jones, G. (2014). *Five tips for teaching business English*. Available at: <https://www.britishcouncil.org/voices-magazine/five-tips-teaching-business-english>. (accessed: 8.09.2016).
12. Laudousse, G. P. (1987). *Role Play. Resource Book for Teachers*. Oxford: Oxford University Press.
13. Lewis, M., Hill, J. (1995). *Practical Techniques. For Language Teaching*. Language Teaching Publications.
14. Nutell, C. (2005). *Teaching Reading Skills in a foreign language*. Macmillan Heineman.
15. Scrivener, J. (1998). *Learning Teaching*. Oxford: Macmillan Publishers Limited.
16. Verner, S. (2015). *Business English is a unique but rewarding subject to teach*. Available at: <http://busyteacher.org/10411-what-every-business-english-teacher-needs-to-know.html>. (accessed: 8.09.2016).

Ещенко Лилия Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка для экономических специальностей (e-mail: ylv77@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Yeschenko Liliya V. – Senior Lecturer at the Department of the English Language for Economic Specialities (e-mail: ylv77@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Писаревская Марина Маркленовна – старший преподаватель кафедры английского языка для экономических специальностей (e-mail: bopoh_66@list.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Pisarevskaya Marina M. – Senior Lecturer at the Department of the English Language for Economic Specialities (e-mail: bopoh_66@list.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 31 октября 2016 г.

УДК 811.111: 378.091.3

© 2016 Л. В. Сулина

К ПРОБЛЕМЕ ПРОЕКТИРОВАНИЯ УЧЕБНИКА ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье обосновываются три основных плана отражения содержания высшего образования в учебнике по иностранному языку для студентов естественных специальностей. Раскрывается содержание профессионального аспекта соответствующего практикума. Освещается проблема запроса практики подготовки студентов с опорой на учебник, в котором отображается содержание профессионального образования.

Ключевые слова: профессионально ориентированные темы, проектирование учебника, интерактивный практикум, методическое обеспечение, содержание пособия, системная организация учебника.

© 2016 L. V. Sulina

AS FOR PROBLEM ENGLISH TEXTBOOK DESIGNING FOR NATURAL SCIENCES STUDENTS

The three basic aspects of higher education contents representation in the English language textbook for natural science students are well grounded in the present paper. They are: professional, culturological and structural-functional aspects. The professional aspect contents of the given practical work is shown in this paper.

Key words: professionally oriented topics, textbook designing, interactive practical work, methodical educational aids, educational supplies contents, systematic textbook organization.

Постановка проблемы в общем виде

Начало XXI века – время перехода к информационному обществу, в котором качество человеческого потенциала, уровень образованности и культуры населения приобретают решающее значение. Интеграция и глобализация социальных, экономических и культурных процессов нуждаются в модернизации образовательного пространства. В условиях реформирования системы образования особенно актуальна проблема обновления его содержания, поскольку содержание образования – это своеобразная модель требований общества к подготовке молодого поколения. Материальным носителем предметного содержания, средством его реализации является учебник, поэтому разработка и создание учебников нового поколения – приоритетная задача развития новой системы высшего профессионального образования. В связи с этим возникает актуальная проблема в необходимости высшего звена образования в

высококачественных учебниках и недостаточная разработанность научно обоснованных основ их конструирования.

По словам П. Ф. Друкера, сегодня знания используются для определения того, что необходимо для развития компании, общества и т.д.; какие практические результаты могут иметь знания; что должно быть сделано, чтобы система знаний работала эффективно для достижения определенного результата [Druker, 1993].

Исходя из этого, возникает необходимость в запросе практики по подготовке студентов естественных факультетов с опорой на учебное пособие, в котором целостно отражается содержание профессионального обучения и в котором культуроведческий, профессиональный и структурно-функциональный планы отражения содержания высшего образования являются, на наш взгляд, главными.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы

Рассмотрение проблемы учебников было начато еще Я. А. Коменским (вторая половина XVII века). Существенно обогатили указанную проблему фундаментальные монографии Д. Д. Зуева, В. Г. Бейлинсон и В. П. Беспалько (восьмидесятые годы XX века), предметом изучения которых были структура учебной книги, ее функции, методы анализа и оценки.

Концепция современного учебника обоснована в исследованиях отечественных и зарубежных ученых: сущность учебника, его структура и функциональное обеспечение (В. Г. Бейлинсон, В. П. Беспалько, Н. М. Буринская, Д. Д. Зуев, Ч. Куписевич, И. Я. Лернер, В. Оконь, А. И. Сиротенко, И. П. Товпинец, В. С. Цетлин, Г. Шульце и др.); роль и место книги в учебном процессе (Ю. К. Бабанский, И. Я. Лернер, Б. Я. Савченко, М. Н. Скаткин, Н. Ф. Талызина и др.); учебник в системе учебно-методического комплекса (Т. М. Байбара, Н. М. Бибики, А. А. Беда, С. Г. Шаповаленко и др.); отражение в учебнике содержания образования с учетом особенностей учебного предмета (М. И. Бурда, И. К. Журавлев, Л. Я. Зорина, В. М. Мадзигон и др.)

Психологические основы учебной книги конкретизированы в следующих направлениях научного поиска: отражение в учебнике концепции развивающего обучения (В. В. Давыдов, Л. В. Занков, И. С. Якиманская и др.); процессуальность учебной книги, ее развивающая направленность (Д. М. Кабанова-Меллер, А. В. Фурман, Г. А. Цукерман и др.); психологические требования к учебнику (Н. А. Менчинская) психологические аспекты организации самостоятельной работы учащихся с учебником (С. М. Бондаренко, Г. Г. Граник, Л. А. Концева).

Проблемам обучения иностранному языку по профессиональному направлению в последние десятилетия прошлого века были посвящены научные разработки ряда ученых педагогов, методистов, психологов. Среди них И. Берман, С. Фоломкина, П. Робинсон и другие. Разработки нашли свое продолжение в контексте новых вызовов современности у Л. Клименко, Н. Филипповой, А. Уотерса.

Сегодня существует целый корпус диссертационных исследований по этому вопросу. Особенно, по нашему мнению, следует отметить диссертацию И. Ключковской «Структурирование содержания интегративного учебника по иностранным языкам для будущих специалистов инженерных специальностей».

А также сегодня существуют «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment, 2001] и «Европейский языковой портфель», где сформулированы критерии, рекомендации и требования европейских стандартов языкового образования.

Цели статьи:

1. Осветить основные аспекты отражения содержания высшего образования в интерактивном практикуме по английскому языку для студентов естественных специальностей.
2. Обосновать необходимость использования профессионального аспекта в процессе проектирования учебника как одного из главных.

Изложение основного материала

Учебник по иностранному языку – это комплексный по своему содержанию, функциональности и структуре предмет / способ / форма образования, с помощью которого студенты овладевают речевыми навыками.

Одной из главных функций учебника является формирование вторичной языковой личности. Но для реализации этого нам необходимо остановиться более подробно на элементах, сопровождающих формирование языковой личности – культура страны изучаемого языка, профессиональные знания и способность овладеть профессиональным специализированным языком. Воспитательная цель изучения языка состоит в гуманистической составляющей изучения языка. В аналитической справке Европейского Совета «Иностранные языки – современность и классика» сказано, что преподавание иностранного языка должно фокусироваться на культурных особенностях, связанных с языком в вопросе достижения общечеловеческих ценностей, а также для понимания других обществ и их культур. «Понимание культур в сочетании с возможностями для общения, как ожидается, приведет к уменьшению предвзятых мнений. Поскольку общение в современных условиях может быть прямым, а не опосредованно текстами,

благоприятная коммуникация будет реализовываться продуктивно в случае уважения к другой культуре и идентичности» [Foreign languages – Modern and Classical. European Council. Language Policy Division, 2009]. Задача этой работы – осветить профессиональный аспект в содержании инновационного практикума по английскому языку для студентов естественных специальностей [Хомицька, Нехаєнко, Толстоп’ятова, Суліна, 2010].

В контексте главных целей процессов изучения и преподавания языка предлагается выделить следующие сферы: личная (сфера личных интересов), в которой субъект обучения живет как частное лицо; публичная, в которой субъект обучения действует как член общего сообщества или какой-либо организации; профессиональная, в которой субъект обучения выполняет свои должностные или профессиональные обязанности; образовательная сфера, в которой субъект обучения участвует в организованном учебном процессе, особенно (но не обязательно) в определенном образовательном учреждении [Ніколаєва, 2003: 82].

В нашем случае именно образовательная сфера превалирует при разработке модели учебника, который включает, в основном, профессиональную лексику, тематика рассматривается комплексно, структурированно и четко. В соответствии с этим, создаются и определенные условия для конкретных видов обучения / типов коммуникативных актов: чтения, письма, речи, грамматики и тому подобное.

Так, например, первый урок начинается с объяснений, что такое биология: *«Biology is the study of life. When you study biology you will learn about all of the different kinds of living things. You will learn where they live, what they are like, how they depend on each other, and how they behave. One of the main ideas in biology is that living things depend on each other. They are part of what is called the balance of nature. All living things interact with other living things and with the world they live in. Without these relationships, nothing would survive. Humans need plants and animals to supply us with food and raw materials, such as wood, oil, and cotton. Plants provide the oxygen in our air»* [Хомицька, Нехаєнко, Толстоп’ятова, Суліна, 2010: 5].

В этом отрывке из аудиторного практикума мы можем увидеть лексические особенности изучения иностранного языка. Итак, мы должны отметить, что создание теоретической модели учебника в контексте подготовки речевой личности происходит, учитывая профессиональную / специализированную подготовку студентов.

Три этапа подготовки специалистов определенной отрасли в контексте овладения профессиональным языком, которые должны отражаться в структуре и содержании

учебника, определяет известный педагог А. Н. Федоренко: *начальный (корректирующий) этап* иноязычной подготовки, главная цель которого – адаптация студента к особенностям обучения, подготовка к компетентностно-ориентированному овладению языком.

Второй (базовый) этап имеет цель сформировать у студентов возможность оценки определенных явлений мира с позиций общекультурного развития, формировать аналитические умения. На этом этапе изучения языка должны быть сформулированы общепрофессиональные знания. Здесь активно внедряется алгоритмизация работы с профессиональной лексикой.

Третий этап – профессиональный, предусматривающий интегративное развитие всех компетенций на основе выполнения задач из сферы профессиональной деятельности и иноязычного общения. На этом этапе изучение иностранного языка является более углубленным и комплексным вместе с профессиональными знаниями [Федоренко, 2011: 724-730].

Важным в этом смысле является понятие межпредметной координации, под которой мы понимаем внедрение в содержание учебника материалов, связанных с профессиональной подготовкой на иностранном языке и постоянную реципрокную связь со специальными предметами. Педагог Р. Гришкова предлагает в контексте межпредметной координации использовать понятие «интеграция» и «координация». Так, под интеграцией понимается «процесс и результат создания неразрывно связанного, единого и цельного в обучении – осуществляется путем слияния в одном синтезированном курсе (теме, разделе, программе) элементов различных учебных предметов, слияния научных понятий и методов преподавания различных дисциплин в общенаучные понятия и методы познания, комплексирования и суммирования основ наук в раскрытии межпредметных учебных проблем; это процесс сближения и связи наук, происходящий одновременно с процессами их дифференциации» [Гришкова, 2007: 237].

В свою очередь, координация – это «согласование учебных программ, по смежным предметам учитывая общность трактовки изучаемых понятий, явлений, процессов и времени их изучения, то есть тщательно разработанная взаимосвязь учебных предметов, способствует интеграции знаний» [Гришкова, 2007: 237].

Но, поскольку учебник иностранного языка является, в первую очередь, учебником по языку, профессиональный материал в нем достаточно простой и неуглубленный, это не является учебником по любой профессиональной дисциплине на английском языке.

Сегодня существует целый корпус диссертационных исследований по этому вопросу.

Особенно, по нашему мнению, следует отметить научный труд И. Ключковской «Структурирование содержания интегративного учебника по иностранным языкам для будущих специалистов инженерных специальностей», где впервые обоснована концепция интегративного учебника по иностранным языкам для конкретных нужд. Автор определяет концепцию такого учебника как основанного на «интеграции профессионально ориентированных и языковых дисциплин, исторических достижений и современных мировых стандартов образования; система учебника функционирует в реальной среде учебного процесса, является его подсистемой и отражает интегральное влияние среды; интегративный учебник предполагает целостность четырех видов речевой деятельности (чтение, говорение, аудирование и письмо) и т.д.» [Ключковська, 2006: 63].

По мнению И. Ключковской, интегративный учебник отражает «суть интеграции знаний по иностранному языку как по горизонтали (от понимания слова как такового – к его функционированию сначала в предложении, а затем и в текстовом контексте), так и по вертикали (использование слов, предложений в профессиональном контексте и выход на коммуникативный уровень владения иностранным языком)» [Ключковська, 2006: 63].

Однако И. Ключковская подчеркивает необходимость четырех видов работы (чтение, аудирование, речи и письма) соответственно вариативной части. Нам же кажется правильным утверждение о том, что интегрирование ценностей по естественным специальностям и конкретным специальностям (в нашем случае – это биология и химия) ставит в одинаковые условия первоначальному тематическому (профессиональному) обучению языку. Именно поэтому наш проект учебника является таким, что универсализирует профессиональные знания и в нем используется общеспециальная, а не узкоспециальная лексика. Таким образом, мы предлагаем новую концепцию «семантической речи» учебника по иностранному языку для естественных специальностей, в соответствии с которой вся информация, представленная в учебнике есть логически-последовательная и такая, что способствует развитию знаний путем комплексного контекстуального изучения языка, профессиональных предметов.

К тому же, под словом «семантический» мы понимаем не только «значение» в лингвистическом смысле, но и «значение» в смысле содержания образования. Ведь современная дидактика рассматривает учебник в качестве модели образовательного процесса, отражает цели, содержание образования, дидактические процессы и технологии обучения. Здесь большое значение имеет и активизация фоновых знаний, контекста высказывания, понимание семантических оттенков и тому подобное [Canale, Swain, 1980].

Поэтому мы должны проанализировать структурно-функциональные особенности учебника по иностранному языку.

Сам процесс обучения – это основа реализации содержания образования, когда преподаватель работает непосредственно с учениками / студентами, выполняя ряд педагогических функций. В то же время учебник является вспомогательным средством и основным материалом (средством), с помощью которого осваиваются знания. Поэтому учебник должен быть оптимальным как для лучшего усвоения материала, так и функциональным.

Ведь в образовательно-квалификационной характеристике и в образовательно-профессиональной программе в соответствии с государственным отраслевым стандартом по химии и биологии о содержании умений по иностранному языку говорится об умении выражать собственное мнение, анализировать, обрабатывать материал, делать презентации, общаться и тому подобное.

Ведь, по словам М. Денисенко и В. Осідак, особенностью владения иностранным языком в неязыковом вузе является прикладной к основной специальности характер, что дает возможность будущим специалистам не только получать новейшую профессионально-целостную информацию из различных иностранных источников, но и обмениваться ей в устной и письменной форме [Денисенко, Осідак, 2012: 260].

Отсюда следует, что успешная подготовка специалистов любого профиля зависит от уровня сформированности их профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Поэтому одной из задач современного учебника / пособия должно быть *формирование профессиональной компетенции студентов*.

Мы проанализировали в соответствии с ГСВО профессиональные компетенции бакалавра по направлению 06.03.01 «Биология», в общепрофессиональном цикле, в которые входят, среди прочих:

- базовые представления о разнообразии биологических объектов, понимание значения биоразнообразия для сохранения устойчивости биосферы;
- владение методами наблюдения, описания, идентификации, классификации, культивирования биологических объектов;
- современные представления о принципах структурной и функциональной организации биологических объектов и механизмах поддержания гомеостаза;
- базовые представления об основных закономерностях и современные достижения генетики, микро- и макроэволюции, понимание роли эволюционной идеи в биологическом мировоззрении;

- представление об основах эволюционной теории;
- базовые представления об основах общей, системной и прикладной экологии, принципах оптимального природопользования и охраны природы;
- современные представления об основах биотехнологии и генной инженерии;
- современные представления о принципах мониторинга, оценки состояния природной среды и охраны живой природы;
- способность планировать и реализовать соответствующие меры;
- способность к деловым коммуникациям в профессиональной сфере, знание основ делового общения, навыки работы в команде;
- умение вести дискуссию и преподавать основы биологии и экологии.

Итак, для того, чтобы учебник был действенным и его задачи были достигнуты, необходима реализация его специфических функций, ведущей среди которых является учебная. Эта функция способствует развитию речевых знаний и умений, обобщению материала, а также совершенствованию речевых навыков и умений. К основным функциям учебника относятся также развивающая и воспитательная, которые реализуются в возможностях содержания учебника.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Как утверждает Н. Никитенко, «принципами организации учебного процесса по изучению иностранных языков, в связи с ограниченным количеством учебного времени, отводимого учебным планам подготовки специалистов неязыковых специальностей, в частности, естественных, должны быть: системность, фундаментализация обучения, дозированность и структурированность учебного материала, последовательность и преемственность его изложения, гибкость и вариативность учебных программ, реализация межпредметных связей, применение теоретических знаний в практической подготовке студентов, ориентация на дальнейшую практическую деятельность будущих специалистов и учета требований рынка труда, а также экономное использование аудиторного времени и рациональная организация самостоятельной работы студентов, которая должна быть управляемой и целенаправленной» [Микитенко, 2010: 43-45].

В «Программе по английскому языку для профессионального общения», которая является общей по характеру и может использоваться для различных специальностей и специализаций профессиональной подготовки студентов указано, что для получения степени бакалавра, вместе со всеми другими профессиональными умениями, студент должен уметь эффективно общаться на английском языке в профессиональной среде, чтобы:

– обсуждать учебные и связанные со специализацией вопросы, для того чтобы достичь понимания с собеседником;

– готовить публичные выступления по ряду большого количества отраслевых вопросов, применяя соответствующие средства вербальной коммуникации и адекватные формы ведения дискуссий и дебатов;

– находить новую текстовую, графическую, аудио- и видеоинформацию, содержащуюся в англоязычных отраслевых материалах (как в печатном, так и в электронном виде), пользуясь соответствующими поисковыми методами и терминологией;

– анализировать англоязычные источники информации для получения данных, необходимых для выполнения профессиональных задач и принятия профессиональных решений;

– писать профессиональные тексты и документы на английском языке по ряду отраслевых вопросов;

– писать деловые и профессиональные письма, демонстрируя межкультурное понимание и предыдущие знания в конкретном профессиональном контексте;

– переводить англоязычные профессиональные тексты на родной язык, пользуясь двуязычными терминологическими словарями, электронными словарями и программным обеспечением переводческого направления [Бакаева, Борисенко, 2005: 15].

В этой программе отмечается, что «ни один учебник не должен использоваться слепо и систематически. Вряд ли существует хотя бы один учебник, который был бы способен удовлетворить потребности отдельной группы студентов. Таким образом, преподаватели должны сами разрабатывать свои собственные «комплекты» ресурсных материалов. Основными источниками такого комплекта являются аутентичные материалы в области, выбранной студентами специальности» [Бакаева, Борисенко, 2005: 35].

Мы полностью согласны с этим утверждением и, более того, – реализуем его практически в контексте создания модели учебника по иностранному языку для студентов естественных специальностей.

Учебное пособие «Интерактивный практикум по английскому языку для студентов естественных факультетов» должно отвечать основным требованиям, предъявляемым к работам такого типа.

Эффективность педагогической работы на основе проекта этого учебного пособия проверяется в течение нескольких семестров. Его экспериментальная апробация является обязательной для повышения уровня знаний студентов, который отмечается специалистами.

Такой учебник позволяет работать интерактивно, предусматривает внедрение индивидуальных, групповых и парных методов в работу преподавателя со студентами.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бакаева Г. Е., Борисенко О. А., Зуенок И. И. и др. Программа по английскому языку для профессионального общения. Киев: Ленвит, 2005. 124 с.
2. Гришкова Р. О. Формування іншомовної соціокультурної компетенції студентів нефілологічних спеціальностей. Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2007. 424 с.
3. Денисенко М. В., Осідак В. В. Роль сучасного підручника у формуванні англійської комунікативної професійної компетенції у процесі міжкультурної інтеграції // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія Філологічна. № 23. 2012. С. 259-262.
4. Ключковська І. М. Структурування змісту інтегративного підручника з іноземних мов для майбутніх фахівців інженерних спеціальностей. Тернопіль, 2006. 250 с.
5. Микитенко Н. О. Структура іншомовної професійної підготовки фахівця природничого профілю у вищих навчальних закладах України // Наукові записки. Серія: Педагогіка. 2010. № 2. С. 43-45.
6. Ніколаєва С. Ю. Загальноєвропейські рекомендації з мовної освіти: вивчення; викладання, оцінювання. Київ: Ленвіт, 2003. 273 с.
7. Федоренко О. М. До питання про модель професійно-спрямованої іншомовної підготовки майбутніх фахівців юридичних спеціальностей, реалізовану у змісті підручника // Проблеми сучасного підручника. Київ: 2011. Вип. 11. С. 724-730.
8. Хомицька О. В., Нехаєнко А. О., Толстоп'ятова О. В., Суліна Л. В. Інтерактивний практикум з англійської мови для студентів біологічного факультету. Донецьк, 2010. 197 с.
9. Canale M., Swain M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics. 1980. № 1. P. 1-47.
10. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge University Press, 2001. 214 p.
11. Druker F. P. Post-Capitalist Society. HarperBusiness, 1993. 232 p.
12. Foreign Languages – Modern and Classical. European Council. Language Policy Division. Brussels, 2009. 6 p.

REFERENCES

1. Bakaeva, G. E., Borisenko, O. A., Zuenok, I. I. i dr. (2005). *Programma po angliyskomu yazyku dlya professionalnogo obscheniya* [English for Specific Purposes [ESP] National Curriculum for Universities]. Kiev: Lenvit. (In Russ.).
2. Gryshkova, R. O. (2007). *Formuvannya inshomovnoyi sotsiokulturnoyi kompetentsiyi studentiv nefilologichnykh spetsialnostey* [The Forming of Sociocultural Competence in a Foreign Language of Students of Non-philological Specialities]. Mikolayiv: Vid-vo MDGU im. Petra Mogili. (In Ukr.).
3. Denysenko, M. V., Osidak, V. V. (2012). Rol suchasnoho pidruchnyka u formuvanni anglomovnoyi komunikatyvnoyi profesiynoyi kompetentsiyi u protsesi mizhkulturnoyi integratsiyi [The role of modern textbook in the formation of English-speaking communicative professional competency in the process of cross-cultural integration]. In *Naukovi zapysky Natsionalnogo universytetu «Ostrozka akademiya». Seriya Filologichna. № 23*. Pp. 259-262. (In Ukr.).
4. Klyuchkovska, I. M. (2006). *Strukturuvannya zmistu integratyvnoho pidruchnyka z inozemnykh mov dlya maybutnikh fakhivtsiv inzhenernykh specialnostey*. [The structuring of the

contents of the integrative foreign languages textbook for future engineering specialists]. Ternopol. (In Ukr.).

5. Mykytenko, N. O. (2010). *Struktura inshomovnoyi profesiynoyi pidgotovky fakhivtsya pryrodnychogo profilyu u vyshchikh navchalnykh zakladah Ukrainy* [The structure of foreign language professional education of the future specialist majoring in sciences at the Universities of Ukraine]. In *Naukovi zapysky. Seriya: Pedagogika*. № 2. Pp. 43-45. (In Ukr.).

6. Nikolayeva, S. Yu. (2003). *Zagalnoievropeyski rekomendatsiyi z movnoyi osvity: vvychnennya; vykladannya, otsynuyannya* [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment]. Kyiv: Lenvit. (In Ukr.).

7. Fedorenko, O. M. (2011). *Do pytannya pro model profesiyno-spryamovanoyi inshomovnoyi pidgotovky maybutnikh fakhivtsiv yurydychnykh spetsialnostey, realizovanu u zmisti pidruchnyka* [As for problem of foreign language education model of future specialists in legal profession realized in the textbook context]. In *Problemy suchasnogo pidruchnyka*. Kyiv: Vol. 11. Pp. 724-730. (In Ukr.).

8. Khomytska, O. V., Nekhaienko, A. O., Tolstopyatova, O. V., Sulina, L. V. (2010). *Interaktyvnyy praktykum z angliyskoyi movy dlya studentiv biologichnogo fakultetu* [English language interactive practical work for biology department students]. Donetsk. (In Ukr.).

9. Canale, M., Swain, M. (1980). *Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing*. In *Applied Linguistics*. 1980. № 1. Pp. 1-47.

10. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment* (2001). Cambridge University Press.

11. Druker, F. P. (1993). *Post-Capitalist Society*. HarperBusiness.

12. *Foreign Languages – Modern and Classical*. European Council. *Language Policy Division* (2009). Brussels.

Сулина Людмила Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: student-luda@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Sulina Lyudmila V. – Senior Lecturer at the Department of English for Natural Sciences and Humanities (e-mail: student-luda@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 23 июня 2016 г.

ПОРТРЕТ УЧЁНОГО

2 января 2017 г. свой юбилей отмечает известный типолог и германист, заведующий кафедрой германской филологии Донецкого национального университета, ответственный редактор журнала “Studia Germanica, Romanica et Comparatistica” доктор филологических наук, профессор Владимир Дмитриевич Калиущенко.

Редколлегия журнала, коллеги, ученики сердечно поздравляют Владимира Дмитриевича с юбилеем и искренне желают крепкого здоровья, счастья, насыщенной творческой жизни и талантливых учеников!

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КАЛИУЩЕНКО

Владимир Дмитриевич Калиущенко родился 2 января 1947 г. в г. Первомайске Ворошиловской (ныне Луганской) области в семье врача Дмитрия Андреевича и педагога Нины Павловны Калиущенко. Любовь к изучению иностранных языков будущему доктору наук привила мама. В 1966 г. он поступил в Пятигорский институт иностранных языков, откуда перевелся в Донецкий государственный университет (ныне Донецкий национальный университет), который окончил в 1971 г. Именно в Донецком университете талантливый студент Владимир Калиущенко увлекся лингвистической наукой. Большую роль в этом сыграл научный руководитель дипломной работы известный ныне профессор-германист Алексей Алексеевич Прокопчук. Уже в дипломной работе ярко проявились аналитические способности Владимира Калиущенко, и выпускнику факультета романо-германской филологии было предложено место работы на кафедре немецкого языка, где началось его становление как преподавателя и исследователя.

В 1976 г. В. Д. Калиущенко поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР (сейчас Институт лингвистических исследований Российской Академии наук), работал над кандидатской диссертацией, участвовал в семинарах, конференциях, был, по выражению научного руководителя В. П. Недялкова, «летописцем» проекта «Типология результативных конструкций». Успешно защитив кандидатскую диссертацию на тему «Немецкие отсубстантивные глаголы» в 1979 г., молодой ученый возвращается в г. Донецк. Вся научно-преподавательская деятельность Владимира Дмитриевича связана с факультетом романо-германской филологии Донецкого национального университета, где он прошел путь от ассистента до профессора. С 1987 года

руководит кафедрой немецкого языка (с 2000 г. – германской филологии). В 1989 г. в Санкт-Петербургском университете защитил докторскую диссертацию на тему “Словообразование “имя – глагол”. Типология отыменных глаголов”. В 1990 г. избирается деканом факультета романо-германской филологии (с 2002 г. факультет иностранных языков) и работает на этом ответственном посту до 2015 года.

За годы работы Владимира Дмитриевича в должности декана факультет иностранных языков качественно вырос. По его инициативе впервые в Украине начали проводиться защиты кандидатских диссертаций по специальности “Сравнительно-историческое и типологическое языкознание”. Усилиями В. Д. Калиущенко на факультете был открыт и успешно функционировал специализированный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по двум специальностям – “Германские языки” и “Сравнительно-историческое, и типологическое языкознание”. Со дня основания совета Владимир Дмитриевич – его бессменный председатель. На факультете успешно функционируют аспирантура и докторантура. Регулярно проводятся международные конференции, издаются монографии, монографические серии, сборники научных трудов, учебно-методическая литература.

Высокий авторитет профессора Калиущенко как руководителя и ученого позволил расширить географию международных связей факультета. В 1995–1999 гг. Владимир Дмитриевич руководил с украинской стороны международным проектом “Создание учебников для подготовки германистов”, сыгравшим важную роль в развитии германистики в Донецком национальном университете. В нем принимали участие ученые кафедры германской филологии, лингвисты и научные сотрудники Института изучения Германии Рурского университета (г. Бохум, Германия). В результате работы над проектом были написаны и защищены две кандидатские и одна докторская (Л. Н. Ягупова) диссертация, изданы монография и сборник научных трудов. Проект имел и прикладное значение, его итогом стала публикация учебников и учебных пособий нового поколения для подготовки германистов. Авторами учебников стали преподаватели кафедры германской филологии – Л. И. Кислякова, М. В. Борисенко. С 2009 г. по 2014 г. осуществлялся новый совместный научный проект кафедры германской филологии ДонНУ с Центром изучения немецкого языка Университета г. Мюнстер. С немецкой стороны руководила проектом профессор Х. Ролль. Реализация совместных проектов принесла известность германистическому направлению факультета, как в Украине, так и за ее пределами.

Согласно договорам о сотрудничестве с Московским государственным университетом, Институтом лингвистических исследований Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург), Минским государственным лингвистическим университетом, в рамках российско-украинского Консорциума университетов приграничных областей

организовывались стажировки ученых, аспирантов, обучение в аспирантуре молодых преподавателей факультета, проводились международные конференции и семинары, осуществлялся обмен издаваемой литературой. По его инициативе и при непосредственном участии студенты, преподаватели факультета прошли стажировки в Берлине, Санкт-Петербурге, Бохуме, Мюнхене. Сам Владимир Дмитриевич стажировался в ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург, 1990 г., 1991 г.), в Рурском университете (г. Бохум, 1995 г., 1996 г., 1998 г.), в Институте иностранных языков и перевода (г. Мюнхен, 2000 г.), в Университете г. Мюнстер (2010 г.). В 2003 г. профессора В. Д. Калиущенко пригласили с докладом по типологии в Берлинский университет им. Гумбольдта. В 2012 г. Международное научное издательство Peter Lang (г. Франфрукт на Майне, Германия) заключило с В. Д. Калиущенко договор об издании серии монографий и сборников «*Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik*» («Донецкие исследования в области германистики, контрастивной и диахронической лингвистики»). Под редакцией В. Д. Калиущенко и известного польского лингвиста Анджея Контны вышли два тома серии Донецких исследований: сборник статей на немецком, английском и французском языках (2013 г.) и монография Л. Б. Николаевой (докторанта юбиляра) на английском языке (2014 г.).

Популярность приобрел уникальный международный лингвистический семинар “Компаративистика и типология в современной лингвистической науке: достижения и проблемы”, который являлся своего рода мастер классом школы профессора Калиущенко, где известные ученые в жарких научных дискуссиях передавали свой опыт молодым коллегам, делающим первые шаги в науке. Своим участием международный семинар украшали коллеги Владимира Дмитриевича – известные ученые, доктора наук из Российской Федерации, Беларуси, Украины, Германии, Болгарии, Польши.

Круг научных интересов доктора филологических наук, профессора Калиущенко широк: типология словообразования, лексико-семантическая типология, сопоставительные исследования лексических и словообразовательных классов слов, диахронические исследования лексики и словообразования в разных языках. Владимир Дмитриевич опубликовал свыше 100 научных работ в различных специализированных изданиях на русском, украинском, немецком и английском языках, среди них две монографии, изданные в Германии: *Deutsche denominale Verben (Studien zur deutschen Grammatik. Bd. 30)*, Tübingen: Narr, 1988; *Typologie denominaler Verben (Linguistische Arbeiten. Bd. 419)*, Tübingen: Niemeyer, 2000.

Истоки научной школы профессора В. Д. Калиущенко связаны с Группой типологического изучения языков Института лингвистических исследований Российской Академии наук. Именно в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде) обучались в аспирантуре

трое преподавателей кафедры немецкого языка ДонНУ, в том числе и Владимир Дмитриевич, под руководством ученого с мировым именем, германиста и типолога профессора В. П. Недялкова. Под руководством В. П. Недялкова была выполнена и докторская диссертация Владимира Дмитриевича.

Ленинградская группа исследовала прежде всего семантические и грамматические категории глагола. Признание группе принесло исследование первой же поставленной проблемы «Типология каузативных конструкций», результаты которого изложены в одноименной коллективной монографии. В. П. Недялков является автором и соавтором нескольких основных глав этой монографии. Им написана монография по каузативным конструкциям в немецком языке, далее последовали работы по пассивным, результативным, рефлексивным и другим глагольным конструкциям. Творческие результаты деятельности группы представлены и в целом ряде переводов основных работ, опубликованных за рубежом. Основным признаком работ группы является создание теории на основе обширной эмпирической базы, которую образуют значительное количество разноструктурных языков. Этот принцип научного поиска стал одним из основных в деятельности школы Владимира Дмитриевича.

Началом деятельности школы считается 1995 год, когда под руководством профессора В. Д. Калиущенко была защищена первая диссертация по сопоставительному изучению языков, выполненная О. Л. Бессоновой. В настоящее время в состав школы входят 5 докторов наук, 23 кандидатов наук, свыше 20 аспирантов и соискателей. В центре внимания исследователей – проблемы изучения семантики разных классов слов в германских языках, а также сопоставление германских и романских языков – прежде всего английского, немецкого и французского со славянскими (украинским, русским). Основным объектом изучения служит наиболее сложная языковая единица – глагол, а именно его лексико-семантический и словообразовательный аспекты, хотя ряд работ посвящен имени существительному, местоимению, а также синтаксическим категориям. Следует отметить, что традиционно предмет исследования составляют структура и семантика исследуемых единиц в их взаимосвязи. Однако в ряде случаев исходной точкой является не единица, а определенное значение, для выражения которого могут использоваться единицы разных языковых уровней, т.е. речь идет о функционально-семантическом подходе. В основе научной концепции деятельности школы опора на широкую эмпирическую базу, внимание к материалу, стремление получить обобщения индуктивного характера, внимание к формальной и особенно к содержательной стороне исследуемых явлений, к их взаимосвязи, применение таких лингвистических методов, как трансформационный, компонентный анализ, построение формул толкования значений, типологический, сопоставительный методы. Научной школе присуще использование

количественного анализа материала. Владимир Дмитриевич всегда подчеркивает, что почти в каждом из языков, по крайней мере, индоевропейских, есть все, что есть в других языках, различия заключаются, прежде всего, в тенденциях, которые важно измерить количественно.

Плодотворность исследовательского поиска руководителя школы не перестает восхищать. Его творческая энергия генерирует новые идеи, что проявляется не только в многочисленных публикациях в международных и отечественных изданиях, но и в работах его учеников. Научные исследования представителей школы профессора Калиущенко выходят за рамки первоначальной проблематики и проводятся в русле самых современных научных парадигм – лингвокогнитивной, дискурсивной, гендерной. Под его руководством защищены пять докторских (О. Л. Бессонова, Ш. Р. Басыров, Л. Н. Ягупова, Е. В. Материнская, И. В. Ступак) и 23 кандидатских диссертаций. Под руководством Владимира Дмитриевича многие студенты ФИЯ неоднократно становились победителями и призерами престижных Международных и Республиканских конкурсов студенческих научных работ.

В новых, сложных условиях В. Д. Калиущенко остаётся в Донецке в родном университете, руководит факультетом (до 2015 г.), в 2015–2016 гг. работает проректором по научной и инновационной деятельности, в конце 2016 г. возвращается на факультет и продолжает заведовать кафедрой. Под его редакцией возобновляется издание научного журнала “*Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*” и монографической серии “Типологические, сопоставительные, диахронические исследования”.

С начала 90-х гг. до 2013 г. Владимир Дмитриевич востребован не только как видный ученый, но и как специалист в области гуманитарного образования. Он принимал активное участие в создании программы высшего образования по специальностям “Иностранный язык и литература” и “Перевод”, был заместителем председателя учебно-методической комиссии по иностранной филологии при Министерстве образования и науки, членом экспертного совета по лицензированию и аккредитации МОН Украины. Кроме того, Владимир Дмитриевич входил в состав комиссии по выделению научных стипендий ДААД (Немецкой службы академических обменов) (г. Киев), принимал участие в экспертизе проектов в рамках программы Европейского Союза “*Tempus / Tacis*”.

В июле 2015 г. Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики заново утвердило диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций с участием ведущих ученых из Российской Федерации, и сегодня молодые ученые имеют возможность представить и защитить свои диссертации по специальностям 10.02.04 «Германские языки» и 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

Студенты факультета принимают активное участие не только в республиканских

конференциях, конкурсах, олимпиадах, но и в научных мероприятиях Российской Федерации. В 2016 г. 6 студентов, научной работой которых руководил Владимир Дмитриевич, прошли конкурс для участия в Международной конференции «Ломоносов» (МГУ), один доклад (Е. Миткова, III курс) был отмечен грамотой в качестве лучшего доклада на секции. В этом же году две работы (М. Златина, М. Чайковская, IV курс), выполненные под руководством В. Д. Калиущенко, были отмечены дипломами III степени на Всероссийском конкурсе студенческих научных работ в г. Нижний Новгород.

Его труд был отмечен званием заслуженного работника образования (2002 г.), знаком «За научные достижения» (2007 г.), Грамотой Верховной Рады (2010 г.). Признание измеряется не только наградами и званиями. Владимир Дмитриевич снискал глубокое уважение со стороны коллектива преподавателей и студентов факультета иностранных языков. Успехи ученого, руководителя сочетаются в нем с готовностью помочь каждому, кто бы ни обратился. Определяющей доминантой его характера является порядочность и человечность. И эта доминанта в нем настолько сильна, что он никогда не остается равнодушным к проблемам других. Ему близки проблемы студентов, он бережно относится к ветеранам факультета. В каждой его идее, в каждом принятом решении видна забота о факультете. Выходец из семьи врача и педагога, Владимир Дмитриевич впитал в себя с раннего детства бережное отношение к человеку, интеллигентность.

Дорогой Владимир Дмитриевич! Вы пользуетесь уважением коллег и учеников не только как преданный своему делу ученый, но и как человек, обладающий огромным профессиональным и жизненным опытом. Творческая активность, принципиальность ученого и доброжелательность человека, заслуженный высокий авторитет мудрого руководителя, Ваша улыбка – все это привлекает к Вам студентов, коллег, людей разных возрастов и служебных положений. Вы всегда находитесь в прекрасной творческой форме, полны интересных планов и идей. От всей души желаем Вам доброго здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов!

*С любовью,
всегда Ваш факультет иностранных языков
Донецкого национального университета*

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

***Ключевые слова:** разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.*

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliušchenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protседury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@mail.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Домашний адрес автора (с указанием почтового индекса)		
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Адрес личной страницы в Интернете или сайта (если имеются)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 12 Выпуск 2 (34) 2016

Язык издания: русский, украинский, английский и др.

Компьютерная верстка О. А. Гринёва